Библиотека
журнала
ЛОГОС

Виктор Мазин

Annotation

Книга Виктора Мазина «Машина влияния» написана на стыке психоанализа, медиатеории и антропологии. Понятие машины влияния возникает в XVIII веке и воплощается в самом начале XIX века в описании Джеймса Тилли Мэтьюза – пациента лондонского Бедлама. Дискурсивная конструкция этой машины предписана политическими событиями, научными открытиями и первой промышленной революцией. Следующая машина влияния, которая детально исследуется в книге, описана берлинской пациенткой Виктора Тауска Наталией А. Представление об этой машине сформировалось во время второй промышленной революции начала XX века. Третья машина, условия формирования которой рассматриваются автором, характеризует начало XXI века. Она возникает на переходе от аналоговых технологий к цифровым, от производственного капитализма к потребительскому, от дисциплинарного общества к обществу контроля.

Виктор Мазин
Машина влияния

Эта книга писалась долгие годы и, возможно, она никогда так и не была бы завершена, если бы не приглашение поработать над ней в течение осенне-зимнего семестра 2016–2017 годов в *Международной коллегии исследования техники культуры и медиафилософии* при Веймарском университете Баухауз (IKKM Bauhaus-Universität Weimar). Моя благодарность той в высшей степени интеллектуальной и гостеприимной среде, которую создали Лоренц Энгель, Бернхард Зигерт и другие сотрудники института.

Часть I
От человека-машины к машине влияния

1. Субъект собирается не без участия машины влияния

В этой книге речь пойдет о двух весьма известных в истории машинах влияния: о самой первой, в деталях воображенной и изображенной в начале XIX века в Бетлемской королевской больнице пациентом Джеймсом Тилли Мэтьюзом и опубликованной его врачом Джоном Хасламом, а также о самой знаменитой в истории психоанализа – шизофренической машине влияния Наталии А., описанной ее врачом, доктором Виктором Тауском, в начале XX века. Тауск, кстати, указывает на то, что машины влияния имеют свою историю. Точнее, можно говорить и о том, что машин влияния много, что они отличаются от случая к случаю, и о том, что машины эти претерпевают определенную эволюцию.

Нас, конечно же, интересуют далеко не только два этих эпизода из истории отношений человека и машины. Нам важно осмыслить в господствующем сегодня неопозитивистском, технонаучном-когнитивном дискурсе биологизации человеческого индивида работу третьей машины влияния. В отличие от двух первых, мы ее *не* конкретизируем. Мы не ищем эту машину в психиатрических больницах и на кушетках психоаналитиков, хотя могли бы заняться и этим. Скорее, нам хотелось бы описать *условия влияния* третьей машины. Во времена биологизации мы настаиваем на техносубъекте, то есть на том, что нет отдельно человеческого существа и окружающей его техники. Один пример по этой теме: человек и «этот же» человек в автомобиле – «не тот же» человек. Словами Феликса Гваттари, «индивидуация исчезает в процессе сервомеханической артикуляции с автомобилем»[1].

Понятие τέχνη, *технэ*, которым мы здесь активно пользуемся, говоря, в частности, о техносубъекте, следует понимать в расширенном смысле, в том, каким оно наделялось в Древней Греции, сочетая в себе *умение, знание, искусство.* Технэ – термин достаточно широкий: для Аристотеля это и архитектура, и врачебное искусство, и математика, и «обычные» искусства, такие как скульптура, музыка, поэзия. Для античной мысли мироздание было организовано как цельное, гармоничное и одушевленное тело космоса. Сократ, в частности, говорит о технэ исключительно в контексте ἐπιστήμη, эпистемы, причем не просто в смысле абстрактного знания, а знания технического, знания о том, *как нечто делать.* Технэ как

искусство понималось зачастую как ремесло в отличие от творческого акта искусства *(пойэзис)*. Или, иначе говоря, для древних греков поэтическое искусство, как правило, отличалось от искусства механического (например, медицины). Пока достаточно о древних греках, ведь, в конце концов, нас привлекает совсем другая история, а именно – Современность.

В частности, наш интерес лежит в поле той трансформации дискурса Современности, который начал активно формироваться и формулироваться в XVIII веке и который совершает свое очередное революционное преобразование сейчас, на сей раз в связи с цифровой революцией. Бредовые конструкции[2] Джеймса Тилли Мэтьюза в самом начале XIX века и Наталии А. в начале XX века обнажают те дискурсивные нити, которые плетут полотно Современности. Дискурс, всегда уже гетерогенный, сотканный из различных нитей, мы понимаем, с одной стороны, в лакановском ключе как социальные узы, укорененные в языке, а с другой – подчеркиваем их укорененность в технэ. Впрочем, социальные узы – всегда уже обладают техноизмерением.

Не удивительно, что обе машины были описаны пациентами психиатрических клиник. Здесь уместен, в общем-то, достаточно распространенный вопрос: а не может ли получиться так, что безумие – это вполне рациональный ответ психики субъекта на безумие мира? Разве перемены, неизбежно происходящие в мире Современности, не несут в себе *всегда уже* угрозу – по меньшей мере угрозу самой перемены?

В частности, переход к Современности ознаменован тем, что место мистических, демонических сил занимают силы столь же невидимые и непонятные, но научные: электричество, газы, магнитные поля. Если в XVII веке Кристоф Хайцманн и ему подобные могли утрату контроля над собой и миром свалить на дьявола[3], то Просвещение xviii века предоставило для переноса ответственности иные силы: лучи, волны, эманации запахов, магнетизм. Силы эти не просто принадлежат научному дискурсу, но, как показывает случай Джеймса Тилли Мэтьюза, являют собой переход от одной парадигмы к другой. Вот только силы эти служат не дьяволу, но истязателям, обслуживающим политические круги, демонов от политики. Ад возвращается на землю.

Уместно будет напомнить, что случай Даниэля Пауля Шребера, который относится к концу XIX – началу XX века, можно сказать, идеально сочетает два дискурса – научный и оккультный. Само понятие «божественных лучей» для него, для этого Князя Тьмы, как называют его голоса, сводит мистико-теологические рассуждения с научно-

техническими. Пожалуй, нет случая более показательного с точки зрения сплетения дискурсивных нитей, по крайней мере в истории психоанализа, чем случай Даниэля Пауля Шребера, дискурс которого высказывает состояние неврологии, психиатрии, теологии, политики, юриспруденции – знания (έπιστήμη) как τέχνη своего времени[4]. В случае Шребера можно говорить и о машине воздействия ортопедическими экспериментами его прославленного отца, и о медиамашине основного языка *(Grundsprache)*, но в первую очередь – о машине влияния Бога, воздействующего своими лучами на его нервную систему, о машинерии, меняющей его пол.

Машина влияния Джеймса Тилли Мэтьюза очевидно возникает в результате сплетения новых политических и научных обстоятельств, в результате смены, или даже точнее – слома парадигмы. Он – субъект трех революций: политической, научной и промышленной.

Иногда говорят, что понятие «машина влияния» появилось где-то за сто лет до Джеймса Тилли Мэтьюза в самом начале xviii века. В частности, якобы именно так был назван электрический генератор, созданный в 1705 году Френсисом Хоксби – британским физиком, учеником, ассистентом в лаборатории Исаака Ньютона. Вполне возможно. Так или иначе, а *машина влияния* конструируется с наступлением режима Современности. Машина Джеймса Тилли Мэтьюза

> первое явление нового мифа современной эпохи *(modern age)*. Машина, которая контролирует разум, возникла в темном углу психиатрии, чтобы заворожить более широкую культуру, ее образ отныне бесконечно усилен и переработан массмедиа и голливудской машиной снов[5].

Машина Мэтьюза современна промышленной революции. Пришло время машин. Машина влияния современна самим понятиям «человек», «человеческий субъект», «индивидуум», «капитализм», «индустриализация», «промышленная революция». Машина современна Просвещению. Она современна дисциплинарно-бюрократическому режиму. Она современна понятию *человек-машина*, учрежденному Декартом, Вокансоном, Ламетри. Она современна понятию собирания, производства, *центрации субъекта*, осуществленной во многом благодаря усилиям Декарта и Брунеллески[6]. Будто невозможно было собраться субъекту без машины влияния. Будто человек возникает вместе с автоматом. Будто субъект должен был дождаться машины, чтобы осознать себя в качестве такового. И машина предстала вывернутым наизнанку

субъектом, его проекцией, продолжением, протезом. И бессознательное стало машинным. Оно – не театр, а фабрика. Так будут утверждать Гваттари и Делез.

Книга о человеке-машине пишется самыми разными авторами, и пишется она

> одновременно в двух регистрах: анатомо-метафорическом – первые страницы были написаны Декартом, последующие медиками и философами; и технико-политическом, образованном совокупностью военных, школьных и больничных уставов, а также эмпирических и рассчитанных процедур контроля над действиями тела или их исправления. Это совершенно разные регистры, поскольку речь в них идет, с одной стороны, о подчинении и использовании, с другой – о функционировании и объяснении: теле полезном и понимаемом. И все-таки у них есть точки пересечения. «Человек-машина» Ламетри – одновременно материалистическая редукция души и общая теория муштры, где в центре правит понятие «послушности», добавляющее к телу анализируемому тело манипулируемое. Послушное тело можно подчинить, использовать, преобразовать и усовершенствовать[7].

Одной из зон активной разработки машины влияния стал психиатрический дискурс, причем и в том смысле, что так называемые психически больные в рамках этого дискурса стали конструировать свои машины, и в смысле борьбы за власть: «Психиатры начала XIX века так и говорили, что безумец – это тот, кто забрал себе в голову идею власти»[8]. В борьбе за власть доктора и пациенты отождествляются друг с другом, имитируют и восполняют друг друга. Ярким свидетельством тому становятся отношения Даниэля Пауля Шребера и Пауля Флексига. Они – а с ними заодно и отец Шребера – принадлежат одной идеологической (властной) парадигме: неврологически-органицистской. Психиатрия сама, будучи машиной влияния, проводит властную идеологию. Как ни странно, но сквозь всю историю Современности и по сей день это идеология органицизма. Принципиально важно при этом, что прогресс научной медицины в XIX веке предписывал вытеснение такого тесно связанного с оккультизмом и религией понятия, как *душа*. Лакан по такому случаю делает язвительный комментарий:

> Я не мог начать раньше, учитывая медицинскую публику, с

> которой я имел дело, – публика, для которой все это куда более внове, чем для других, внове как раз потому, что они *медики и занимаются телом, притом что о теле-то они как раз ничего и не знают: врач знает о теле куда меньше массажиста* и приходит в восторг, когда с ним заговаривают о душе. Когда ему говорят, что причины болезни надо искать в душе, в отношениях между больным и врачом, он восторгается: нашлось, наконец, что-то такое, что дает его существованию какое-то оправдание. Беда в том, однако, что дело оборачивается для него еще хуже, чем прежде. Все это прекрасно мирится с расхожими религиозными воззрениями – ведь нет на самом деле ничего более органицистского, ничего более склонного к соматическим объяснениям, к решению телесных проблем при помощи механических приспособлений, нежели католическая церковь. К сожалению, с развитием современной биологии ясно становится, что дело обстоит гораздо сложнее, чем медицинская традиция это в общем себе представляет. Поэтому когда им объясняют, что душа, к примеру, – это отношения между доктором и больным, они самодовольно успокаиваются[9].

Медицина представляет собой сочетание знания и власти, причем, что принципиально важно и особенно ярко в случае Хаслама – Мэтьюза, «функционирует как власть задолго до того, как она начнет функционировать как знание»[10]. Психиатрия служит Фуко одним из образцов функционирования дисциплинарной власти, той самой, кульминация которой описана в «Паноптикуме» (1791) Иеремии Бентама. Легитимация психиатрической власти устанавливается в связи с законом 30 июня 1838 года, который был подготовлен Эскиролем и его учениками. Согласно этому закону, без медицинского, психиатрического свидетельства ни один больной не может быть лишен свободы. В Англии подобный закон был обнародован в 1845 году. Закон этот по сути дела отвечает на вопрос, который на рубеже веков ставит Даниэль Пауль Шребер: «При каких условиях человека можно счесть душевно больным и поместить в психиатрическую больницу против его воли?» Итак, ответ на вопрос, заданный Шребером в 1900 году, Эскироль дал в 1838 году: человека можно счесть душевно больным и поместить в психиатрическую больницу против его воли на основании медицинского свидетельства, воли врача, психиатрической воли к власти.

Дисциплинарная власть «подразумевает процедуру непрерывного

контроля. В дисциплинарной системе вы находитесь не во временном распоряжении кого-то, но под чьим-то постоянным взглядом или, во всяком случае, в ситуации наблюдения за вами»[11]. Этот аспект дисциплинарной власти Фуко называет «паноптизмом» – устроением пространства, которое позволяет видеть всех везде и всегда. Парадокс в том, что, по логике Фуко, именно дисциплинарная власть, которая всегда готова к превентивным мерам, к вмешательству до совершения преступного, асоциального, безумного поступка, прорисовывает «абрис души – души, резко отличающейся от той, чье определение можно найти в христианских теории и практике»[12]. Одним из оптических эффектов дисциплинарной власти оказывается индивидуация в смысле локализации индивида в пространстве. Индивид конструируется как наблюдаемый, познаваемый, изучаемый. В радикальной форме мы сталкивается с фантазией Иеремии Бентама в кинофильме Питера Уира «Шоу Трумана». Бентам «говорил: представьте себе, что сразу после рождения, прежде чем дети начнут говорить и осознавать что бы то ни было, мы берем их и помещаем в Паноптикум»[13]. Именно так и происходит в фильме, снятом во времена господства *общества спектакля*. Существенной частью тотального паноптикума познания оказывается психиатрическая практика.

Именно во времена Мэтьюза – Хаслама оформляется психиатрический канон: «В первой четверти xix века формируется, можно сказать, краткая энциклопедия канонических исцелений, в которую входят случаи, публикуемые Хасламом, Пинелем, Эскиролем, Фодере, Жорже, Гисленом. Эта энциклопедия включает полсотни случаев, которые фигурируют, циркулируют затем во всех психиатрических трактатах этой эпохи»[14]. Благодаря Эскиролю во французских психиатрических больницах, а затем и в других странах Европы начал формироваться психиатрический архив: психиатры стали писать истории болезней. Болезни начали записываться.

2. Субъект – машина письма, и системы записи его реорганизуют

Дисциплинарная машина связана с письменностью. Об этом ярко свидетельствует устройство машины влияния Джеймса Тилли Мэтьюза, которая представляет собой в первую очередь крышку гигантского письменного стола. К тому же один из обслуживающих эту машину агентов, Джек Школьный Учитель, только и делает, что все протоколирует, все записывает. Бюрократическая машина приведена в действие, и ее уже не остановить. XVIII век, век Просвещения, уже набрал полный ход. Дисциплинарной машине без письма никуда:

> Чтобы дисциплине всегда быть под контролем, этой непрерывной и всеобъемлющей опекой тела индивида, она, как мне кажется, обязательно должна пользоваться орудием письменности. Иначе говоря, если отношение господства подразумевает актуализацию маркировки, то дисциплине с ее требованием полной видимости и построением генетических нитей – этого присущего ей иерархического континуума – необходимо письмо. Прежде всего, чтобы вести запись, регистрацию всего происходящего, всего, что делает индивид, всего, что он говорит, но также и чтобы передавать информацию снизу вверх, по всей иерархической лестнице и, наконец, чтобы всегда иметь доступ к этой информации и тем самым соблюдать принцип всевидения, который, по-моему, является вторым основным признаком дисциплины[15].

Фуко показывает, как письмо постепенно захватывает тела, поступки, речи, жесты, кодируя и перемещая индивидов по таксономическим таблицам. Общество дисциплины подразумевает, что видимость тела и постоянство письма неразрывны. В самом широком смысле слова мы имеем дело с машиной влияния, которая прописывает субъект извне и изнутри, прочерчивает его границы.

Уместно будет напомнить, что для Фрейда психика – машина письма. Возникновение этой машины знаменует установление фундаментального протеза культуры. Фрейд не только работу психики рассматривает как сверхдетерминированный аппарат множественной и нелокализуемой

регистрации следов памяти, но говорит к тому же о постоянной экстериоризации систем записи, в частности о фотографии и граммофонной пластинке.

В главе 9 своих «Мемуаров» Даниэль Пауль Шребер вводит понятие «системы записи» *(Aufschreibesystem)*, а Фридрих Киттлер вслед за ним выделяет в истории три «системы записи», три различные машины архивации. Первая, *Aufschreibesystem 1800*, подразумевает главным образом революцию Гуттенберга, произошедшую в середине XV века, и распространение книгопечатания в дальнейшем. Джеймс Тилли Мэтьюз – субъект этой системы. Вторая, *Aufschreibesystem 1900*, как раз отмечает появление множества новых различных систем регистрации: печатной машинки, граммофонной пластинки, фотографической пластинки, кинематографа, а затем радио и телевидения. Этой системе принадлежит Наталия А. Вопрос о цифровой системе письма, *Aufschreibesystem 2000*, до последней главы мы оставляем открытым, хотя понятно, что речь идет о компьютерах и превращении субъекта в базу данных.

3. Современность: машины и автоматы

Мы начинаем отсчет Современности с индустриализации, с прихода царства машин. Наиболее активно этот процесс разворачивается в Англии, и нет ничего удивительного, что именно здесь появляется Джеймс Тилли Мэтьюз. Неудивительно, что здесь свой анализ капитализма осуществляет Карл Маркс. Отныне знание постепенно переходит к машинам. Машины будут знать, как делать машины. Человек поступательно переживает процесс пролетаризации, который достигнет новых вершин в эпоху смарт-техники. Субъект отчуждается не только от объекта производства, но и от знания объекта влияния.

Человек строит машины. Машины строят человека. Человек с приходом века машин не просто остается техносуществом, но превращается в механизированную марионетку, автомат. Машины не просто влияют на него как нечто отдельное, внешнее – нет, они прописывают субъект изнутри. Так было с машиной Джеймса Тилли Мэтьюза. Так было с чудо-машинами Даниэля Пауля Шребера. Так было с машиной Наталии А.

Автоматическое измерение бытия Современности в определенный момент приводит к синдрому Кандинского-Клерамбо, относящемуся по времени к машине влияния Наталии А. Однако автоматом был уже и Джеймс Тилли Мэтьюз. Он – «первый недочеловеческий автомат *(subhuman automaton)* нового машинного века»[16]. Автомат принадлежит Современности, *ее* жуткому измерению. Это измерение описывает в «Песочном человеке» Эрнст Теодор Амадей Гофман, и его описание становится парадигматическим для психоаналитической эстетики жуткого.

4. Машина влияния устанавливает контроль

Одно из принципиальных понятий, возникающих при описании той или иной машины влияния, – конечно, *контроль*. Машина эта создана и нацелена на контроль над мыслями, телесными действиями, чувствами человека. Понятие «контроль», которое дальше будет фигурировать в связи с сегодняшним обществом, с тем, которое пришло на смену обществу дисциплинарному, является сквозным для всех фаз современности и описано в действии каждой машины влияния. Контроль ретроспективно вписан в различные фазы Современности. В психиатрическом ключе, даже если контроль действует задним числом, понятие это служит одним из принципиальных в том, что принято называть сегодня паранойяльной шизофренией, в том, что в начале XXI века стало носить в силу революционной трансформации дискурса, прописывающего техносубъекта, еще более откровенный характер. И в этом отношении и Джеймс Тилли Мэтьюз, и Даниэль Пауль Шребер, и Наталия А. – провозвестники дискурсивной конструкции сегодняшнего мира.

Одним из следствий развития коммуникационных технологий в начале XXI века стали повсеместные – то есть в первую очередь в рамках самих этих технологий – разговоры о влиянии, специальных устройствах контроля, приборах, воздействующих на мысли, чувства, физическое состояние человека. Зачастую, стоит только человеку намекнуть, что за ним следят, что его прослушивают, как у него готов развернуться бред преследования. Зачастую для запуска процесса бредообразования достаточно таблички «Ведется видеонаблюдение» на входе в магазин или учреждение. Достаточно бывает и знания о том, что по мобильному телефону можно следить за всеми перемещениями его так называемого владельца. Достаточно бывает просто включить телевизор. Все это, конечно, не значит, что люди превращаются в параноиков от слов Эдварда Сноудена. Не значит это и того, что, глядя на камеры наблюдения в офисах и магазинах, на улицах и в метро, сегодняшнюю культуру следует называть паранойяльной. Скорее, всё это может означать обострение условий для развязывания паранойи. Для того чтобы начал развязываться бред еще, как минимум, необходимо отсутствие, как сказал бы Лакан, организующих символическую Вселенную Имен-Отца.

В условиях гипериндустриальной фазы капитализма дисциплинарное общество превращается в общество контроля. Разумеется, речь идет о

смене парадигмы, а не о плавном переходе. Об этой смене в конце века двадцатого заговорил Жиль Делез. Пространства изоляции дисциплинарного общества – тюрьмы, больницы, заводы, школы, семьи – оказались, по его словам, в кризисе, и на смену им пришло общество контроля, общество, которое действует «через постоянный контроль и мгновенную коммуникацию»[17]. В отличие от дисциплинарного общества, обладающего четкой принадлежностью к сегментированному пространству откровенной сегрегации, общество контроля имитирует свободу открытых пространств, прозрачных границ, безграничных экранных интерфейсов. Само понятие «контроль» Делез заимствует у Берроуза и называет его, это понятие, монстром.

> Контроль – вот слово, которым Берроуз предлагает назвать нового монстра, а Фуко признает за ним наше ближайшее будущее. Поль Вирильо постоянно анализирует ультраскоростные формы контроля в открытом пространстве, которые заменили собой старые дисциплинарные методы, действующие всегда в рамках закрытой системы[18].

Делез не только называет контроль монстром, но и сравнивает его со змеей, в отличие от монетарного крота дисциплинарного общества. Стоит отметить, что монстр, в отличие от крота, не идентифицируем. Он потому и монстр, что не вписывается в рамки никаких классификаций. Он – монстр неопозитивизма.

Берроуз постоянно говорит о машине контроля и связывает ее работу с машиной диктата, инструментом которой «служит всеобщая грамотность и сопутствующий контроль слова и образа»[19]. К этому стоит добавить, что грамматизация сегодня скорее становится навыком обслуживания приборов, соединенных в интегральную цифровую вселенную. Причем принципы работы как отдельного портала системы, так и тем более «всей» системы, *Big Data*, оказываются вне возможного знания. Таков один из путей, на которых знание оказывается на стороне машин влияния. Машина, будь то смартфон или навигатор, знает. Грамматизация в первую очередь касается машин, а оборотной стороной оказывается пролетаризация того, кто называет себя пользователем.

Отсутствие внешних границ принуждения – основа общества контроля. Важно, что контролю сопутствует идея выбора. Если дисциплинарное общество устанавливало физические границы и ограничивало возможности, то сего дня выбор как будто бы безграничен

[20]. Получается так, будто снятие дисциплинарных границ предполагает их бессознательное установление самим субъектом выбора. Выбор же делается отнюдь не самим субъектом. Иначе говоря, субъект подтверждает задним числом правильность бессознательного выбора, сделанного одной из машин влияния.

Если в центре индустриального общества находился завод, то в центре общества контроля – корпорация. Корпорация – «это душа, это глаз»[21]. Корпорация – душа общества контроля, а душой самой корпорации, то есть душой в душе оказывается маркетинг[22]. Он-то и служит главным инструментом социального контроля. Отцом маркетинга, как известно, стал племянник Зигмунда Фрейда Эдвард Бернейс. Именно он оказался ключевой фигурой смены курса с производства на потребление, именно он развернул либидо-экономику.

Либидинальная экономика, основанная на маркетинге, производит то, что Бернар Стиглер называет по аналогии с биовластью Фуко психовластью. Если государственная биовласть связана с капитализмом *производства*, то психовласть – с рынком *потребления*. Радикальное смещение от биовласти к психовласти происходит после Второй мировой войны, а еще точнее – после революции 1968 года. В обществе контроля «психовласть гарантирует контроль над поведением, ибо наука полиции и государства уступила свое место и свою власть менеджменту и маркетингу»[23].

Психовласть рынка «контролирует индивидуальное и коллективное поведение потребителей, канализируя их либидинальную энергию к товарам»[24]. Понятно, что субъект желающий, мыслящий и говорящий бесполезен для маркетинга. Понятно, что *нормальным* для рынка оказывается адаптированное к нему «поведение потребителей». Первым шагом в сторону такой нормализации оказывается *переход от желания к влечению.* Вторым шагом, пожалуй, становится подмена самого психоаналитического понятия «влечение» биологическим «инстинктом». Новый капиталистический рынок товаров замещается животноводческой фермой по производству индивидов, наделенных базовым инстинктом потребления. Причем к потреблению относятся не только товары и услуги, но хуже того – информация (в отличие от знания), да и сам индивид потребления. Такова новая либидо-машинерия. Ко всем этим вопросам мы еще вернемся более подробно в конце книги.

Каждому обществу соответствуют свои машины:

> простые или динамичные машины соответствуют обществам суверенитета, энергетические машины – дисциплинарным обществам, кибернетические машины и компьютеры – обществам контроля[25].

Общество контроля основано на компьютере, цифре, шифре. Шифр – пароль, приходящий на смену лозунгу дисциплинарного общества. Шифр – пароль, «который допускает вас к информации или отказывает в доступе»[26]. Доступ – отметка, отчет о потреблении. Доступ оставляет метку о доступе. Метка оставлена у банкомата, в кассе супермаркета, в спортзале, в ночном клубе. Везде, где есть телефон, компьютер, везде, где в действии кредитная карта, стоит метка отчета. Метки отчета задают траектории контроля, реконфигурации и эксплуатации *Big Data.* Помимо этого, конечно же, в социальных сетях субъект с наслаждением оставляет куда больше следов для этой траектории. Субъект? Да, только отныне он, если это еще он, – база данных на рынке.

Контроль – не пассивная форма констатации того, что есть, а форма влияния. В глобальном смысле капиталистическая экономика – аппарат влияния. Идеологические аппараты государства уступают место расчетливым аппаратам рынка. На рынке в первую очередь действует аппарат захвата внимания, аппарат его преобразования в прибавочный капитал и прибавочное наслаждение.

5. Две образцовые машины влияния

Две машины влияния, о которых пойдет речь в этой книге, принадлежат дисциплинарному обществу, но они, будучи телетехнологиями контроля, это общество разбирают на перегородки. Больничная постель Наталии А. подключена незримыми проводами к аппарату влияния, находящемуся на расстоянии, за пределами клиники. Кровать настолько же принадлежит дисциплинарному месту, больнице, насколько оказывается выходом за больничные стены, проходом к контролю издалека, к власти посредством современной технологии.

Машины влияния, о которых здесь подробно пойдет речь, относятся к началу XIX века и началу XX века. В XVIII веке машина влияния приходит на смену демону влияния. Производство машин влияния непосредственно связано с промышленными революциями. Бессознательное оказывается машинным, как говорит Гваттари, подчеркивая, что речь при этом идет о самых разных машинах, в нашем случае, – о политической, научной, бюрократической, технической. По словам Тауска, пациенты пытаются вскрыть устройство машины с помощью известных им научно-технических данных, которых всегда уже не достает:

> с прогрессом популярности технических наук для объяснения функций аппарата постепенно привлекаются все находящие в распоряжении техники силы природы, но всех изобретений, придуманных человеком, недостаточно, чтобы объяснить странные достижения этой машины, заставляющей больных чувствовать себя преследуемыми[27].

Два случая, две машины влияния, Джеймса Тилли Мэтьюза и Наталии А., – представляют две промышленные революции. Две революции – две психотехномашины. Понятие *промышленной революции* начал использовать в 1830-е годы французский экономист Адольф Бланки. В первом томе «Капитала» (1867) Карл Маркс дает развернутый анализ революционных изменений средств производства, ставших основанием капитализма. Джеймс Тилли Мэтьюз переживает промышленную революцию в ее эпицентре – как говорится, оказывается в нужном месте в нужный час.

Первую промышленную революцию, развернувшуюся в Англии во

второй половине XVIII века, называют Великой индустриальной и связывают в первую очередь с изобретением парового двигателя[28]. Принципиально важно для нас, что революция эта связана с появлением совершенно *новых средств труда* – машин. Вторая промышленная революция конца XIX – начала XX веков обозначает переход от текстильной промышленности к сталелитейной, но главное: машины выстраиваются в поточное производство и получают постоянный приток электроэнергии. Опять же, что особенно важно в рассматриваемых нами случаях, меняется система массовой коммуникации, появляется телефон, возникает специализированный научный труд, улицы городов начинают заполнять автомобили, а индивид становится объектом маркетинга.

Развитие интернета, спутникового телевидения, камер слежения, видеонаблюдения, мобильной связи внесло свой вклад в интенсификацию разработки машин влияния. Само это понятие, машина влияния, с наступлением XXI века «украдкой стало проникать в основное русло нашей культуры из тысячи разных источников»[29]. Человек ощущает себя под непрерывным контролем. Его разговоры не просто прослушиваются, его электронная почта не просто просматривается, его страницы в социальных сетях не просто взламываются – но над его сознанием установлен контроль. Иначе говоря, на его психическую реальность, на его мысли действуют машины влияния – и зачастую не без его бессознательного желания, и нередко не без наслаждения.

Часть II
Техносубъект: протезы, проекции, продолжения

6. Бог на протезах Зигмунда Фрейда

В 1930 году Зигмунд Фрейд пишет книгу «Неудобства культуры», в которой по ходу дела, если не сказать мимоходом, развивает теорию протезов. Возникает она в тексте следующим образом: Фрейд задается вопросом, *в чем заключается сущность культуры*, поскольку именно на ней лежит ответственность за многие невзгоды, несчастья, страдания человека. Понятно, что здесь имеется некий парадокс, ведь именно культура призвана нас от всего этого защищать. В общем мы имеем здесь дело с диалектической конструкцией. Например, с психоаналитической точки зрения, Закон, запрещающий инцест, оставляя метку травмы на психическом теле субъекта, выводит его в свет, выбрасывает в социальное пространство, предписывая саму возможность существования. Здесь мы уже сталкиваемся с *фармаконом*, то есть одновременно с лекарством и ядом. Такова диалектика отношений субъекта и культуры. Попросту говоря, без культуры нет субъекта, но вхождение в нее оставляет свой травматический след, или, согласно формуле Фрейда, которую он высказывает в письме своему другу Арнольду Цвейгу, культура, призванная человека защищать, его порабощает. Впрочем, мы забежали немного вперед. Притормозим.

Итак, Фрейд по ходу описания доставляемых культурой неудобств, говорит в какой-то момент, что настало время «разобраться в сущности той культуры, ценность которой в качестве источника счастья была поставлена под сомнение»[30]. И первый шаг на этом пути представляется ему весьма простым: «мы признаем культурными все виды деятельности и ценности, которые приносят пользу людям, подчиняя им землю, защищая их от могущественных сил природы и т. п.»[31]. В качестве первых творений человеческой культуры Фрейд называет «использование орудий труда, укрощение огня, строительство жилищ»[32]. С другой стороны, нельзя не упомянуть еще раз и другое творение – Закон, в первую очередь запрещающий инцест, то есть небытие[33]. Логично ведь, что субъект может существовать, не только если он субъект Закона, Культуры, Другого, но и если он есть, существует как отдельный субъект в отношениях с Другим, если он отделен-в-отношениях. Такова диалектика само́го психоаналитического представления о человеческом субъекте.

Так начинается эволюция человека. Отметим, она уже не столько биологическая, естественная, дарвиновская, но техническая,

технологическая, орудийная[34]. Но это не две отдельные параллельные эволюции. Фрейд укореняет одну эволюцию в другой, поскольку любое орудие, от мотыги до айфона, преобразует человеческую телесность, моторику, сенсориум:

> Любым из своих орудий человек совершенствует свои органы – как моторные, так и сенсорные – или расширяет рамки их деятельности[35].

Здесь мы понимаем, что усовершенствованный *(vervollkommnet)* орган не предполагает совершенствования самого органа в его биологическом или физиологическом смысле. Орган совершенствуется исключительно вместе-с- орудием. Воспользуемся примерами Фрейда: моторы совершенствуют мускульную силу; пароходы и самолеты совершенствуют способность перемещаться; очки, телескопы, микроскопы совершенствуют зрение, а фотоаппарат совершенствует способность запечатлевать время; то же самое для слуха делает граммофонная пластинка, записывая для последующего воспроизводства звуковые потоки; телефон совершенствует способность слышать на огромных расстояниях. Фотография и пластинка к тому же представляют собой материализацию способности запоминать, а письменность совершенствует возможности передачи речей отсутствующего из прошлого в будущее, из поколения в поколение. Как мы видим, все эти совершенствования, во-первых, не являются усовершенствованиями органа как такового. Во-вторых, что радикально меняет всю картину мира, они трансформируют пространство и время.

Человек меняется не столько биологически, сколько технически. Фрейд напоминает о принципиальном моменте: все это технологическое, или, если угодно, культурное, совершенствование – необходимость для существа, которое появляется на свет биологически беспомощным. При таком положении дел речь идет о психотехнологическом восполнении биологической недостаточности.

Об органической или биологической беспомощности новорожденного Фрейд пишет задолго до «Неудобств культуры», в 1895 году, в «Наброске психологии» – трактате, отправленном Флиссу и вскоре после этого предназначенном если не к уничтожению, то к забвению[36]. Эта беспомощность *(Hilflosigkeit)* оборачивается всемогуществом Другого, Ближнего, Матери. И в какой-то момент, на какое-то время в диалектике отношений с Другим этот бывший беспомощный позволяет себе ощутить собственное всемогущество, причем таковое мыслей, и это, что важно для

последующих рассуждений, делает его богоподобным. Процитируем на сей раз не психоаналитика Зигмунда Фрейда, а философа техники Жильбера Симондона, который в своей книге «О животном и человеке» пишет:

> У человека нет ничего. Он рождается *dejectus*, он лежит беспомощный, неспособный передвигаться, в то время как птенцы уже умеют добывать себе пищу, а насекомые, едва появившись на свет, знают, куда нужно двигаться, чтобы подняться в воздух. Человек ничего не знает. Его, можно сказать, обделила природа. Он вынужден всему учиться с нуля, долгие года он живет на попечении родителей, пока не начнет самостоятельно зарабатывать на жизнь и преодолевать под стерегающие его опасности. Но взамен ему дан разум, человек – единственное живое существо, которое может стоять в полный рост и смотреть на небо[37].

Появляясь на земле как «слабое животное», как «беспомощный младенец» (и в антропологическом, и в онтогенетическом отношении), с помощью науки и техники человек осуществляет на земле то, что «не только звучит как сказка, а и есть прямое осуществление всех – нет, большинства – сказочных желаний»[38]. При этом, по логике Фрейда, люди делегировали всемогущество и всезнание богам, которым сами же и уподобились. При этом, конечно, не стоит забывать, что в психоанализе (да и не только) к богам относятся и мать с отцом – те, кого Лакан вслед за Фрейдом будет называть Другими (причем функционально совершенно разными). Так человек

> сам стал чуть ли не богом. Правда, только в той мере, в какой соответственно обычному человеческому мнению идеалы вообще достижимы. Он им стал не полностью, в каких-то случаях и совсем не стал, в других только наполовину. Человек – это, так сказать, разновидность бога на протезах, весьма величественная, когда использует все свои вспомогательные органы *(Hilfsorgane)*, хотя они с ним не срослись и порой доставляют еще много хлопот[39].

Итак, ключевой момент: Фрейд называет технические приспособления протезами и подчеркивает выбор понятия словами о том, что это «вспомогательные органы», которые причиняют страдания, поскольку они

– очки, самолеты, письменность, телефоны – с человеком «не срослись» *(nicht verwachsen)*[40]. Иначе говоря, граница природного и культурного – незаживающая *(nicht verwachsen)* рана, неизбывная травма. Вспомогательные органы *(Hilfsorgane)* не восполняют органическую беспомощность *(organische Hilflosigkeit)* безболезненно. Протезирование культурой не проходит без боли.

Здесь можно совершить резкий поворот и высказать мысль Фрейда о вспомогательных органах в духе Лакана. Речь идет о конститутивном исчезновении субъекта в символическом измерении, об отчуждении в *символическом*, о разграничении *символического* и *реального*. Иначе говоря, при максимальном расширении вспомогательным органом, протезом становится символическая матрица, которая всегда уже готова обнаружить шов, разъединяющий ее с ее же отходом, с *реальным*. Впрочем, реальность символической матрицы создает иллюзию отсутствия шва, крепления с *реальным* протеза. Иллюзия отнюдь не подразумевает отсутствие болевых эффектов. Иллюзия эта как раз указывает на диалектику воображаемого восполнения швов *реального/символического*.

Такой поворот в сторону Лакана позволяет дифференцировать мысль Фрейда о культуре и объединить две формулы. Согласно одной из них, в основании культуры – орудие труда (не стоит, кстати, забывать и о размышлениях Энгельса), орудие убийства. И здесь мы приходим к психоаналитическому мифу об убийстве праотца и учреждении Закона мертвого отца. Согласно второй формуле, в основании культуры лежит слово. Говорят, Фрейд как-то заметил, что основоположником культуры был тот, кто вместо копья бросил в противника слово. Каждый может себе представить, что это было за слово. И слово, кстати, тоже ранит. Слово и копье – два разных технических средства, но оба принадлежат порядку τέχνη. По этой причине мы и говорим о психотехнопротезировании, о психотехносубъекте, хотя в известном смысле это плеоназм, и достаточно назвать говорящего субъекта просто в одно слово *parlêtre*.

Совершив обходной маневр в сторону Лакана, мы вновь возвращаемся к Фрейду, на сей раз, чтобы через теорию *символического*, а точнее, через топологию протяженности субъекта, напомнить об идее *психической реальности*. Вероятно, эту – деконструирующую оппозицию индивидуального/коллективного – реальность и можно считать настолько же собственно человеческой, насколько и протезирующей биологическую беспомощность человеческого существа, его нехватку органического. Психическая реальность настолько же психическая, насколько и техническая. Итак, память, сознание, восприятие непосредственно связаны

с τέχνη, если не сказать прямо: они и есть τέχνη, или, еще точнее, *parlêtre* есть τέχνη.

Возвращаясь к Лакану, к разграничению *символического* и *реального,* нужно немедленно вспомнить о *воображаемом* и сделать на нем особый акцент. Теория протезов предполагает, что *воображаемое,* как и *символическое,* если их вообще можно разграничить (но при этом категорически нельзя сказать, что разграничить их нельзя), возникает как протез, заставляющий ликовать от встречи с собой (как с другим) и страдать в силу отчуждения (от себя в другом). Именно другой наделяет *мое я* образом распознаваемого, целостного, моторного существования. И именно в этом же другом-как-протезе покоится образ моей смерти (которая, разумеется, предстает как *его* возможная смерть).

Напомним, регистр *воображаемого* появляется в прямой связи с образом другого. По этому образу и по его подобию формируется представление о себе. Благодаря другому на свет появляется мое собственное *я (moi).* Поскольку сборка представления о себе предшествует моторному овладению собственным телом, Лакан называет функцию другого *ортопедической.* Другой буквально взращивает, воспитывает правильную (ορθός) форму, осуществляет функцию формообразования человеческого я. Или, в терминах Фрейда, другой – протез моего я[41].

История о восполнении нехватки органического, недостатка способностей отнюдь не нова. Главное не то, что Фрейд, как кажется сторонникам усматривать повсеместно *одно и то же,* повторяет Аристотеля, Платона или кого-то еще, если такое повторение вообще возможно. Главное, что он формулирует нехватку и ее восполнение[42] совершенно иначе, а именно через понятие протеза, и к этому мы еще вернемся. В то же время следы этой теории можно обнаружить и в платоновском диалоге «Протагор», к которому мы в очередной раз вскоре обратимся. Однако сейчас стоит, по меньшей мере, вкратце познакомиться с оригинальной теорией Эрнста Каппа. Сейчас мы остановимся на ней, во-первых, потому что ее нередко – и, на наш взгляд, скажем сразу, ошибочно – считают родственной теории протезов Фрейда, а, во-вторых, потому что известность теории Каппа, как бы парадоксально это ни прозвучало, скорее, впереди, несмотря на то, что сама она как будто бы далеко позади[43].

7. Бессознательные проекции органов Эрнста Каппа

Эрнста Каппа принято считать пионером философии техники. В 1877 году в книге «Основы философии техники» он сформулировал принципиальную мысль своей теории: техника— проекция человеческих органов *(Organprojektion)*. Например, железная дорога – это проекция системы кровообращения, а телеграф – нервной системы. Само слово *проекция*, конечно, привлекает психоаналитическое внимание, к тому же если учесть, что Капп утверждает ее *бессознательный* характер. Однако не будем забывать: значение слова, как говорил Витгенштейн, – его употребление. Иначе говоря, проекция проекции и бессознательное бессознательному рознь. Слово *бессознательное* было весьма широко распространено в немецкой культуре XVIII–XIX веков. Им пользовались и Фихте, и Шеллинг, и Эдуард фон Гартман, автор книги «Философия бессознательного» (1869), и многие другие. Понятие *проекция* Капп в первую очередь заимствует из картографии, где оно означает отображение поверхности земли на плоскости.

Орудия для Каппа – антропоморфная техника, и их форма исходит из формы того или иного органа. Проекция органа подразумевает, что условием возникновения механизмов является органический прообраз *(organisches Vorbild)*[44]. Множество примеров связано с самым орудийным, весьма сложным и принципиально человеческим органом – рукой. Чаша – проекция горсти руки, крючок – согнутого пальца. Различные положения руки распознаются в копье, рече, весле, совке, граблях, плуге, лопате[45].

Техника является связующим звеном между человеческим телом и миром вне его. Здесь, конечно, вновь на ум приходит Фрейд с его мыслью о происхождении внешнего в результате дифференциации внутреннего. Человек Каппа, можно сказать, выворачивает себя наизнанку, создает внешнее по лекалам внутреннего. Техника оказывается материальным воплощением психики. Однако наше дело, как известно, заключается не в обнаружении сходств и подобий, а в различиях. И речь у Каппа, как у последователя Гегеля, идет в первую очередь о диалектике природы и культуры. Причем, в отличие от Гегеля, Капп стоит на материалистических позициях: место Абсолюта, отведенное Гегелем Духу, у Каппа занимает Техника.

Необычайно интересна еще одна мысль Эрнста Каппа: созданный человеком искусственный объект становится объектом самопознания и самосознания. Здесь мы тоже отмечаем, как Капп следует за Гегелем, но, что принципиально важно, самосознание у него осуществляется через технический объект. При этом новая техника, например телеграф как проекция нервной системы, не просто меняет систему коммуникации, но устанавливает новую эпистемологическую схему, позволяющую по-новому понимать саму нервную систему. Причем самосознание носит бессознательный характер. В общем, с некоторой долей иронии можно сказать: если Фрейд изобрел *психоанализ,* то Капп – *техноанализ.* Парадокс: *механическое – образец осмысления органического.*

Здесь можно вспомнить Норберта Винера, который в своей книге «Кибернетика» пишет, что создание машин, подражающих человеку, всегда выражалось на языке существовавшей в то или иное время техники. XVIII век породил множество автоматов. Для Лейбница образцом автомата выступает часовой механизм. Машина XIX века – тепловой двигатель, сжигающий горючее подобно тому, как сжигают мышцы человека гликоген. Автомат середины XX века открывает двери при помощи фотоэлементов или направляет ракеты туда, где луч радиолокатора обнаружил самолет.

Понятно, что протез – не проекция. Протез восполняет. Проекция отбрасывает внутреннее вовне. И действительно, если исходным положением теории протезов Фрейда является нехватка органического – то, что он называет органической беспомощностью, то для Каппа, следующего за Гегелем, ни о какой нехватке речь не идет. Человек для него – идеальное животное (*Idealtier*), вершина развития органической материи на Земле. Не только исходные позиции Фрейда и Каппа разные, но, разумеется, и следствия. Для Фрейда стык органического и технического неизбежно оказывается незаживающей раной. Капп же мыслит это пересечение не как разрыв, не как то, что «не срастается», но как связь, соединение природного и культурного. Здесь стоит обратить внимание в слове *Organprojektion* на его первую часть, на о́рган. Слово это двусмысленно, и этой двусмысленностью Капп как знаток античной филологии активно пользуется. В древнегреческом языке орган означает и привычный для русскоязычного уха *орган* тела, чувств, но также и, возможно, даже в первую очередь – это еще и *орудие*, инструмент. Когда Капп говорит о проекции органов, сам орган служит «переходом от органического к механическому»[46]. А теперь вернемся от проекций органов Каппа к протезам Фрейда. Обратим внимание на некоторые особенности теории протезов вместе с Бернаром Стиглером.

8. Фармакон Бернара Стиглера

Во-первых, Бернар Стиглер рассматривает рождение техники не только как момент возникновения человека и его культуры, памяти, но и времени. Рождение истории, времени совпадает с изобретением оружия, связанного с отцеубийством.

Первой техникой Стиглер вслед за Фрейдом называет орудие или оружие, с помощью которого было совершено убийство праотца. Этот акт производит время и то, что ему предшествовало, – безвременье. В «Тотеме и табу» Фрейд ставит «вопрос о том, существовало ли человечество *до* смерти отца, т. е. *также* до техники; и еще: не является ли убийство отца событием техники как таковой, техники как оружия?»[47]

Этот вопрос уже содержит в себе предположение в качестве ответа: никакого человека как говорящего существа до техники не существовало, и рождается это существо вместе с техникой. Убийство праотца является техническим событием. Техника буквально учреждает событие, совместное бытие. Убив праотца, человек— как оказалось впоследствии – нарушил Закон и тем же самым жестом его учредил. Через отрицание производится утверждение; в самом же Законе обнаруживается расщепление.

То время, которое предшествует времени, – недифференцированное правремя – Стиглер называет *абсолютным прошлым,* и в нем жил тот праотец, который только после своего убийства стал отцом человеческим. Убийство сделало его Отцом, всегда уже мертвым, исключенным из той структуры социальности, которую он задал. Причем в тот момент, когда он стал мертвым, в своих убийцах восстал он в куда более могущественной интроецированной форме, чем прежде. Более того, из Царства мертвых стал он божественным учредителем Закона[48], действующего бессознательно, настоятельно, неуклонно. Напомним, Фрейд уверенно говорит: *сверх-я* как инстанция Закона топологически куда ближе *оно,* чем я. Шаг, сделанный от живого самца к мертвому отцу, запускает стрелки часов, включает историческое время, пробелом в котором остается само событие убийства праотца. Здесь вновь мы сталкиваемся с дефектом начала *(défaut d'origine).* Техническое событие как пропущенное начало истории связано с утратой абсолютного, фантазматического прошлого и обнаружением себя в точке дифференциации времен. Причем в силу пропущенного начала невозможна тождественность самому себе, самоидентичность. Субъект всегда уже не совпадает с самим собой.

Индивидуальная память производителей орудия накапливается и превращается в память коллективную, передающуюся из поколения в поколение. Эту культурную, орудийную память Стиглер называет *эпифилогенетической.* Развивая мысль Леруа-Гурана, он говорит: «техногенез есть антропогенез как начало темпорального экстаза, в котором дифференцируются прошлое, настоящее и будущее»[49].

Первая техника, являющаяся примитивным оружием, навсегда отдаляет человека от *абсолютного прошлого,* и это событие как раз представляет собой дефект начала, его нехватку. Бернар Стиглер обращается к мифу о Прометее и Эпиметее – двух братьях, которые совершили преступление против своего отца – Зевса. Вначале – не просто дефект начала, но ошибка, и подзаголовок первого тома фундаментального исследования Бернара Стиглера «Техника и время» – «Ошибка Эпиметея» (1994).

Сразу обратим внимание на то, что люди обычно помнят Прометея, в то время как его брат оказывается из памяти вытесненным. Стиглер в качестве примера такого вытеснения приводит Хайдеггера, но дело касается далеко не только этого философа, обращающегося к древнегреческой философии, трагедии, мифам. Именно на Эпиметее лежит ответственность за «дефект начала», и вместе с «дефектом» этот титан как будто говорит: «вначале было вытеснение». Более того, эту нехватку начала[50] можно осмыслить как *первовытеснение* (Urverdrängung). Причем первовытеснение стыка с символическим, радикальное забвение технического, которое позволяет между тем сказать: техническое – бессознательное психоанализа.

Миф об Эпиметее и Прометее Платон излагает в своем диалоге «Протагор». Протагор начинает свое изложение с некоего правремени, как сказал бы Стиглер, с абсолютного прошедшего, когда боги уже были, а смертных еще не было. И вот боги решают создать смертных, и, когда приходит час выводить их на свет, они приказывают братьям-титанам, Эпиметею и Прометею, распределить подобающие каждому роду способности. Эпиметей уговаривает брата позволить ему самому заняться этим делом. Одних существ он наделил силой, других – быстротой, одних вооружил, других наделил способностью спасаться от хищников без оружия. Распределяя способности, он всех так или иначе уравнивал, чтобы в конце концов ни один род не исчез с лица земли. Он защитил существ друг от друга и от опасностей окружающего мира. В общем, в эволюционном отношении у Эпиметея всё более или менее

сбалансировалось. Вот только он не заметил, «что полностью израсходовал все способности, а род человеческий еще ничем не украсил, и стал он недоумевать, что теперь делать»[51]. В этот момент появляется Прометей и видит эту картину, в которой у всех есть те или иные способности, а человек

> наг и не обут, без ложа и без оружия, а уже наступил предназначенный день, когда следовало и человеку выйти на свет из Земли; и вот в сомнении, какое бы найти средство помочь человеку, крадет Прометей премудрое искусство Гефеста и Афины вместе с огнем, потому что без огня никто не мог бы им владеть или пользоваться. В том и состоит дар Прометея человеку[52].

Так благодаря Прометею задача была решена наполовину: человек мог теперь выживать, но не знал, как ему сосуществовать. О законах сосуществования, о стыде и истине мы поговорим в другой раз, а сейчас скажем еще раз о «боге на протезах»:

> С тех пор как человек стал причастен божественному уделу, только он один из всех живых существ благодаря своему родству с богом начал признавать богов и принялся воздвигать им алтари и кумиры; затем вскоре стал членораздельно говорить и искусно давать всему названия, а также изобрел жилища, одежду, обувь, постели и добыл пропитание из почвы[53].

Обратим внимание на имена братьев. Эпиметей – тот, кто думает задним числом, ретроспективно, а Прометей – тот, кто мыслит наперед, предвидит. Потому Прометея и помнят, пишут о нем, создают о нем кинофильмы, заносят в архивы уважаемых энциклопедий. Брата же его если и вспоминают, то как тугодума, совершившего непростительную ошибку.

Если древнегреческий миф – структура от реального, которая описывает то, как мы мыслим, то древнегреческая трагедия – поле, в котором вырабатываются отношения между людьми. Это поле, где возникает полис, возникают этика, юриспруденция, учреждаются отношения между людьми. Мы обращаемся к трагедии, которая называется «Прометей прикованный» и соответственно от Платона возвращаемся к Эсхилу. Дело не только в огне, который похищает для людей Прометей.

Огонь – метафора. Слово – Прометею:

> Все знаете. Скажу о маяте людей.
> Они как дети были несмышленые.
> Я мысль вложил в них и сознанья острый дар.
> Об этом вспомнил, людям не в покор, не в стыд,
> Но чтоб подарков силу оценить моих.
> Смотрели раньше люди и не видели,
> И слышали, не слыша. Словно тени снов
> Туманных, смутных, долгую и темную
> Влачили жизнь. Из кирпичей не строили
> Домов, согретых солнцем. И бревенчатых
> Не знали срубов. Врывшись в землю, в плесени
> Пещер без солнца, муравьи кишащие —
> Ютились. Ни примет зимы остуженной
> Не знали, ни весны, цветами пахнущей,
> Ни лета плодоносного, и без толку
> Трудились. Звезд восходы показал я им
> И скрытые закаты. Изобрел для них
> Науку чисел, из наук важнейшую.
> Сложенью букв я научил их: вот она,
> Всепамять, нянька разуменья, матерь муз![54]

Как видим, Эсхил, как и Платон, утверждает: никаких способностей кроме искусственных у человека нет. До того как Прометей наделил человеческое существо техническими средствами, оно пребывало в «маяте», влачило «недосуществование», и только в момент, когда возникает технэ, когда появляется искусство, является на свет человек. То есть рождение человека – всегда уже рождение техносущества, как бы мы его ни называли – *parlêtre* или *technêtre.* К слову, техника происходит от *τέχνη* – «искусство, ремесло», то есть «мы знаем, как делать».

Эсхил совершенно четко описывает человека, наделенного техносредствами, в частности языком. Язык – тоже техническое средство. Когда человек является на свет, он уже оказывается не в состоянии увидеть свое прошлое. Абсолютное прошлое – еще не прошлое, не то, что можно вспомнить. Вместе с техникой появляется и время: прошлое, настоящее, будущее. Вместе с техникой возникает возможность истории. Вместе с техникой появляется время, со временем – история, с историей –

человеческий субъект.

Эпиметей забывает о роде человеческом, забывает наделить его хоть какими-нибудь способностями, и на свет является органически беспомощное существо. Прометей исправляет ошибку брата, похищает для людей божественную технику, которая не может устранить дефект, но лишь восполнить его с помощью протезов. Вначале не было «ничего, кроме ошибки, которая есть ошибка начала»[55]. Совершенствующаяся техника становится протезом для несовершенного, органически беспомощного человека, лишенного, как говорят Платон со Стиглером, из-за ошибки Эпиметея всяких способностей.

И дело здесь не только в восполнении, но еще и в его выносящем говорящее существо вовне характере. Протез, точнее про-тез, – это то, что идет впереди человека, то, что находится вне его, ведь πρόσθεσις по-гречески – «приставление, присоединение, прибавление». Иначе говоря, речь не только о восполнении, но и приставлении, вынесении вовне. Вынесенное вовне конституирует бытие. Мысль психоаналитически не удивительная, конечно. Стоит вспомнить размышления Лакана о различных формах отчуждения, воображаемом и символическом, которые можно рассматривать и как различные формы экстериоризации, а также его понятие экстимности, указывающее на вынесенность вовне самого что ни на есть внутреннего, интимного. Бытие субъекта – вне его, в Другом, или, словами Стиглера: «Чтобы исправить ошибку Эпиметея, Прометей помещает смертных за их собственные пределы»[56]. Субъект всегда уже вне себя. И в то же время он открыт Другому. Дар Прометея – огонь желания, того, что раскрывается в отношениях с Другим и раскрывает эти отношения. В то же время субъект открывается миру в предчувствии будущего, в страхе и надежде.

Было бы несправедливо, хоть и вкратце, рассказать о теориях Фрейда, Каппа, Стиглера и не упомянуть о той теории, которая наиболее хорошо известна и даже популярна, – о технике как продолжении, расширении органов.

9. Продолжения Маршалла Маклюэна и Виктора Шкловского

В 1964 году выходит в свет книга Маршалла Маклюэна «Понимание Медиа: внешние расширения человека», в которой он рассматривает человеческую технологию как *продолжение* его органов и систем, нацеленное на увеличение мощи и скорости. Тенденцию к расширению, разумеется, имеют центральная нервная система и сознание.

Если Капп говорит о проекциях органов, Фрейд – о протезах, то Маклюэн – об *extensions:* продолжениях, расширениях, распространениях. В очередной раз приходится говорить, что мы далеки от мысли о том, что проекции, протезы и продолжения – «одно и то же», но всё же отметим объединяющую их черту: все они предполагают экстериоризацию, вынесение частей тела, органов, систем вовне.

Греческая приставка *про-* в «проекциях», «протезах», «продолжениях» не только указывает на экстериоризацию, но сочетает в себе как временное, так и пространственное измерение. Она указывает на нахождение впереди и на действие, предшествующее во времени. Близка по своему значению и созвучная греческой латинская приставка *pro-*. Два примера, которые, пожалуй, важны в нашем контексте: прогноз указывает на пред-сказание, предзнание, а программа – на пред-писание.

После этимологического экскурса в «проекции», «протезы» и «продолжения» совершим очередной обходной маневр, чтобы рассказать о человеке, который пользуется как понятием *расширение*, так и понятием *протез*, причем до Фрейда и Маклюэна. Зовут его Виктор Борисович Шкловский. В 1922 году он написал книгу «Zoo, или Письма не о любви, или Третья Элоиза», которая вышла в свет в берлинском издательстве «Геликон» в 1923 году. Интересно, что именно в этой книге о любви (к Эльзе Триоле) он не просто немало размышляет о технологии, но буквально говорит об орудиях, продолжениях органов и протезах, то есть, можно сказать, предписывает теории Фрейда и Маклюэна. Причем теория его, конечно, отнюдь не выглядит таковой, ведь речь идет о литературе, если не сказать о любовных письмах. В отличие от гипотетического ученого, Шкловский говорит о себе, своих переживаниях, своем опыте и о том, как его меняет преобразующаяся технологическая среда: «Я сейчас растерян, потому что этот асфальт, натертый шинами автомобилей, эти световые рекламы и женщины, хорошо одетые, – все это изменяет

меня»[57]. Нет никакого неизменного *я*. Вот, пожалуй, один из принципиальных для нас пассажей этой книги, начинающийся со слов об орудиях, руках и ногах:

> Орудие не только продолжает руку человека, но и само продолжается в нем.
>
> Говорят, что слепой локализует чувство осязания на конце своей палки.
>
> К своей обуви я не испытываю особенной привязанности, но все же она продолжение меня, это часть меня[58].

Неважно, есть привязанность к своему продолжению или нет, – от этого оно не перестает быть таковым, не перестает быть частью человека. Здесь возникает искушение еще раз напомнить о том, что книга «Zoo» о любви, и повторить последние слова теперь уже не применительно к обуви, а – к любимой: «она продолжение меня, это часть меня». Находит свои примеры Шкловский, разумеется, и в литературе. Он пишет, насколько человеческая среда меняется машинами. Так, например, в романе «Война и мир» ничем не приметный артиллерист Тушин «во время боя оказывается в новом мире, созданном его артиллерией»[59]. И дальше пассаж, можно сказать, вполне в духе Фрейда:

> Пулеметчик и контрабасист – продолжение своих инструментов.
>
> Подземная железная дорога, подъемные краны и автомобили – протезы человечества.
>
> Случилось так, что мне пришлось провести несколько лет среди шоферов.
>
> Шоферы изменяются сообразно количеству сил в моторах, на которых они ездят.
>
> Мотор свыше сорока лошадиных сил уже уничтожает старую мораль.
>
> Быстрота отделяет шофера от человечества.
>
> Включи мотор, дай газ – и ты ушел уже из пространства, а время как будто изменяется только указателем скорости.
>
> Автомобиль может дать на шоссе свыше ста километров в час.
>
> Но к чему такая быстрота?
>
> Она нужна только бегущему или преследующему.
>
> Мотор тянет человека к тому, что справедливо называется преступлением[60].

Вернемся к Маршаллу Маклюэну. Любое новое расширение вовне изменяет пространственновременные рамки, влияет на масштаб. Именно в этой связи прозвучала знаменитая мысль Маклюэна о глобальной деревне:

> После трех тысяч лет специалистского взрыва и нарастания специализма и отчуждения в технологических расширениях наших тел наш мир благодаря драматическому процессу обращения начал сжиматься. Уплотненный силой электричества, земной шар теперь – не более чем деревня[61].

Важно и то, что Маклюэн под техническими расширениями человека подразумевает все средства коммуникации, будь то дорога, язык, электричество, телеграф или деньги. Так, одежда – следствие расширения кожного покрова, дом – расширение тела, которое разрастается до деревни, города, планеты. Техника, по Маклюэну, – это расширение наших тел и чувств. К продолжению вовне относятся средства коммуникации, то есть медиа. По этой логике техникой становятся язык, письмо, речь, книгопечатание, газеты и т. д. Вновь мы возвращаемся к психической реальности Фрейда и символической матрице Лакана. Реальность матрицы такова, какой *мы ее* воспринимаем. Она – данность, как бы единственно существующая реальность, будто бы раз и навсегда. В небольшой газетной заметке «Машина» Эрнст Юнгер в 1925 году именно об этой данности и пишет. Парадокс же в том, что то, что мы видим, кажется нам «само собой разумеющимся», хуже того – «естественным». Вот, например, вполне «естественная» картина:

> мы, лежа на руках матери, смотрели на огромные железные вагоны и провожали взглядом сложные стальные механизмы, не имея о них ни малейшего понятия… <…> Иногда стоит вспоминать об этой истине, чтобы видеть, насколько мы зависим от нашей эпохи и нашего пространства.

Возвращаясь к Маклюэну, отметим, что он, рассуждая о письме, делает акцент на воображаемом, а точнее, на его визуальном измерении. Письмо, о воображаемом измерении которого мы склонны забывать, для Маклюэна в первую очередь представляет расширение визуального чувства. Революция Гуттенберга интенсифицировала фиксированную точку

зрения и перспективу. Письмо, таким образом, оказалось одним из принципиальных инструментов центрации субъекта.

С учетом того, как именно изменились за последние десятилетия средства письменного сообщения – от компьютерных e-mails и sms до WhatsApp, – не лишним будет напомнить о мысли Стиглера, связывающего память, технику и время. Уже Маклюэн отмечает, что с изобретением фотографии был сделан шаг из эпохи Книгопечатного человека в эпоху Графического человека. В эпоху фотографии слово превратилось в иконический знак, графический образ, отделившийся от всякого содержания.

Здесь как раз и хотелось бы отметить два момента, которые, на наш взгляд, представляют особый интерес. Во-первых, расширение предполагает самоампутацию органа, и функция этого процесса заключается в снятии напряжения. Для Маклюэна существует определенная *необходимость* человека в продолжении себя вне себя. Поскольку расширение является продолжением органа, чувства или функции, то центральная нервная система реагирует самозащитным жестом «отключения расширяемой области»[62]. То есть человек «отключает» те органы, чувства или функции, которые подвергаются расширению, исходя из потребности в сохранении и мобильности. Этот эффект Маклюэн называет *самоампутацией.*

Во-вторых, в этой же связи Маклюэн приходит к столь важному для психоаналитического дискурса разговору о нарциссизме. Отметим лишь один принципиальный для нас момент: самоампутация исключает самоузнавание. В нарциссическом регистре Лакан называл это конститутивным нераспознаванием *(méconnaissance):* именно то, что сам я остаюсь слепым пятном в другом, и позволяет мне видеть. Так мы пришли очередным обходным маневром к вопросу о нарциссизме.

Если Эрнст Капп просто констатировал факт того, что люди создают орудия и машины по своему образу и подобию, то Маклюэн объясняет потребность человека в генерировании своих расширений с точки зрения мифа о Нарциссе. Здесь всё же стоит напомнить, что, по логике Фрейда-Лакана, нарциссизм, во-первых, неизбежен, необходим, конститутивен для будущего человеческого субъекта, во-вторых, – несет в себе экстериоризацию, отчуждение, распознавание себя в другом и смерть и, наконец, являет собой техноортопедический фармакон.

Теперь посмотрим на Нарцисса Маклюэна немного пристальнее. Он отводит ему отдельную главу своего «Понимания Медиа». Маклюэн исходит из этимологии имени: Нарцисс (νάρκισσος) происходит от глагола

ναρκάω – «цепенеть, коченеть, парализовать». Отчуждаясь от собственного образа, как сказал бы Лакан, самоампутируя свой образ, Нарцисс перестает себя узнавать. Нарцисс под наркозом.

Приняв свое отражение за другого прекрасного юношу, он оказывается зачарованным своим-другим расширением, цепенеет от его созерцания. Или, словами Маклюэна: «Это расширение его вовне, свершившееся с помощью зеркала, вызвало окаменение его восприятий, так что он стал, в конце концов, сервомеханизмом своего расширенного, или повторенного, образа»[63]. Этот буквально фундаментальный для дальнейшей истории человеческого субъекта эпизод расширяется Маклюэном до мысли, что «люди мгновенно оказываются зачарованы любым расширением самих себя в любом материале, кроме них самих»[64]. Нарцисс под наркозом от самого себя, но при этом сам себя не распознает.

Стоит сказать и о том, что Маклюэн говорит не только о расширениях или продолжениях, но и о проекциях. Причем вполне в духе Фрейда или Лакана он понимает, что продолжение как проекция – не просто некое выбрасывание вовне, но кольцо, возвращающее спроецированное «назад». Иначе говоря, любая проекция предполагает интроекцию, несмотря на то, что это – отнюдь не симметричные процессы. Такое наркозамыкание имеет место, например, когда мы слушаем радио или смотрим телевизор, и такое непрерывное принятие в себя вынесенной вовне технологии замораживает нас в позиции Нарцисса, предписывая бессознательное восприятие себя. Если расширения времен Маклюэна еще сохраняли слепое пятно, то, похоже, сегодняшние социальные сети превращают самого ех-субъекта в такое пятно. В терминах Маршалла Маклюэна, происходит вот что:

> Когда наша центральная нервная система расширяется и ставится под удар, мы вынуждены вводить ее в оцепенение, иначе мы умрем. Таким образом, эпоха тревоги и электрических средств является также эпохой бессознательного и апатии. Но, что удивительно, это вдобавок еще и эпоха осознания бессознательного[65].

Так писал Маршалл Маклюэн в 1964 году. Остается ли все так же и сегодня, в конце 2017 года? Говорят, мы еще не умерли, и значит, мы по-прежнему – впрочем, уже совершенно иными средствами – вводим центральную нервную систему в оцепенение. Главное, как кажется, заключается не в том, что *об этом* по-прежнему говорят, а в том, что об этом по-прежнему *говорят*. Но, в отличие от 1964 года, важен, вероятно, и

вопрос, не *кто* говорит, а *что* говорит. И еще вопрос: можно ли сегодняшнюю эпоху назвать таковой осознания бессознательного? Бессознательного? Осознания?

Впрочем, что бы ни говорили, протезирование, проецирование и продолжение все еще следуют.

Часть III
Машина влияния Джеймса Тилли Мэтьюза

В 1810 году пневматический станок был реальным лишь для Джеймса Тилли Мэтьюза. Теперь, вполне возможно, мы все становимся его очевидцами[66].

10. Психиатрическая машина влияния

Нельзя, конечно, с полной уверенностью утверждать, что первое описание машины влияния было сделано именно Джеймсом Тилли Мэтьюзом, но именно оно дошло до нас в целости и сохранности как самое раннее. И дошло благодаря доктору Джону Хасламу, опубликовавшему в 1810 году книгу «Иллюстрации безумия», в которой он изложил случай своего пациента, которого звали Джеймс Тилли Мэтьюз. Этот случай стал одним из самых известных и прославленных в истории психиатрии. Разве что Даниэль Пауль Шребер, появившийся сто лет спустя, мог бы с ним соперничать.

Джон Хаслам был лечащим врачом Джеймса Тилли Мэтьюза в Бетлемской королевской больнице, которая когда-то официально называлась Госпиталем святой Марии Вифлеемской, но во времена, нами описываемые, была уже известна попросту как Бедлам. Именно здесь, в Бедламе, в невозможных отношениях между доктором Хасламом и его пациентом Мэтьюзом возникло первое описание машины влияния, которую вполне правомерно можно называть таковой Хаслама-Мэтьюза. Машину эту Мэтьюз назвал пневматическим станком. Английское название машины, *Air Loom*, не несет в себе пневматики, но, как мы увидим, *air* относится не к воздуху, а к газам вообще. То, что сегодня называется теорией газов, во времена возникновения этой науки называлось *пневматической химией*. Слово *loom* имеет прямое отношение к модернизации ткацкого станка, произошедшей в xviii веке. *Loom* происходит от староанглийского *ge-loma*, и под словом *loma* подразумевался любой станок – не обязательно ткацкий, вообще машина.

Джеймс Тилли Мэтьюз попал к доктору Хасламу в самом конце xviii века, как раз тогда, когда полным ходом шла институциализация психиатрической машины. Мишель Фуко в своих лекциях о психиатрической власти показывает, как происходила институциализация психиатрии в рамках медицины на примере прославленной клиники Сальпетриер. Поэтому мы на время отвлечемся от лондонского Бедлама и перенесемся в парижский Сальпетриер, тем более что перемещения между этими столицами еще сыграют свою роковую роль в судьбе Джеймса Тилли Мэтьюза.

В начале XIX века в Сальпетриере трудился знаменитый реформатор психиатрии Жан-Этьен Доминик Эскироль. Мишель Фуко, как известно, в

своей теории биовласти описывает саму эту власть не как нечто, принадлежащее одному конкретному человеку, например врачу, но как то, что носит дисперсный характер, как то, что распространяется через систему реле-передатчиков: врачей, аптекарей, санитаров, надзирателей. Власть не сконцентрирована в каком-то одном конкретном месте, она вездесуща и воспроизводит себя в социальных отношениях. Она проявляется в надзоре, в наблюдении за видимым объектом, она производится в дисциплинарных практиках, осуществляемых над объектом-телом. Власть неразрывно связана со знанием. Все это имеет прямое отношение к машине влияния, в частности таковой Хаслама-Мэтьюза.

Фуко описывает действие во времена Эскироля двух психиатрических машин влияния. Первая машина предписывает собственно медицинское, фармакологическое, медикаментозное лечение. Вторая – влияние авторитета, *моральное лечение*. Эта вторая машина, машина морального влияния, как пишет Фуко, была приведена в действие англичанами, в первую очередь как раз таки Джоном Хасламом. Впрочем, понятно, что машина эта не взялась *ex nihilo*. Учитель Эскироля Филипп Пинель понимал лечение безумия как подчинение и обуздание душевнобольного. Хаслам в своей книге «Наблюдения за безумием и меланхолией» отдает должное Пинелю за «моральное управление безумным»[67]. Переход к использованию моральной машины влияния Пинеля принято считать в истории психиатрии моментом особого гуманизма; и в этом трудно усомниться, ведь Пинель, работая в конце XVIII века в парижской клинике Бисетр, выхлопотал у революционного конвента разрешение снять с душевнобольных цепи. Напомним, что этот прославленный психиатр явился еще и основоположником научной школы психиатрии.

Итак, в конце xviii – начале xix веков происходит учреждение психиатрии в рамках университетского медицинского дискурса. Клиника принадлежит университету и работает как университет. В 1817 году Жан-Этьен Доминик Эскироль начинает читать свои знаменитые лекции по психиатрии в Сальпетриере, а с 1825 года продолжает свою деятельность в качестве первого клинического преподавателя в Шарантоне, где он проработал вплоть до самой смерти в 1840 году. Эскироль первым стал официально преподавать психиатрию во Франции, он же – автор первого научного руководства по психиатрии.

Фуко задается следующим более чем логичным вопросом: «Каким образом при отсутствии тела и исцеления, характеризующем психиатрическую практику, врач может быть действительно провозглашен

врачом?»[68]. И отвечает: психиатр «получает статус врача в силу одного того, что его окружают в качестве слушателей и зрителей студенты»[69]. Таков неожиданный, на первый взгляд, итог клинической презентации. Эскироль представляет больного студентам, выставляет его как объект напоказ, наделяя себя позицией знающего, обладающего властью. При этом корпус студентов составляет «институциональную корпорацию», жизненная необходимость которой определяется отсутствием тела больного. Отсутствие тела больного, а точнее больного тела, восполняется телами студентов и знающего врача. Таковы смещения в психиатрическом треугольнике *власть – тело – знание.*

Именно с этого момента за больницей устанавливается репутация храма науки. На лекции Эскироля в клинике Сальпетриер, ставшей европейским центром невропсихиатрической мысли, съезжаются врачи-психиатры из самых разных стран Европы. Здесь он выступает с публичными лекциями в течение девяти лет. Эскироль как раз и говорит о влиянии врача на пациента. Врач обязан всем своим видом показывать, кому принадлежит власть. У него должен быть уверенный взгляд, крупные черты лица, выразительный голос и т. д. В общем, «персонаж врача начинает функционировать с первого взгляда на него… врач есть по сути своей тело – или, точнее, некоторая физика, набор характеристик…»[70]. Впрочем, Хаслам иронично замечает, что «вся эта напускная важность, все эти бесконечные пронизывающие взгляды, имитация свирепости <…> хороши для Парижа, но не для Лондона»[71]. В терминах Лакана можно сказать, что вся эта *воображаемая* составляющая не столь эффективна в Бедламе, не производит должного впечатления на британских сумасшедших. Хасламу приходится прибегать к другим инструментам утверждения своего авторитета.

11. Моральный менеджмент[72] Джона Хаслама

Итак, Джон Хаслам – один из первых представителей и сторонников использования моральной машины влияния. Это, впрочем, не означает, что он категорически отказывается от любых других способов воздействия. В восьмой главе «Наблюдений за безумием и меланхолией», которая называется «Лекарства от безумия», Хаслам весьма подробно описывает средства физического воздействия: кровопускание, очистка желудка, вызывание рвоты, применение камфары, опиума, холодных и теплых ванн, подчеркивая, что при определенных условиях они оказывают благоприятное воздействие.

В 1795 году Джон Хаслам получил назначение в Бетлемскую больницу. Он выполнял обязанности психиатра, хотя официально являлся аптекарем. Хаслам работал в «команде» из трех человек: вместе с врачом Томасом Монро, который появлялся в больнице не чаще раза в месяц, и хирургом Брайаном Кроутером, безумным алкоголиком, закончившим жизнь пациентом Бедлама.

Будучи формально аптекарем, Хаслам на деле выполняет функции психиатра, но при этом не верит ни в медицину, ни в психиатрию, ни в какие теории, ни в какие нозологические категории. Все свои силы он направляет на то, что называет «моральным управлением *(moral management)*». Этому он посвящает отдельную книгу – «Размышления о моральном управлении безумными субъектами» (1817).

Только не нужно думать, что сторонник морального влияния – это благо, что Хаслам – нежный, заботливый, добрый доктор. Отнюдь. Его описывают как циничного, жестокого, высокомерного, враждебно настроенного ко всем окружающим человека. Его надменное отношение к психиатрам, его амбиции «практически доходили до профессионального бреда величия»[73].

Хаслам пропитан неприязнью к теориям и любого рода абстрактным размышлениям. Он враждебно настроен в отношении нозологии, любая таксономия для него лишена какого бы то ни было смысла. При этом он написал множество книг – впрочем, как он полагал, строго практической направленности, без каких-либо теорий, которые, как известно, всегда можно заподозрить в близости бреду. Кстати, его книга «Здравый ум» (1819) стала первой работой по судебной психиатрии на английском языке. Любая теория для Хаслама – уже бред. С одной стороны, вслед за Фрейдом

и Лаканом можно действительно сказать, что утверждение Хаслама не лишено здравого смысла. Любое систематическое связное построение едва ли может избежать привлечения фантазматических деталей, и Фрейд не случайно сторонился слова «система». Лакан же попросту связывает научную систематизацию с воображаемым заблуждением *(méconnaissance).* Нельзя сказать, понимает Хаслам или нет, что само деление умов и идей на здравые и больные уже предполагает теорию, но то, что такое деление сомнительно, ему понятно. Выступая однажды в качестве судебного психиатра, на вопрос, находится ли подсудимый в здравом уме, он сказал: «Я никогда не видел ни одного человека, который был бы в здравом уме»[74].

Мэтьюз для Хаслама – особый случай. Ему, как мы поняли, посвящена отдельная книга – «Иллюстрации безумия». Из этой книги следует, что цель Хаслама отнюдь не заключалась в том, чтобы лечить Мэтьюза. Цель – доказать, что Джеймс Тилли Мэтьюз – безумен. Во всяком случае, вся первая часть книги – это история психиатрических комиссий, которые созывались по требованию родственников, и каждый раз вывод был один: пациент – неизлечим. Не кто иной, как Хаслам, изо всех сил противился неоднократным попыткам вызволить Мэтьюза из Бедлама. Мы еще остановимся на этом вопросе подробнее, а пока скажем лишь, что стремление самого Мэтьюза, его семьи, его друзей доказать, что он здоров, приводили лишь к тому, что Хаслам с еще большим усердием утверждал обратное и добивался того, чтобы Джеймс Тилли Мэтьюз не покидал стен Бедлама. Следующие слова Фуко вполне можно отнести на счет Хаслама: «терапевтическая операция заключается вовсе не в нахождении врачом причин болезни. Чтобы эта операция увенчалась успехом, врач не нуждается ни в какой-либо диагностической или нозографической работе, ни в каком-либо дискурсе истины»[75]. Речь и в данном случае идет о борьбе, о столкновении двух сил, о соперничестве между Хасламом и Мэтьюзом. Исцеление заключается в признании больным правоты, истины доктора, то есть в признании больным своей болезни как заблуждения, ошибки, или, говоря языком Хаслама, Мэтьюз должен принять мысль врача, сделать ее своей: он одержим *больными идеями,* и, стало быть, его место – Бедлам. Впрочем, в случае Мэтьюза не стоит исключать истинность и паранойяльного сценария политического заговора. По меньшей мере, об этом свидетельствует письмо лорда Ливерпуля, отправленное 7 сентября 1809 года управляющему Бетлемской больницы, в котором он «рекомендует продолжать удерживать некоего субъекта,

лунатика по имени Джеймс Тилли Мэтьюз» до самой смерти[76].

Парадокс скорее в том, что при всей своей моральной нацеленности на излечение пациента (но не Мэтьюза) Хаслам остается верным – впрочем, неоднозначно и непримитивно – научной традиции органицизма[77]. Он убежден в телесном, органическом происхождении заболевания, и потому лечением его должны заниматься врачи. Одной из вершин органицизма, напомним, станет прославленный доктор Даниэля Пауля Шребера – Пауль Флексиг. Пауль Флексиг, автор книги «Локализация умственных процессов» (1896), как известно, пришел в психиатрию, будучи патологоанатомом. Джон Хаслам в течение нескольких лет работал в Бетлемской королевской больнице аптекарем, фармацевтом; он не был патологоанатомом, но мозг тоже любил вскрывать. Благодаря своим глубоким практическим познаниям в области препарирования этого органа управления пациентом – уже после увольнения из Бетлемской больницы – он получил степень доктора медицины в Университете Абердина в 1816 году.

Для Хаслама безумие противоположно разуму и здравому смыслу, как тьма свету, а само безумие – оппозиция мании и меланхолии, о чем он сообщает на одной из первых страниц своего труда «Наблюдения за безумием и меланхолией» (отметим, что Хасламу все же не удается избежать категоризации, не получается совсем отказаться от теории: есть здоровые и больные, есть безумные и меланхолики, есть меланхолики и маньяки). Если первая глава посвящена определению безумия, а вторая – его симптомам, в которой, в частности, сообщается об особом органе чувств, через который пробирается безумие, – об ухе, то вся пространная третья глава повествует о вскрытии мозга безумных. В этой главе описано тридцать семь клинических случаев, и каждый случай завершается описанием вскрытия. Похоже, никакой строгой корреляции между поражением головного мозга и безумием Хаслам не обнаруживает, хотя у маньяков увеличены боковые желудочки головного мозга. Вскрытие показывает, что при меланхолии вообще нет никакой зависимости между состоянием мозга и психикой.

Согласно органицистской традиции, причина душевных расстройств лежит в органе, в мозге. Но не для Хаслама. Он прямо задается вопросом, что является причиной, а что следствием: является ли безумие причиной поражения мозга, или мозг оказывается поврежденным в результате расстройства психики. Так что органицизм его, в отличие от такового Пауля Флексига и множества его сегодняшних последователей, действительно весьма ограниченный. В том, что касается этиологии безумия, текст

Хаслама оказывается гетерогенным. В этом мы убеждаемся и дальше.

В отношениях мозга с идеями не все так однозначно, но дело и не, как можно было бы предположить, в расстройстве органов восприятия. Хаслам полемизирует с сенсуализмом Джона Локка, говоря, что причина безумия не лежит в области обмана восприятия – скорее, сам обман восприятия объясняется болезнью мозга. Впрочем, еще раз скажем: Хаслам – далеко не Флексиг. В пятой главе «Наблюдений за безумием и меланхолией» он пишет: «Причины, которые мне удалось с уверенностью определить, можно разделить на физические и моральные»[78]. К первым относятся интоксикации, удары по голове, горячка, ртуть и т. д., а ко вторым – длительное переживание горя, страстное неудовлетворенное желание, религиозный ужас, внезапный страх… В качестве отдельной причины Хаслам называет зависимость психических процессов от небесных тел, в первую очередь, конечно, от Луны, откуда и закрепившееся за безумными название – лунатики.

В этой же главе Хаслам затрагивает и вопрос наследственной предрасположенности. И на сей раз стоит сказать, что, в отличие от многих сегодняшних ученых, он не дает однозначного ответа. Причем, если Хаслам и говорит, что в том случае, когда «один из родителей безумен, более чем вероятно затронуты безумием окажутся и его потомки»[79], то ответ этот отнюдь не отличается биологизмом наследования. Уж скорее, это вопрос наследования культурного, или, попросту говоря, воспитания:

> Из причин, называемых моральными, величайшее число может скорее быть возведено к ошибкам воспитания, которые зачастую насадили юному разуму те семена безумия, которые при самых незначительных обстоятельствах готовы взрасти[80].

Одна из важнейших мыслей Хаслама: нельзя вдаваться в содержание того, что говорит пациент. В этом нет ни малейшего смысла. Разве есть смысл в том, чтобы вдаваться в содержание бредовых мыслей? Но в то же время ничего, кроме убеждения, у доктора не остается. «Представьте себе *болезнь идей*. Каким образом нам осуществлять лечение?»[81] Ответ очевиден: «если безумие – это болезнь идей, то мы не можем предложить никакого телесного лечения *(no corporeal remedies for it)*»[82]. Итак, лечить идеи можно только идеями.

Лечить и сохранять. Пациент клиники – талисман клиники. Джеймс Тилли Мэтьюз, описывая банду, управляющую машиной влияния, писал,

что она «относится к нему как к „талисману“, как к ключу от плана мирового господства, однако Мэтьюз также был талисманом Хаслама, тайным оружием доктора в его собственных грандиозных схемах»[83]. Пока Хаслам вел записи о Мэтьюзе, Мэтьюз делал заметки о Хасламе. В общем, вполне правомерной оказывается следующая мысль: «Дуэль между Джоном Хасламом и Джеймсом Тилли Мэтьюзом образует комплексный и интригующий пример *folie à deux*»[84].

В 1816 году Джон Хаслам, сторонник не физического, но морального воздействия на пациентов, был уволен из психбольницы за жестокое обращение со своими подопечными – странно, если учесть, что сам он считал телесные наказания и жестокое обращение не только бесчеловечными, но и бесполезными в деле лечения. Главное ведь для него было добиться от пациента уважения, подчинения, признания авторитета. Видимо, иногда других способов заставить себя уважать ему порой не оставалось.

В 1815 году Джеймс Тилли Мэтьюз скончался. После его смерти Палата общин предприняла расследование, вероятно по заявлению племянника Мэтьюза, который утверждал, что Хаслам, дабы утвердить свой авторитет, приковал пациента к стене палаты. В результате расследования был обнаружен далеко не один обнаженный прикованный пациент. Джон Хаслам был уволен.

12. Бедлам – машина «лечения»

Итак, Джеймс Тилли Мэтьюз попадает к Джону Хасламу в Бедлам в январе 1797 года и здесь в деталях разрабатывает свой «пневматический станок». Поскольку Мэтьюз отлично рисовал и чертил, его машина оказалась представленной не только в описании, но и в тщательно проработанных рисунках, на которых изображены цилиндры, рычаги, бочки, трубки и другие детали. Помимо этого рисунка есть еще и план подвала, в котором работают обслуживающие машину убийцы. В общем, все выглядит весьма достоверно и отнюдь не безумно. Рисунки Мэтьюза, кстати, считаются чуть ли не первыми рисунками пациента, опубликованными в психиатрической книге. Сам Мэтьюз сообщает, что источником его художественного вдохновения, а также его видений и галлюцинаций стали иллюстрации с изображением электрических и пневматических приборов, которые он видел в «Циклопедии, или Универсальном словаре искусств и наук» Эфраима Чемберса[85], вы шедшей в свет поначалу в двух томах в 1729 году и послуживший образцом для французской «Энциклопедии» (1751–1772) Дидро и Д’Аламбера. Сам Мэтьюз уверял, что видел свою машину в статье *Loom* из «Циклопедии» 1783 года издания, однако, по словам Хаслама, это не соответствует действительности.

Машина влияния Джеймса Тилли Мэтьюза управляется двумя современными ему технологиями – флюидами, описанными теорией животного магнетизма, и невидимыми газами, открытыми в области химии. И об этом нам, конечно, предстоит поговорить отдельно.

Мэтьюза считают первым пациентом, случай психического расстройства которого был описан в серьезном научном труде, и сам он в свою очередь описал первую машину влияния. Он уверен, что за пределами Бедлама в подвалах Лондонской стены бесчинствует банда злодеев, которая контролирует его, подвергает пыткам его разум, воздействуя на него невидимыми флюидами, газами, токами, лучами, которые проникают прямо в мозг, в мысли, в кровь. Злодеи разработали такую машину, действие которой незримо. Ничто не может воспрепятствовать ее насильственному воздействию, но увидеть само это воздействие невозможно. К тому же машина действует беспрепятственно на расстоянии, это буквально телетехнология. Не случайно Бернхард Зигерт называет Джеймса Тилли Мэтьюза «первым в истории субъектом телефонии»[86].

Неудивительно и то, что случай этот столь важен сегодня, когда мы окружены невидимыми средами wi-fi, летящими картинками Instagram, сообщениями WhatsApp, sms, электронными письмами…

Машину влияния и подвал, где она находится, Мэтьюз увидел не выходя из Бедлама благодаря тому, что он называет *симпатическим восприятием.* Располагается подвал неподалеку от Бедлама, рядом с Лондонской стеной в Мурфилдсе. Впрочем, Мэтьюз знает, что это не единственный аппарат. Они разбросаны по всему Лондону. И он – не единственная цель этих дьявольских машин. Их махинации направлены на влиятельных политических фигур. В частности, под воздействием одной из таких машин находится премьер-министр Уильям Питт.

«Больница – это машина для лечения», – говорит Мишель Фуко. Какого типа эта машина? Фуко отвечает: паноптического. Она всё видит, и в этом всевидении как будто и заключается лечение. Больница «лечит как паноптический аппарат»[87]. Она основана на поле зрения, и пациент ее заключен в аппарат тотального надзора. Фантазм всевидящего ока – принцип власти. Лечение осуществляется посредством оптической машины, а точнее – *в* этой машине. В больнице очевидны, говорит Фуко, несколько элементов бентамовского паноптикума. Дело, впрочем, не столько в Бентаме, сколько в Бедламе, старейшей психиатрической больнице из сохранившихся до наших дней во всей Европе – больнице, имя которой стало синонимом сумасшествия.

Именно в Бедламе конструируется машина влияния. Да, идея влияния, конечно, возникла до того, как Мэтьюз устроил скандал в Палате общин, до того, как он туда ворвался с криком в адрес лорда Ливерпуля «Предатель!» и был отправлен в психиатрическую больницу, но сама конструкция была детально описана именно в Бедламе. Обратимся в двух словах к истории этого заведения.

Бедлам, а точнее здание будущей Вифлеемской королевской больницы, было построено в 1247 году как монастырь Нового Ордена святой Девы Марии Вифлеемской. В 1330 году монастырь стал обычной больницей, а с 1377 года – больницей для душевнобольных, в которой до 1403 года содержались, впрочем, максимум девять пациентов. Превращение обычной больницы в психиатрическую было делом весьма неспешным и завершилось оно к 1460 году. С 1547 года приток «умалишенных» и «блаженных» резко увеличился. В 1676 на новом месте было построено куда более просторное здание для нового Бедлама. Через сто пятьдесят лет, впрочем, и этого оказалось недостаточно. Бедлам отправился по Лондону в другое место.

В 1801 году специально созданная комиссия при Палате общин приняла решение приступить к поискам нового места для больницы. Одновременно с поиском места развернулся и конкурс на лучший архитектурный проект. 1 апреля 1811 года управляющий Бетлема получил от одного из участников не один, а целых четыре детально проработанных проекта, выполненных на больших листах бумаги со всеми соответствующими подписями и продуманными до мелочей деталями. Автором этих проектов был не кто иной, как Джеймс Тилли Мэтьюз. Так, вероятнее всего, впервые в истории психиатрическая больница была спроектирована «не с точки зрения докторов, которые собирались ей управлять, а пациентов, которым предстояло в ней жить»[88]. План Мэтьюза был не только необычайно эстетичен и практичен, но еще и радикален: «это была не просто архитектура, но терапия в камне»[89]. О Хасламе Мэтьюз, разумеется, тоже позаботился. Он поставил его дом так, чтобы обзору из его окон поддавалась вся территория целиком. В этом отношении правило паноптикума было четко соблюдено. Если концептуально отношения «доктор – пациент» для Хаслама строились на моральной иерархии, на превосходстве истинных идей доктора, то сам архитектурный проект Мэтьюза предлагал другую форму лечения – партнерство.

В конкурсе было тридцать два участника. Под проектом Мэтьюза помимо имени было указано и то, что он содержится в Бетлемской больнице четырнадцать лет. Здесь же научился искусству гравировки (с 1811 года к нему в больницу приходил мастер и обучал его). В итоге проект Мэтьюза в конкурсе проиграл, хотя отдельные элементы его вошли в окончательный архитектурный план. В начале 1815 года на новом месте развернулось строительство нового Бедлама, и 24 августа сто двадцать два пациента были перевезены через весь Лондон в новую обитель.

Когда Мишель Фуко говорит, что «лечит в больнице сама больница»[90], он подразумевает, в частности, что лечит «ее архитектурное устройство, организация пространства, принцип распределения индивидов в этом пространстве, принцип перемещения в нем, принцип наблюдения и нахождения под наблюдением – все эти вещи обладают собственным терапевтическим значением»[91].

13. Параноидная шизофрения или частная собственность?

Полное название труда Джона Хаслама – «Иллюстрации безумия: представление одного случая безумия и не менее примечательных различий в медицинских мнениях о развитии природы приступов и манере рабочих событий; с описанием мучений, переживаемых от разрыва бомб, разламывания лобстера и удлинения мозга». В этой книге Хаслам рассуждает об уме и безумии Мэтьюза, он приводит буквальный отчет о том, во что верит Мэтьюз, его бредовые переживания. Из предисловия следует, что книга – «акт справедливости» и «вопрос любознательности». Хаслам не ставит в ней никаких диагнозов, он буквально иллюстрирует безумие. Впервые у так называемых разумных читателей появилась возможность заглянуть в столь привлекательный безумный ум и увидеть фантастический мир, можно сказать, своими глазами – по крайней мере, силой своего воображения. Более того, он заранее предупреждает «умного читателя», что слова самого Мэтьюза взяты в кавычки и представляют собой точную копию им сказанного. Тем самым мы действительно имеем дело, как сказал бы Лакан, с означающими самого пациента. Книга, как следует из предисловия, ориентируется тремя главными героями, которых Хаслам называет с большой буквы: Писателем, Читателем, Безумным.

Писатель, включая Читателя в воображаемый паноптикум, иллюстрирует, наглядно изображает на письме Безумие.

Еще раз: в случае Мэтьюза у Хаслама не было цели его лечить. Об этом свидетельствует не только и не столько книга, сколько показание Хаслама перед Судом королевской скамьи в ноябре 1809 года[92], в котором он утверждает, что с момента появления в Бетлемской больнице в 1797 году Мэтьюз был и оставался безумным. После годичного испытательного срока пациент был признан неизлечимым больным. Причем Хаслам уделяет особое внимание политическому контексту, утверждая, что пациент убежден в том, что его лишили свободы из-за заговора, предпринятого против него предателями и врагами Англии. В заговор вовлечены первые лица чуть ли не всех стран мира – от Америки и Франции до России и Пруссии. Сам пациент, по словам доктора, представляет себя Императором всего мира и утверждает, что царствующие в мире особы – самозванцы и узурпаторы. Пациент также убежден, что в самую сердцевину его мозга

был установлен магнит, позволяющий химикам, работающим на политиков, извлекать из его головы мысли. Магнит действует как прослушивающее устройство. Разумеется, упоминает в своем отчете Хаслам и гигантскую машину влияния, обслуживаемую могущественными агентами. В общем, со слов доктора, можно сказать, что у пациента два симптома: иногда он ощущает себя автоматом *(automaton),* которым управляют агенты, а иногда – Императором всего света. Как сказали бы сто лет спустя, у него бред преследования и бред величия.

Чтобы убедить королевский суд в безумии Мэтьюза, Хаслам, по крайней мере предположительно, к своему «Показанию» приложил фрагмент текста пациента, начинающийся со слов «Джеймс, Абсолютный, Единственный и Наивысший Священный Всеобщий, Всевластный Архивеликий Архисуверен, Всеимперский Архивеликий Архивластелин, Всеимперский Архивеликий Архиимператор Всевышний и т. д. Двадцатое Марта Тысяча Восемьсот Четвертого»[93].

Примерно на таком же синтаксисе выстроен весь этот текст. В содержательном отношении в нем можно выделить следующие «фигуры»:

• бред величия Мэтьюза, о котором свидетельствует начало, но на котором беспредельное самовозвышение не останавливается, и вся эта эскалация самопрославления может настолько же восприниматься серьезно, насколько и как не лишенная самопародии барочная аллегория;

• заговор, в который втянуты чуть ли не все страны и города мира, а также в связи с ними – долги и необходимые выплаты;

• заговору и бреду преследования содействуют машины, в том числе машины влияния, обслуживаемые бандами злодеев, вооруженных магнитами, ядами, флюидами и испарениями.

Благодаря книге «Иллюстрации безумия» случай Джеймса Тилли Мэтьюза стал первым задокументированным случаем того расстройства, которое получило в XX веке название *параноидной шизофрении.* Историки психиатрии зачастую прямо говорят о том, что это первый случай описания шизофрении, хотя, как известно, в качестве отдельной нозологической единицы ее ввел Эмиль Крепелин под латинским названием *dementia praecox* в 1893 году, а слово «шизофрения» появилось в 1908 году благодаря Эйгену Блейлеру.

Впрочем, в случае Джеймса Тилли Мэтьюза речь если и идет, то не столько о диссоциациях и шизофрении, сколько о паранойе. Паранойяльный бред включает в себя, как известно, бред преследования,

бред отношения (все вокруг имеет отношение к субъекту), бред контроля. Все это мы находим на страницах «Иллюстраций» Хаслама. Особенное внимание мы обращаем на бред тотального контроля, ведь пневматический станок— «первый прибор, специально созданный, чтобы контролировать разум, тело и волю»[94]. Паранойя, можно сказать, – это сверхбдительность, сверхподозрительность, понимание того, что вокруг – враги, шпионы и, говоря языком Лакана, похитители наслаждения. Так страх социальных, экономических, технологических перемен будет в дальнейшем, во времена неконкретизируемой третьей машины влияния, обеспечиваться расстройством нарциссизма. Об этом мы подробно поговорим в заключение нашей истории, а сейчас вернемся к мысли о паранойяльной шизофрении у Джеймса Тилли Мэтьюза.

Кто-то скажет, конечно, что феномен шизофрении был, но имени у него не было. Кто-то скажет, что феномен был, но называли его по-другому. Кто-то – что не было ни имени, ни феномена. Шизофрения распространяется вместе с Современностью. Трудно не согласиться с мыслью, что в психиатрических описаниях, предшествующих случаю Мэтьюза, с трудом можно найти симптоматику, которая соответствовала бы столь распространенной сегодня паранойяльной шизофрении, и действительно возникает искушение сказать: «шизофрения – должно быть расстройство, распространившееся в современный индустриальный век»[95]. Все это вполне убедительно, если принять во внимание то, что мир изменился. Что это значит? Радикально изменился мир машин, с которыми неразрывно связан человек, изменился мир человека, претерпевшего в связи с этими машинами совершенно новое для себя отчуждение, и, наконец, изменились сами отношения между людьми.

В случае, который последует в нашем повествовании за Джеймсом Тилли Мэтьюзом, в случае Наталии А. параноидная шизофрения уже не будет вызывать – в рамках психиатрического дискурса, разумеется, – ни малейшего сомнения. Даже психоаналитик Виктор Тауск называет свой труд «О возникновении „аппарата влияния“ при шизофрении». Майк Джей пишет, что примерно в 1800 году произошло нечто драматичное если не с самим безумием, то с его пониманием, и мы можем «подогнать Джеймса Тилли Мэтьюза под первый случай шизофрении, и случай этот говорит не столько об этом человеке, сколько о мире вокруг него»[96].

Мир вокруг – Бедлам. Мир вокруг – Хаслам. Хаслам пишет. В нем отчуждено знание Мэтьюза. Не зря доктор говорит об «устойчивой антипатии» со стороны пациента. У него скорее взаимная симпатия с

убийцами, обслуживающими машину влияния. К доктору никакой симпатии, ведь он хранит его в Бедламе как талисман. Неудивительно, что Мэтьюз однажды использует слово «талисман» вместе со словом «собственность». Мэтьюз принадлежит Хасламу. Он – его частная собственность.

Как уже говорилось, первая часть книги посвящена описанию бесконечных комиссий, доказывающих, что Мэтьюз – неизлечимый лунатик. Хаслам говорит о самых высоких инстанциях и показаниях самых уважаемых экспертов. Он убежден в том, что двух мнений здесь быть не может: либо Мэтьюз, как свидетельствуют авторитеты, безумен, либо он, как утверждает противоположная сторона (судя по всему, друзья, родственники и сам пациент), разумен, ведь «не может быть так, чтобы человек был в своем уме и вне себя одновременно»[97]. И далее следует удивительный пассаж. На чем основан авторитет? – задается вопросом Хаслам и дает ответ: на степени доктора, на том, что, получив такую степень, человек становится ученым, и называть его невеждой язык уже не поворачивается. Впрочем, продолжает он, правда и то, что «доктор может быть слеп, глух и нем, глуп и безумен, но все же его диплом защищает его от обвинений в невежестве»[98]. Такой вот парадокс: доктор может быть безумен, но его показания все равно разумны, ведь он защищен степенью доктора наук.

В такой ситуации еще более понятно такое положение дел, при котором Мэтьюз должен приговорить себя сам, и в книге нужно просто дать ему слово. В этом нет ничего удивительного. Во-первых, у Хаслама на момент написания книги научной степени нет, он не доктор. Во-вторых, как мы помним, он вообще противник каких бы то ни было теорий, нозологий, интерпретаций.

Интересно, что Хаслам идет наперекор времени. В XIX веке психиатрическая практика действовала на перекрестке двух дискурсов – нозологического и патологоанатомического. Первый вырабатывал позитивистскую сетку типов психических заболеваний, а второй установил органическую корреляцию. Хаслам лишь отчасти признает второй, связанный с его практикой, но никак не первый – на его взгляд, с практикой не связанный никак. Интересно, что психиатрия

> развивалась под эгидой двух этих дискурсов, но никогда не пользовалась ими или пользовалась только как референтом, как системой отсылок, в некотором роде ярлыков. Никогда психиатрия XIX века не применяла непосредственно то знание

> или квазизнание, которое постепенно накапливалось либо в рамках большой психиатрической нозологии, либо в области патологоанатомических изысканий[99].

Эти два дискурса, по словам Фуко, не задавали никакого направления развитию самой психиатрии, а скорее выполняли роля гарантов истинности ее практики. Сама практика «оставалась безмолвной»[100].

14. Двойной агент Джеймс Тилли Мэтьюз и политически-параноидный контекст психиатризации

Джеймс Тилли Мэтьюз был валлийским торговцем чаем. При этом он имел доступ к правящим политическими кругам Британии, был хорошо знаком с премьер-министром Уильямом Питтом, членом Палаты общин лордом Ливерпулем и другими. С 1792 года начинается его эпопея между Лондоном и Парижем.

В 1793 году Мэтьюз попал в охваченный революцией Париж. Он сам вменил себе дипломатическую миссию. Британия и Франция оказались на пороге войны, и Мэтьюз решил, что он миротворец, призванный примирить державы. Якобинцы обвинили его в шпионаже и контрреволюционной деятельности. Он был задержан Комитетом общественной безопасности в конце 1793 года и помещен на три года под домашний арест. 2 июня 1793 году якобинцы «сместили» жирондистов, Мэтьюза сочли двойным агентом и арестовали[101]. Пока вокруг царил террор, Мэтьюз находился то под домашним арестом, то в специальных лагерях. Революция, «соединившая животный магнетизм с дисциплинарной властью»[102], принесла новые понятия – террора и терроризма. В 1796 году французские власти сочли Джеймса Тилли Мэтьюза лунатиком и освободили.

Революционный террор не мог не сыграть своей роли в развязывании психоза Мэтьюза. Политика того времени была насквозь пропитана заговорами, и «паранойя революционеров – с их повсеместными системами уничтожения – обеспечила его всем необходимым материалом для того, чтобы он стал травмированным автором пневматического станка»[103]. Вполне можно сказать, что паранойя проникала в Джеймса Тилли Мэтьюза извне, пропитывала и подпитывала его разум. В том же 1796 году Мэтьюза как шпиона и «опасного безумца» выслали на родину.

Мэтьюз утверждал, что якобинцы используют месмерические методы в военных целях. Как только Людовик XVI был обезглавлен ранним утром 21 января 1793 года, Джеймс Тилли Мэтьюз тотчас сообщил высокопоставленным представителям британских властей, что, во-первых, он выполнял миссию британского агента во Франции и, во-вторых, ему известно, как предотвратить войну. Хаслам, кстати, уверен, что бред начал

развязываться у Мэтьюза в Париже. Как-то, когда Мэтьюз находился в тюрьме, один из заключенных спросил, *не знакомы ли ему разговоры между одним мозгом и другим.* Мэтьюз ответил отрицательно, и в ответ услышал, что такое вполне возможно, если в мозгах установить магниты. Тогда Мэтьюз и стал всерьез задумываться о таком непосредственном общении, о возможностях того, что он назовет *симпатической коммуникацией*. О ней речь впереди.

Вернувшись в марте 1796 года в Англию, Мэтьюз понял, что миссия его предана. Первым делом он начал писать письма лорду Ливерпулю. В пространном письме от 6 декабря 1796 года этому видному политическому деятелю Мэтьюз открытым текстом называет его «самым что ни на есть дьявольским Изменником»[104]. Завершает он письмо словами: «Возможно, Вам удастся внушить всему миру, что я безумен, но я буду настаивать на том, что я совершенно здоров, пока не докажу это вам и остальному Миру»[105]. Через несколько недель, 28 января 1797 года, Джеймс Тилли Мэтьюз был помещен в Бедлам. Похоже, он сам подсказал лорду Ливерпулю, что с ним делать.

Оказавшись в Бетлемской королевской больнице, Мэтьюз отказывается контактировать с прочими ее обитателями, поскольку все это – не больные, а подсадные утки, агенты секретарей Питта. Он не ест и не пьет, понимая, что его собираются отравить. Никаких сомнений в заговоре нет. Для чего же еще его упрятали? Задолго до появления Джеймса Тилли Мэтьюза в Бедламе, в 1714 году, в Британии было принято законодательство, согласно которому мнением медицинских экспертов можно было признать человека психически больным и изолировать. Интересно, что не было принято никакого закона, на основании которого можно было бы заключенных выпускать. Между тем жена и друзья Мэтьюза не оставляли попыток его вызволить. Поразительно то, что даже если одна экспертная комиссия признавала его здоровым, то – благодаря лорду Ливерпулю – Мэтьюза тут же называли политически опасным шпионом, место которому в Бедламе. В общем, для докторов «он был политическим заключенным, а для политиков – сумасшедшим»[106] – такая машинерия. И еще: сама идея, с которой он носился, идея мира, была ровным счетом никому не нужна. Правителям Англии и Франции была нужна война. Джеймс Тилли Мэтьюз им нужен не был.

Для Хаслама мысли Мэтьюза идут вразрез с господствующими. Он превратился в отброс дисциплинарной иерархии. Душевнобольной должен быть исправлен, ассимилируем. Фуко говорит:

> …дисциплинарная власть обладает двойной особенностью: она и аномизирует, всегда отстраняет ряд индивидов, обозначает аномию, неприводимое, и вместе с тем всегда нормализует, изобретает все новые исправительные системы, раз за разом восстанавливает правило. Дисциплинарные системы характеризуются непрерывной работой нормы в рамках аномии»[107].

В 1809 году была предпринята очередная попытка со стороны друзей и родственников вызволить Мэтьюза из Бедлама. На сей раз два практикующих психиатра из Лондона, Джон Биркбек и Генри Клаттенбак, осматривали его в течение нескольких месяцев и признали в принципе здоровым. Однако Хаслам с Монро заявили, что уже десять лет наблюдают за своим «подопечным» и никаких сомнений в отношении его безумия у них нет. Кроме того, Хаслам заявил, что бред Мэтьюза носит политический характер и его освобождение опасно для правительства и общества.

Джеймс Тилли Мэтьюз – неизлечимый больной. Понятно, ведь он сам называет себя автоматом *(automaton)*, которым управляют агенты машины влияния. Хасламу, похоже, видения Мэтьюза доставляют особое удовольствие, будто бред величия здравомыслящего аптекаря полностью оказывается в тени бреда величия неизлечимого пациента. 10 января 1798 года доктор вносит видение Мэтьюза:

> На вершине церкви Блумсбэри стоит человек с Книгой Страшного Суда в руках. В ней записано всё, и единственный, кто способен ее прочитать, – Джеймс Тилли Мэтьюз. Ничего удивительного, ведь уже ощущает себя Императором всего мира[108].

Знание пересекает все границы – такова уж природа заговора. Джеймс Тилли Мэтьюз знает о заговорщиках. Заговорщики, в свою очередь, знают, что он знает о том, что они знают. В конце концов, Большой Другой знает.

Заговор объясняет Мэтьюзу его местонахождение в больнице. Он не считает себя психически больным. Он знает, что он – жертва заговора. Здесь вновь мы вспоминаем Даниэля Пауля Шребера.

Мэтьюз – двойной агент. Ему приходится менять имена. Он – Джеймс, Абсолют, Единственный, Высший, Святой, Всемогущий, Архивеликий, Архивладыка… Машина влияния управляется агентами антиправительственной банды. Мэтьюз не только двойной агент

британской дипломатии и шпионажа во времена Французской революции, но он и двойной агент в клинике. Жизнь продолжается. Неудивительно: он покинул Францию, но французы установили в его голове магнит. Магнит, понятное дело, связан с теорией магнетизма. Магнетизм, как все видели в Париже еще до революции, может не только воздействовать на тело, но также влиять на мозг и на речь. Магнетизм – средство контроля.

Безумие Мэтьюза, его машина влияния, разрешило двойное агентство. Пневматический станок, помимо всего прочего, «стал еще и *dues ex machine*, решением неразрешимой проблемы войны, поглотившей мир»[109]. Станок, разумеется, отражает не только политические реалии, но и научные открытия, буквально сотрясающие XVIII век. Мир вокруг буквально пронизан лучами, волнами и газами. Обратимся для начала к теории газов.

15. Пневматология: Джозеф Пристли, Антуан Лавуазье и машина влияния

До середины xvii века представления о различных газах не существовало. Считалось, что существуют разные виды воздуха. В конце XVIII – начале xix веков возникла пневматическая химия, или пневматология, которая впоследствии превратилась в химию газов. Основы пневматической химии заложили два британских ученых, Джозеф Блэк и Генри Кавендиш, который опубликовал в 1766 году работу «Искусственный воздух». К концу XVIII века произошло то, что в истории науки принято считать «химической революцией». Джеймс Тилли Мэтьюз – ее современник.

Открытия в области химии газов связаны в Британии в первую очередь с именем Джозефа Пристли, дружившего со многими членами Лунного клуба, или Лунного общества, о котором нам еще предстоит вспомнить. Интересно, что он был больше известен как министр, политический деятель, реформатор, чем как ученый. Химией он занимался в свободное от политики время. Новая наука, химия газов, обладала для него новой политической силой. Пристли открыл веселящий газ, аммиак и кислород. Помимо газов его, кстати, интересовало еще и электричество. В политике он открыто сочувствовал Французской революции и был вынужден эмигрировать в Америку. Влияние Джеймса Пристли распространялось не только на науку и политику, но и на философию – в частности, на Иеремию Бентама и Джона Стюарта Милля.

Другой знаменитостью в области химии газов был Антуан Лавуазье, которого называют отцом современной химии. Лавуазье, по крайней мере, отчасти основывался на исследованиях Пристли, которые он, кстати, переводил на французский язык. Он обнаружил, что воздух ответственен и за возгорание, и за окисление. Именно Лавуазье назвал эту составную воздуха кислородом *(oxygen).* Другую составляющую воздуха он назвал азотом, то есть безжизненным. Он опроверг теорию флогистона. Лавуазье пал жертвой революции. 8 мая 1794 года он был арестован как предатель и гильотинирован. Открытие в руках политиков, ученый больше не нужен.

У Мэтьюза было достаточно причин, чтобы обратиться к химии газов, ведь это была наука, очевидно связанная, как и сам он, с политикой[110]. И уж точно не меньше с машиной влияния Мэтьюза и с политикой была

связана теория магнетизма. Посмотрим, что она собой представляет.

16. Машина влияния Франца Антона Месмера испускает флюиды

Изобретателем теории магнетизма стал Франц Антон Месмер, фигура весьма значимая в европейской истории, в том числе политической. Понятно, что открытые им силы «животного магнетизма» можно использовать в политике. Понятно, что магнетизм – прекрасный инструмент для политических махинаций и влияния. Французская революция и доктор медицины Франц Месмер должны были встретиться, и они встретились.

Интересно, что идею влияния Францу Антону Месмеру подбросил не кто иной, как его друг, Вольфганг Амадей Моцарт. Музыка оказывает влияние на слушателей, рассуждал композитор. Она способна погружать в определенное состояние, может наводить на самые разные мысли. Подобный эффект может производить и магнетизм. Так считает Месмер.

В Париже, куда Месмер приехал из Вены в 1778 году, считалось, что он совершил в медицине переворот, сравнимый с тем, какой Ньютон произвел в физике. Его новую науку признали Французская академия наук и академические медицинские круги. Несмотря на это признание, принципиальный вопрос оставался: либо Месмер открыл действительно некую ранее неведомую силу, *животный магнетизм*, либо речь идет о ранее неведомых отношениях между людьми, магнетизером и пациентом.

Месмер «придал рациональное содержание теории флюидов»[111]. Животный магнетизм служил изгнанию из тела психической болезни. Но лечил больного не магнит, а сам врач, и, похоже, Месмер это понимал. Врач как носитель животного магнетизма – лечащее средство. Врач- магнетизер приводит в норму перераспределение флюида. Флюид, по Месмеру, – единственный посредник между доктором и пациентом. Кстати, Месмер первым заговорил об установлении *раппорта* между доктором и пациентом. Этот термин означал действенный контакт между доктором и пациентом. Впрочем, в отличие от Фрейда, Месмер отвергал словесный диалог, утверждая диалог телесный. В то же время его считают «инициатором первой динамической психиатрии»[112], повлиявшим, как ни странно, на Фрейда. Кстати, оба учились на одном, медицинском, факультете одного, Венского, университета.

Между Месмером и Фрейдом (через Шарко и Бернгейма) можно

усмотреть и принципиальную связь, которая выглядит как последовательность: животный магнетизм – гипноз – внушение – перенос. В одном из писем 1931 года Стефану Цвейгу Фрейд написал, что принадлежит традиции Месмера, медицине Просвещения, лечению духом. Собственно, так Фрейд отреагировал на затею Стефана Цвейга – написать книгу «Врачевание психики», которая начинается с Месмера и заканчивается Фрейдом. По-немецки эта книга называется *Die Heilung durch den Geist*– «Лечение духом».

Месмер полагал, что его животный магнетизм «основан на физиологии и близок к теориям электричества или магнитов, вызывавших большой интерес в научных кругах того времени»[113]. У Антона Месмера была своя машина влияния, которую он использовал во время публичных демонстраций, а магнетические сеансы постепенно превращались в модную салонную игру, в демонстрацию власти магнетизера над пациентом. Он использовал огромный сосуд с водой, в котором находились осколки стекла, камни, железные опилки, бутылки и металлические прутья; к концам этих прутьев, выступавших над поверхностью воды, прикасались больные, а веревка, которой они были связаны между собой, должна была способствовать «циркуляции флюида»[114]. Понятие *магнетизма*, к которому прибегает Месмер, стало научным лишь за сто лет до него, в XVI веке, благодаря Парацельсу. До этого магнетизм был магической техникой.

Что еще важно для случая Джеймса Тилли Мэтьюза, – это связь месмеризма с психиатрией. И то и другое демонстрирует машину влияния. Машина устанавливает контроль доктора над пациентом.

17. Строение машины влияния Джеймса Тилли Мэтьюза

Пожалуй, важно сказать, что первой теорией электричества, которое куда важнее будет в случае машины влияния Наталии А., хотя важно оно и для машины Мэтьюза, создал Бенджамин Франклин, который в своей книге «Опыты и наблюдения с электричеством» (1747) считал его «нематериальной жидкостью», флюидом. Кстати, в 1784 году именно Франклин, бывший тогда американским послом во Франции, возглавил комиссию, расследовавшую научную сторону деятельности Месмера и пришедшую к выводу, что никакого животного магнетизма нет, зато есть внушение магнетизера и податливое воображение пациента.

Пришло время машин. И оно современно радикальным социальным переменам. Мэтьюз говорит, что машина влияния разработана Якобинским клубом, игравшим важную роль во Французской революции. Главной машиной революции стала гильотина.

Пришло время станков. Машина влияния Мэтьюза называется «пневматический станок», по-английски *Air Loom*, то есть не столько любой станок, сколько ткацкий. Вот только ткань его – воздушная, пневматическая. Тех, кто управляет станком *(loom)*, Мэтьюз наделяет неологизмом «пневматики» *(pneumaticians)*. Пневматики управляют машиной с помощью клавиатуры, рычагов, педалей. К слову скажем, что в 1768 году Ричард Аркрайт изобретает новый прядильный станок, а в 1785 году Эдмунд Картрайт патентует механический ткацкий станок, оснащенный ножным приводом. Тем самым происходит очередной прорыв в усовершенствовании машин. На схеме, показывающей работу пневматического станка, Мэтьюз отдельно отмечает буквой *f* «педали, на которые нажимают ноги пневматиков»[115]. Важно и то, что источником энергии для новых ткацких станков, изобретенных Эдмундом Картрайтом, служит паровой двигатель. Пар, эта основа Первой промышленной революции, – еще одна немаловажная составляющая работы машины влияния Мэтьюза.

Принципиально важно, что начинается описание этой машины, – которое служит пояснением к рисунку с ее изображением, вот с каких слов: «Верхом аппарата, который убийцы называют пневматической ткацкой машиной *(air-loom machine)*, пневматической машиной и т. д., является

большой стол»[116]. Аппарат влияния – настолько же станок, насколько и письменный стол (отмеченный на схеме буквой *а)*, иначе говоря, машина влияния – *бюрократическая машина*. Письменный стол – основа машины, принадлежащей режиму, обозначенному Даниэлем Паулем Шребером как *Aufschreibsystem*. И к этой машине мы еще вернемся.

18. Банда управленцев машиной влияния

После введения в «Иллюстрации безумия» Джон Хаслам сообщает читателю, что дальше ему предстоит самому судить о состоянии рассудка Джеймса Тилли Мэтьюза, которого доктор называет теперь мистером М. Первое, с чем сталкивается читатель, – это непреложная вера пациента в существование машины влияния: «Мистер М. настаивает на том, что в некоей квартире неподалеку от Лондонской стены действует банда злодеев, мастерски владеющая познаниями в пневматической химии и преследующая его посредством пневматической машины»[117].

Далее следует описание в духе фильмов Фрица Ланга, в которых действует как хорошо отлаженный механизм некая организация, агентурная сеть. «В различных районах метрополиса базируется множество других банд»[118], – уверенно утверждает Мэтьюз. Они располагаются вблизи всех стратегических важных городских объектов – у Парламента, Адмиралтейства, Казначейской палаты и т. д. Деятельность сети нацелена не только на Мэтьюза, но он – единственный очевидец заговора, уже опутавшего Европу. Сама идея множества банд, о которых сообщает Мэтьюз, выводит его психоз за рамки индивидуального; данная идея проявляет как раз то время, когда Европа оказалась в руках этих банд[119].

Политическая составляющая бреда Мэтьюза непреложна. Одна из основных функций тех, кто работает с машинами – шпионаж. Причем сегодня это назвали бы информационным шпионажем. Сведения, изымаемые из голов министров, передаются по сетям, по мере передачи искажаются, министрам внушаются другие мысли. Чтение мыслей – тоже задача работников, обслуживающих машины влияния. Именно эти машины влияния и привели к поражению военного флота Британии.

Прежде чем машина влияния начнет оказывать свое воздействие на нужного человека, необходимо произвести его пропитку магнетическими флюидами. Множество агентов перемещается по городу и проводит подготовку того, на кого затем будет нацелена машина. Подготовка, то есть намагничивание, называется «пропиткой вручную» *(hand-impregnation)*. «Пропитка» между тем имеет прямую сексуальную коннотацию: *impregnation* – оплодотворение. Агенты машины, они же «пневматические практики», знакомятся с жертвой, заводят разговор, желательно в кафе, и затем незаметно откупоривают бутылку, где под давлением находится магнетический флюид. Между человеческим телом и этим флюидом, по

словам Мэтьюза, существует сильное притяжение. Флюид, попадая в организм жертвы, например министра или какого-то еще влиятельного лица, обеспечивает внушение мыслей. Если лицо возвращает внушенную ему мысль, значит, «пропитка-оплодотворение» прошла удачно. И дело не ограничивается, что принципиально, двумя действующими лицами. «Эксперты-магнетисты», как, вводя еще один неологизм, называет их Мэтьюз, транслируют / внушают мысли через одного человека другому по сетям.

Мистер М. подробно описывает разрабатывающую его банду. Она состоит из семи членов: четырех мужчин и трех женщин. Об их повседневной жизни мало что известно, и если они и появляются на улицах Лондона, то их можно принять за карманников или подпольных торговцев алкоголем. На деле они появляются на улице, чтобы вступить в контакт с членами других подобных банд. Далее следует любопытная деталь: «Дома они все ложатся вместе, вступая в беспорядочные половые сношения и грязные сообщества»[120]. Так, гендерная и сексуальная проблематика появляется при описании банды сразу же.

Отметим и еще одну интересную деталь. Цель у членов банды – та же, что и у докторов, в частности у Хаслама: повлиять, переубедить, вот только методы – другие. Не моральное воздействие, а технонаучное.

Главарь банды – Билл, или Король. Именно он посредством магнетической пропитки *(magnetic impregnations)* Джеймса Хадфилда заставил того произвести выстрел в театре в короля Георга III. Хадфилд, кстати, после этого, совершенного в 1800 году, покушения был признан неизлечимым лунатиком. Король Билл, используя машину влияния, прибегает к самымнемыслимым зверствам и жестокостям. Он также известен тем, что никогда не улыбается.

Следующий в банде – Джек Школьный Учитель, или Джек-Наставник. Он – стенографист, который «величает себя протоколистом» *(the recorder).* Он постоянно приговаривает: «Так ты и сделаешь, когда нас застукаешь» и «Я здесь, чтобы следить за тем, чтобы игра была честной» – и обращает все в шутку. Джек редко работает с машиной. Точнее, он заодно с бюрократической машиной. У него свое место за письменным столом. Мэтьюз утверждает, что Джек Школьный Учитель препятствует тому, чтобы он правильно писал и говорил, используя метод диктовки. Наставник навязывает свой стиль, бросая на это все свои силы. Он только изображает из себя протоколиста, но не может избежать включения машины диктата.

Третий член банды – сэр Арчи. Поговаривают, что сэр Арчи – женщина, переодетая в мужское платье. Мистер Мэтьюз время от времени

задает ему вопрос о том, какого он пола, но ответы следуют настолько эксцентричные и неприличные, что Мэтьюз отказывается их передавать. В банде сэра Арчи его считают лгуном и пошляком, постоянно отпускающим непристойные шутки. Он не покидает комнаты, в которой установлена машина, но сам на ней не работает. Он пользуется только магнитом. С мистером М. он общается исключительно посредством «мозговорa» *(brain-sayings).*

Четвертый член банды – Средний Человек. Он – инженер. Злодеи утверждают, что именно он разработал машину влияния. Понятно, что Средний Человек лучше других знает, как с ней обращаться. Несмотря на то, что он использует ее для нападок на мистера М., делает он это скорее из спортивного интереса. Для Среднего Человека М. – талисман. Ему, как правило, насмешливо вторит сэр Арчи: «Да, он – талисман».

За Средним Человеком в описании следует Августа. Она моложе входящих в банду мужчин (Биллу – 64–65 лет, Наставнику – около 60, Сэру Арчи – где-то 55, а Среднему Человеку – примерно 57). Ей 36 лет. У нее резкие черты лица и плоская грудь. Она вечно ходит в черном и никогда не пудрится. Августа редко работает на машине, ее роль скорее сводится к поддержанию отношений с другими орудующими в городе бандами. Она умеет к себе расположить, кажется весьма дружелюбной, но, если ей не удается воздействовать на человека, не получается его в чем-то убедить, она становится злобной и может причинить серьезные неприятности. Объект ее влияния – женщины, а техника – «мозговор».

Еще одна женщина – француженка Шарлотта. Она того же возраста и такого же среднего роста, что и Августа, но поплотнее. Вместе с Сэром Арчи она постоянно находится в доме. Ее плохо кормят, и она практически без одежды; у мистера Мэтьюза даже есть подозрение, что она прикована. Интересно, что Шарлотта говорит по-французски, но «мозговор» осуществляет «посредством английских идиом»[121]. В течение нескольких лет она не работает с машиной.

Последняя женщина в банде имени не имеет, но поскольку она не снимает хлопчатобумажные митенки, то ее зовут Женщина-Перчатка. Ей 48 лет. На ее щеках и верхней губе полно волос. Главное, впрочем, что она мастерски управляется с машиной. Никто не слышал, чтобы она когда-нибудь разговаривала.

Особое внимание стоит обратить на то, что в описании членов банды трое – как раз те трое, что более-менее четко относятся к мужчинам, – Мэтьюзу кого-то напоминают. Все трое кому-то подобны, они – *подобия.* Можно сказать, они напоминают ему его самого в позиции

нераспознавания *(mesconnaissance).* Нарциссической дезидентификацией дело не ограничивается.

Джеймс Тилли Мэтьюз утверждает, что главарь банды, Билл, напоминает ему покойного доктора де Валангина. Вероятнее всего он имеет ввиду Франсиса Джозефа де Валангина, доктора медицины, – человека, весьма известного в Европе, который практиковал в Лондоне, где и скончался в 1805 году. Он был врачом Королевского благотворительного общества масонов. В то же время у Билла явное сходство с сэром Уильямом Палтни, «дубликат *(duplicate)* которого он сделал»[122]. Итак, с одной стороны – доктор, с другой – политик, к тому же не столько он сам, сколько изготовленный им двойник.

У «Джека-Наставника» явное сходство с Джоном Хасламом. Он наставляет, учит, воспитывает и всё записывает. Зачем обычной банде стенографист, протоколист, регистратор, или, даже скажем, – звукозаписывающий аппарат *(the recorder)?* Джек-Наставник— связующее звено между машиной влияния и бюрократической машиной.

Средний Человек напоминает мистеру Мэтьюзу инженера, покойного мистера Смитона. Не удивительно, что именно он создатель машины, ведь Джон Смитон – инженер-строитель, механик, изобретший в 1760 году цилиндрические меха для подачи воздуха в доменную печь. Он считается первым в Англии гражданским инженером. Джон Смитон был членом Лондонского королевского общества и Лунного общества, которое объединяло деятелей британского Просвещения. Интересно, что название общества возникло в связи с тем, что его члены собирались в полнолуние, поскольку Луна давала необходимый свет, и называли себя «лунартиками» с намеком на лунатиков.

Кто нужен для создания и обслуживания машины влияния, как не доктора, политики и инженеры?! Все убийцы, так или иначе связанные с работой машин влияния, обладают невероятными познаниями в пневматической химии, физиологии, симпатии, человеческом разуме и метафизике. К уровню познания академической науки они, по словам мистера М., относятся с презрением.

Познакомив читателя с главными действующими лицами, Хаслам и Мэтьюз перечисляют препараты, которые ими используются в работе с машиной: мужская и женская семенные жидкости; медные и серные испарения; пары купороса, воды, белладонны, чемерицы; миазмы собак, зловонного человеческого дыхания; гнилостные, трупные и чумные испарения; вонь выгребной ямы; газы ануса лошади; человечьи газы; вонь лошадиных сальных желез; испарения мышьяка; яд из жаб; эфирные масла

роз и гвоздик; египетский нюхательный табак. Последний, особенно вонючий запах, как следует из примечания Хаслама, используется исключительно во время сна, когда Мэтьюза посредством «снообработки» *(dream-workings)* перемещали в болота вблизи устья Нила.

Как мы видим, перечень препаратов соединяет химию с алхимическими и ведьмовскими элементами. Воздействие этих ингредиентов магической науки, по словам мистера М., совершенно чудовищно. Хаслам утверждает, что эти воздействия М. описывает «техническим языком нападающей на него банды», и тот, «кого интересует нозология, будет болезненно впечатлен потрясающим каталогом человеческих страданий»[123]. И никаких серьезных противоядий воздействиям машины нет. Сопротивление бесполезно.

19. Воздействия машины: от флюидной блокировки до газосбора

Злодеи разработали машину, воздействующую на него на расстоянии магнетически заряженным воздухом и газами. Они блестяще разбираются в пневматической химии. Зловещие бандиты направляют зловонные испарения на людей, чтобы их контролировать, чтобы ими манипулировать. Машина работает за счет целого ряда субстанций: вонючей гнойной смеси, включающей семенную животную жидкость, семенную жидкость мужчин и женщин, зловонные миазмы собаки, гнилостное человеческое дыхание, выделения из ануса лошади… Все эти субстанции аккумулируются в бочках, чтобы в нужный момент вместе с невидимыми лучами воздействовать на расстоянии на жертву. Джеймс Тилли Мэтьюз описывает целый ряд эффектов, производимых машиной влияния.

• «Флюидная блокировка» *(fluid locking)* представляет собой сжатие мышц языка у его основания, из-за которого затрудняется способность говорить.

• «Отрезание души от чувства» *(cutting soul from sense)* – распространение магнитного перекоса, начинающееся от кончика носа и проникающее далее к основанию мозга. Вызывает эффект, будто внутри все покрывается пеленой. В результате между чувствами сердца и работой интеллекта нет никакой связи.

• «Изготовление камня» *(stone-making).* Бандиты уверяют, что могут производить камни в почках.

• «Говорящее бедро» *(thigh-talking).* Чтобы произвести этот эффект, мошенники умудряются направить свои говорящие голоса на внешнюю часть бедра. В результате тот, на кого направлено воздействие, ощущает, что этот орган слышит. Таково перемещение органа восприятия. Мозгом, как поясняет мистер М., он понимает, что слуховые ощущения переместились на бедро.

• «Запускание воздушного змея» *(kiteing)* – это весьма изощренный и изнуряющий способ атаки *(assailment*[124]*).* Название происходит вот из какого сравнения: как дети запускают воздушного змея в воздух *(air),* так и бандиты посредством машины *(air-loom)* и магнитной пропитки запускают в мозг особые идеи, где те плавают часами. Интересно, что тот, кто

подвергается подобного рода атакам, понимает, что запущенные в него идеи ему не принадлежат, что они ему чужды, но поделать с ними он ничего не может.

• «Внезапное насмерть-сдавливание» *(sudden death-squeezing)*. Другое название этого эффекта – «растрескивание лобстера» *(lobster-cracking)*. Это воздействие вызывается внешним давлением магнитной атмосферы на преследуемого, посредством которого останавливается циркуляция жизненных сил, затормаживается движение и наступает моментальная смерть.

• «Сдирание кожи с желудка» *(stomach-skinning)* заключается в том, что желудок опустошается, становится сырым и болезненно чувствительным, как будто его ошпарили и сняли внутреннюю кожицу.

• «Проработка апоплексии теркой для мускатного ореха» (*apoplexy-working with the nutmeg-grater*) заключается в насильственном вдувании флюидов в голову, и если эта процедура не разрушает человека, то на висках появляются прыщи, которые растут, становятся жесткими, и эта часть лица начинает напоминать тёрку. Через день-два такой человек умирает.

• «Растягивание мозга» *(lengthening the brain)*. Как цилиндрическое зеркало удлиняет лицо человека, который в него смотрится, так и у нападающих бандитов *(assailants)* есть способ, которым они ухитряются вытягивать мозг. Происходит это посредством искажения любой появляющейся в мозгу идеи. Самая серьезная мысль при этом превращается в самую смешную. Все мысли подвергаются гротескным интерпретациям. В рамках психоаналитического дискурса можно напомнить, что *сверх-я* – не столько строгая моральная инстанция, сколько инстанция издевающаяся, насмехающаяся, непристойная. Человек начинается сомневаться в серьезности своих мыслей, его принуждают не доверять их достоверности. Мысли сами себе не тождественны. Издевательству подвергается все – от самых цивилизованных общественных институтов до Библии.

• «Изготовление мыслей» *(thought-making)*. Мэтьюз описывает довольно сложный процесс, в котором один из бандитов присасывается к мозгу атакуемого, высасывая существующие там чувства, а другой бандит, чтобы запутать сосущего, всаживает ему в мозг цепь мыслей, весьма отличных от тех, что являются его действительными мыслями, перехватывая тем самым желанную информацию у сосущего. При этом второй от совершаемых им действий смеется в рукав.

• «Вызывание смеха» *(laugh-making)* заключается в воздействии

магнитных флюидов на жизненно важные органы, в результате чего лицевые мышцы искривляются в гримасы, напоминающие смех, оскал или ухмылку.

• «Шурование или проталкивание ртути» *king, or pushing up the quicksilver).* Если у человека, который подвергается нападкам, достаточно сильный интеллект и он с возмущением оказывает сознательное сопротивление вероломной пропитке, то бандиты в ответ, конечно же, усиливают продувку, чтобы накачать достаточный объем флюидов. Эта операция носит настойчивый и непрерывный характер.

• «Наполнение мочевого пузыря» *(bladder-filling).* Шейные нервы наполняются газом, посредством чего производится частичное смещение головы. Многократное использование приводит к ослаблению интеллекта. Здесь мы видим смещенное действие: название говорит об одном органе, а воздействие оказывается на другой.

• «Затягивание» *(tying-down):* фиксация энергии суждений атакуемого на определенных мыслях.

• «Разрыв бомбы» *(bomb-bursting)* – по словам мистера М., это одно из самых страшных страданий, причиняемых адской машиной. Флюиды пропитывают нервы и мозг. Пар поступает в кровеносные сосуды, газ заполняет желудок и кишечник, становясь при этом легко воспламеняемым. Все тело начинает болеть. Бандиты работают с электрической батареей, производя чудовищные взрывы в теле, разрушая все системы. В голове производятся чудовищной силы разрывы. Далеко не все атакуемые могут пережить эту пытку.

• «Газосбор» *(gaz-plucking)* – извлечение из человека магнетических флюидов. Для начала их концертируют в желудке и кишечнике. Этот газ – большая ценность для бандитов. Они выводят его через анус с помощью машины. Сбор газов – весьма медленный процесс выведения из организма и аккумуляции флюидов пузырек за пузырьком.

На этом более или менее подробное описание заканчивается и далее следует указание на ряд других приемов, к которым прибегают обслуживающие машину влияния убийцы: «выворачивание ступней», «вызывание летаргии», «высекание искры», «приковывание колена», «выжигание», «выкручивание глаз», «фиксация зрения», «завязка крыши», «надрыв жизненного», «разрывание мышечных волокон»… Заканчивается перечень словами «и т. д., и т. д., и т. д.»[125].

20. Симпатическая коммуникация посредством «мозговора»

Язык Джеймса Тилли Мэтьюза – язык органов, телесный язык. Именно этот признак будет важен для Фрейда в прояснении работы бессознательного при шизофрении. Даже бедро мистера М. может заговорить. Орган речи смещается. И это – именно орган, будь то мозг или бедро.

Мэтьюз говорит о симпатической коммуникации. Согласно этимологии, симпатия с середины XVI века обозначает близость, родство между определенными вещами, а еще – сочувствие, сострадание. Для Мэтьюза эта коммуникация обозначает способность вступать в неопосредованные словами отношения, понимать друг друга без слов. Несмотря на все страдания, которые приносит ему машина влияния, он «извлекает некоторое утешение из симпатии, которая превалирует между ним и рабочими машины *(workers of the machine)*»[126]. Взаимная пропитка проявляет способность воспринимать движения и мысли друг друга без слов. «Таков, похоже, закон симпатии, результатом которого становится общий разум *(mutual intelligence)*»[127]. Символические границы между собой и другим снимаются.

Симпатическая коммуникация в так называемом положительном смысле этого слова, конечно же, к работе пневматиков имеет разве что вот какое, весьма любопытное, отношение: на (бюрократическом) столе машины влияния установлены металлические цилиндры, которые служат для «омертвления симпатии», в частности для того чтобы не дать возможность Мэтьюзу заглядывать своим телепатическим взглядом в то, что происходит в «лаборатории». Цилиндры – глушилки симпатии. Влияние предполагает одностороннее движение.

В то же время, чтобы заглушить симпатические способности прозрения Мэтьюза, убийцы *(assassins)* воздействуют на его способности суждения относительно симпатии и делают это с помощью мощной волны симпатии или «мозговора». Одностороннее движение имитирует избыточной симпатией взаимность. Где Мэтьюз? Где работники машины?

Здесь не только отмечается рассеивание *(dissémination)* значений симпатии, но и смещение в сторону синонимии (симпатия = «мозговор»). И также симпатия может стать оружием против симпатии, то есть

антисимпатией, но не антипатией. Мозг и эмоции у Джеймса Тилли Мэтьюза в центре внимания, так же как и в сегодняшнем мире, так же как у сегодняшней науки. В отношения вступают не субъекты языка и речи, а мозга и эмпатии. Коммуникация носит не опосредованный словами характер.

Напомним, в парижской тюрьме все началось с разговора о коммуникации *мозг – мозг*, возможной благодаря магнитам. Магнит, впрочем, имплантируется с двойной целью: во-первых, для того, чтобы субъекта влияния можно было легко найти. Во-вторых, для того, чтобы оказывать влияние, контролировать мозг. Мэтьюз в результате действия машины, по его собственному свидетельству, постоянно мучим бредом, физическими агониями, приступами смеха и т. д.

Мозг говорит. Общение мистера М. с членами банды, как подчеркивает Хаслам, осуществляется посредством «мозговора» *(brain-sayings). Sayings* – еще и присказки, поговорки, то есть можно предположить, что речь не только о прямом разговоре с мозгом мистера М., но и об использовании идиом, устойчивых оборотов. Хаслам определяет «мозговор» как «симпатическую коммуникацию мыслей»[128], буквально как сочувствование, эмпатию. Техническое основание для такого рода отношений заключается во взаимной пропитке магнетическими флюидами. Причем связь может усиливаться за счет действия электрической машины.

Помимо «мозговора» есть еще и «голосоговорение» *(voice-sayings)*. Оно представляет собой «непосредственную передачу артикулированного звука слуховым нервам без какой-либо обычной вибрации воздуха»[129]. Так что и голоса принадлежат органическому языку: они звучат в нервах. Здесь Джеймс Тилли Мэтьюз вплотную подходит не только к науке XXI века, но и к системе Даниэля Пауля Шребера.

С одной стороны, мы сталкиваемся с провалом *символического* в *реальном*. С другой стороны, *воображаемое* продолжает задавать пространство, дистанцию. Машина влияния, напомним, – телемашина. Она действует на расстоянии, и с расстоянием, как подчеркивает Мэтьюз, ее влияние ослабевает. Симпатическая коммуникация, телетехнология зависит от расстояния. И вновь две стороны: с одной стороны, машина действует на расстоянии, с другой – никакого расстояния нет, нет той дистанции, которой требует речь. Символический порядок как порядок опосредования и тем самым учреждения отношений не действует. Символическое провалено в реальное. Или, повторим вслед за Фрейдом, между означающим и органом означения нет зазора, нет разницы.

Парадокс заключается в том, что Хаслам вроде бы говорит о «болезни идей», но не тела. Но причинность и он, и Мэтьюз – как два ученых человека – видят в материальном. Причины безумия лежат в строго физических причинах. Как ни странно, мы сталкиваемся с физической причинностью прямо во сне. Машина влияния работает во сне и наяву. И понятно, что во сне процесс воздействия идет куда проще. Причем то ли Хаслам, то ли Мэтьюз выражаются языком Фрейда: во сне производится работа сновидения, его «проработка» *(dream-workings)*. Во власти бандитов вызывать во сне призраков – конечно же, не менее «живых», чем наяву. И делают они это с помощью магического материального объекта – куклы: «У этих убийц имеются в распоряжении грубо сделанные самые разные куклы; пристально в них вглядываясь, убийцы забрасывают их в мозг и так создают куда более живое восприятие у сновидца»[130]. Это даже не симпатическая магия, действующая на расстоянии, не телетехнология. Куклы имплантируются прямо в мозг.

21. Проработка события в пространстве мировой политики

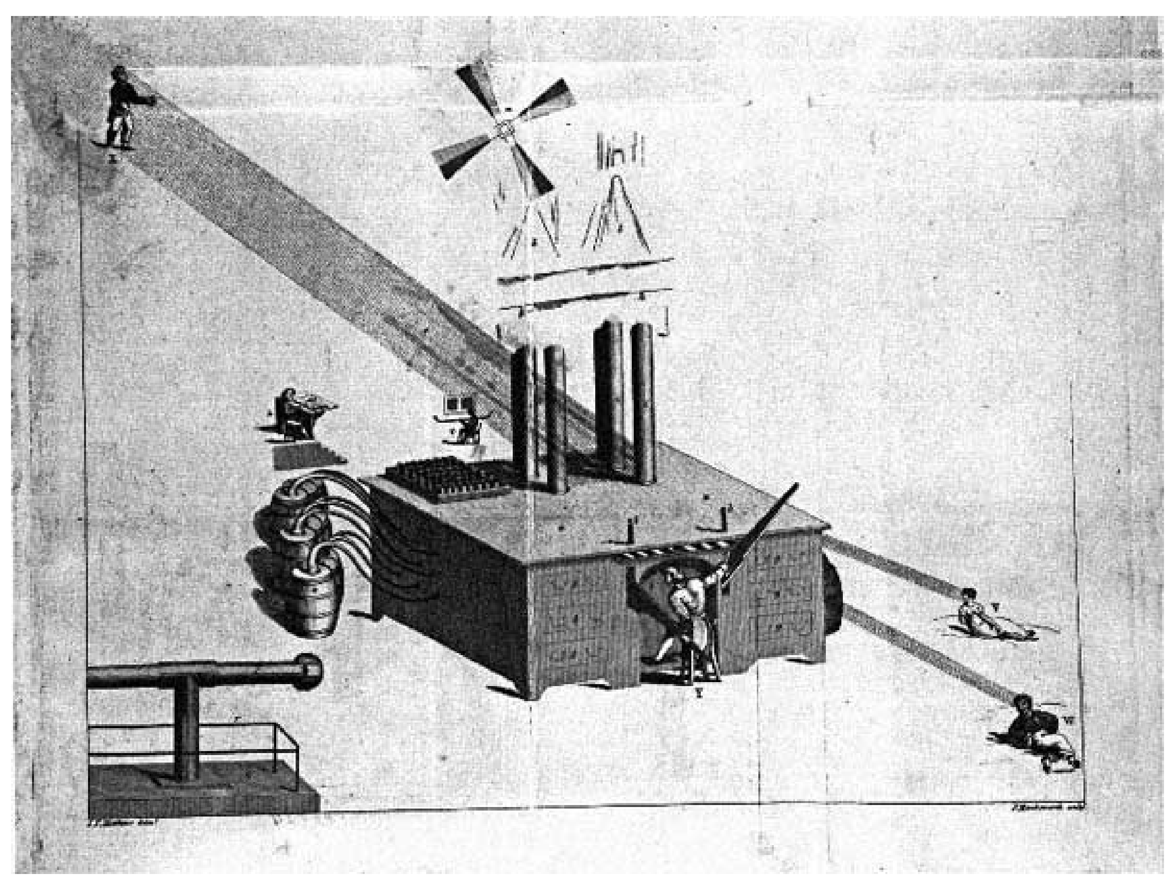
Одним из принципиальных и самых сложных понятий словаря Джеймса Тилли Мэтьюза является «проработка События» *(Event-working).* Речь о нем заходит к концу книги. Причем начинается обсуждение этого понятия со слов Джона Хаслама о том, что оно настолько сложное, что лучше о нем пусть расскажет сам Джеймс Тилли Мэтьюз. Впрочем, несколько моментов доктор все же отмечает. Во-первых, это наука, которая раньше выстраивалась на астрономических или астрологических основаниях. Во-вторых, особую сложность для понимания проработки события вызывает то, что его «помнят до того, как оно произошло»[131]. Именно по причине сложности такого временного вывиха, смещения будущего в прошлое Хаслам и передает слово Мэтьюзу.

Джеймс Тилли Мэтьюз начинает рассказывать об одном из дней 1798 года, когда убийцы открылись ему и голоса их поведали, что он для них— «проработка События». Впрочем, понятие оказывается туманным, сокрытым, поскольку оно принадлежит словарю агентов сети. Агенты пользуются этим означающим так, что невозможно понять, идет речь о Событии или нет, а имя того, кто подвергается проработке, остается в тайне. Событие необъяснимо, оно разрывает причины и следствия.

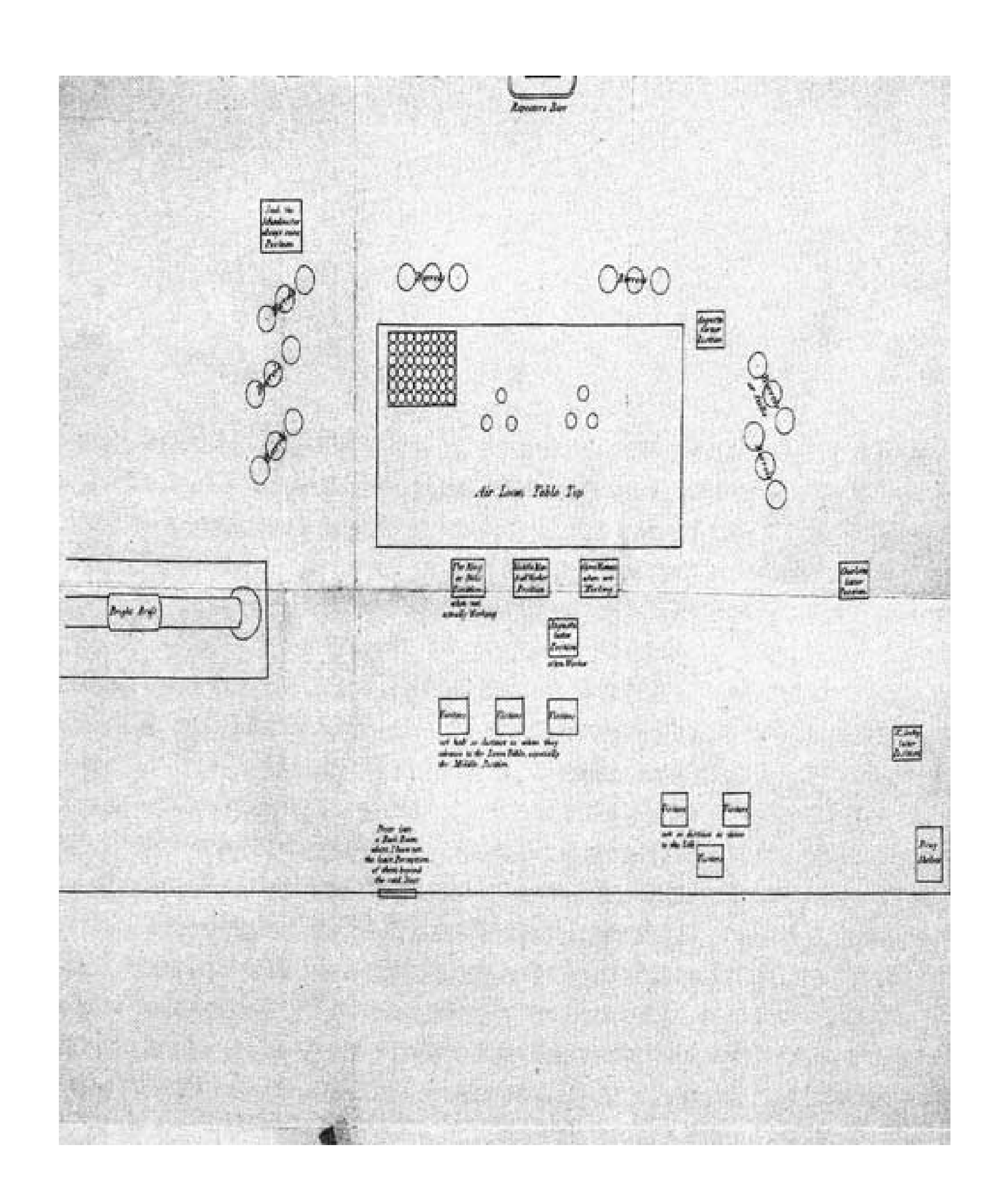
Мистер М. говорит, что для понимания «проработки События» можно подойти к нему со стороны профессии пневматических химиков и магнетистов, которые нанимаются работать шпионами. Этих убийц-шпионов можно назвать работниками или разработчиками события *(event-workers)*[132]. Дальше Мэтьюза уносит в воспоминания о заговоре, открывшемся ему во Франции в 1793–1796 годах. Заговор был нацелен на уничтожение британского флота. В конце концов все шпионы, все разработчики события направили свои силы против Джеймса Тилли Мэтьюза. «Проработка События» может читаться и прямо как создание некоего исторического События, например Великой французской революции, разорвавшей жизнь Джеймса Тилли Мэтьюза на *до* и *после.*

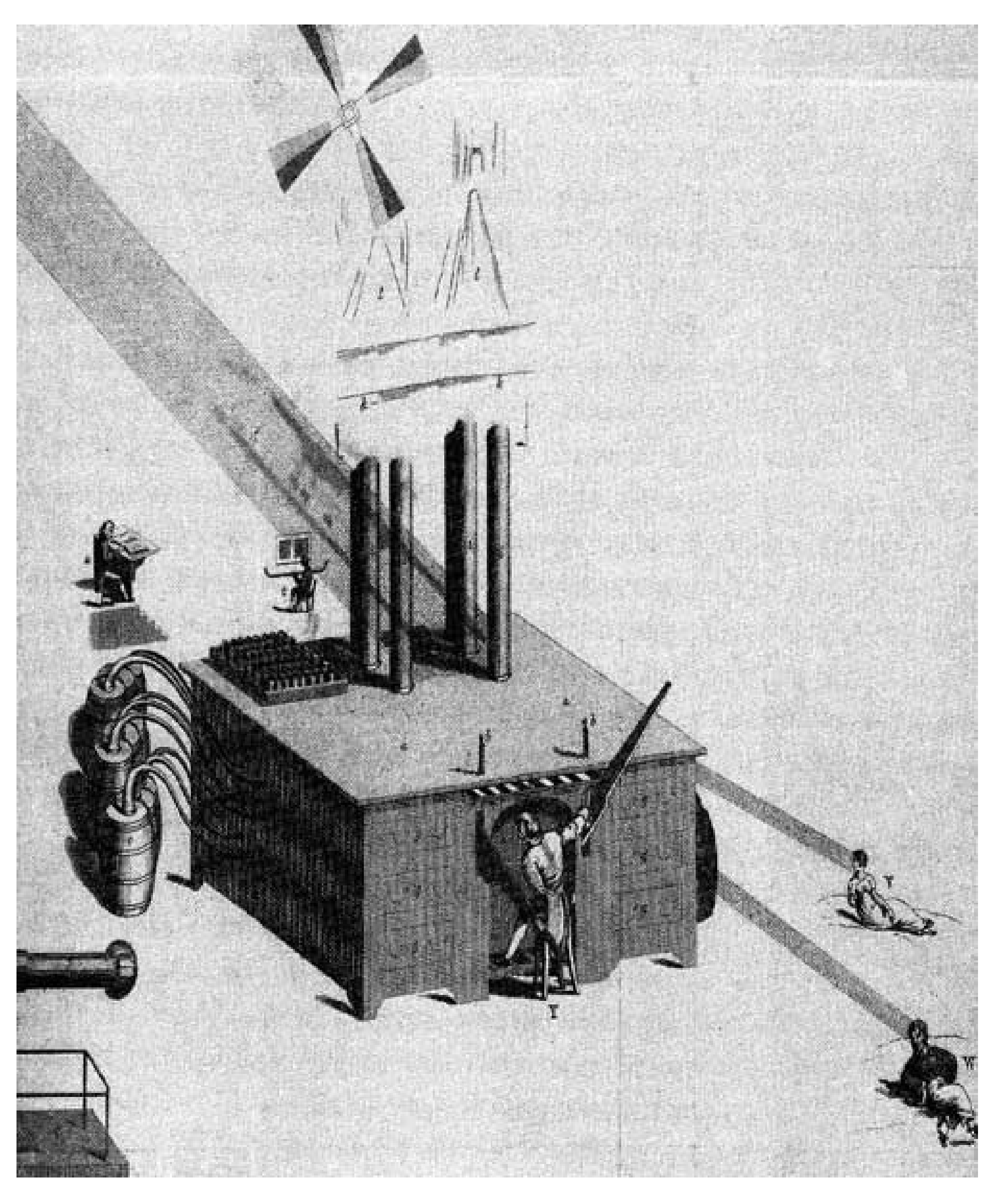
Если первое Событие затрагивает отношения Франции и Великобритании, то второе – России. Мэтьюз в этом деле – «талисман Бонапарта», и ответственность за Россию лежит на нем. В какой-то момент убийцы сообщили: «Вот – жертва». Через несколько дней Мэтьюз понял, о

ком речь – о русском графе Палене, том самом графе Петре Алексеевиче Палене, одном из приближенных императора Павла I, возглавившем заговор цареубийц.

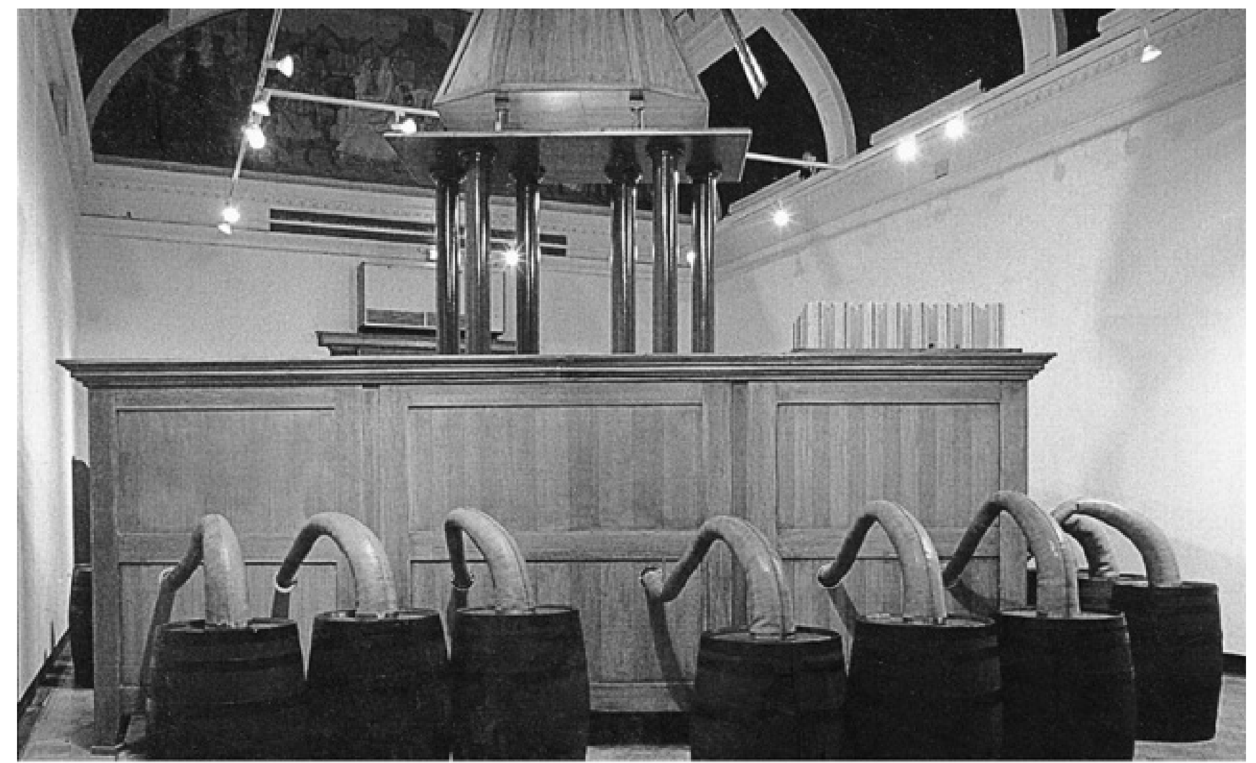

Машина влияния. Рисунок Джеймса Тилли Мэтьюза

Air Loom Table Top

Машина влияния. Рисунок Джеймса Тилли Мэтьюза

Машина влияния Джеймса Тилли Мэтьюза. Реконструкция. Инсталляция Рода Дикинсона, 2002.

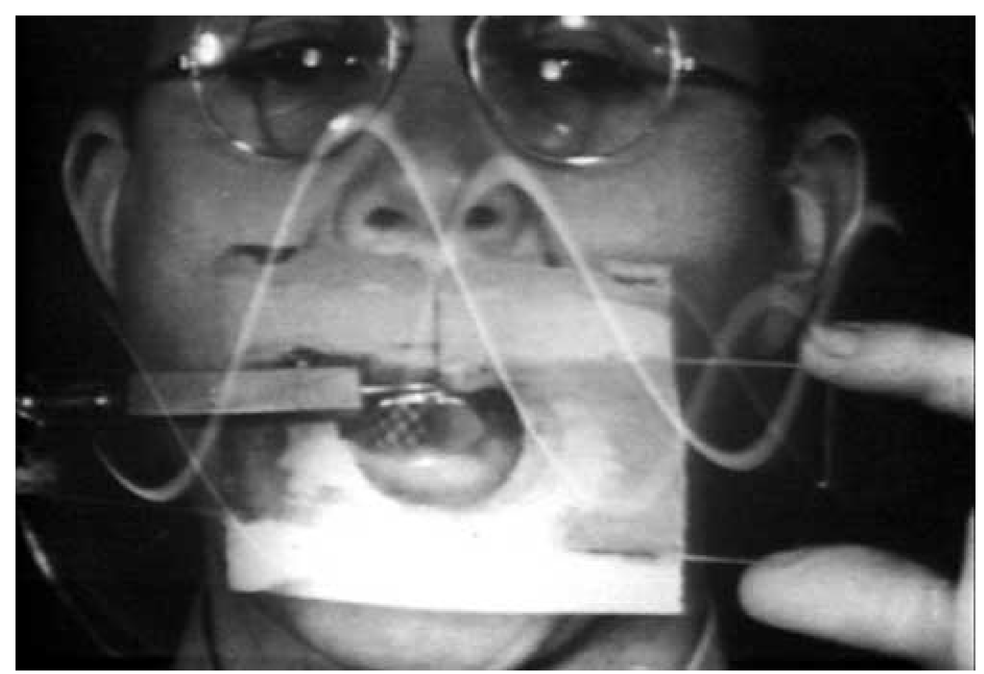
Машина влияния Наталии А. Фрагмент видеоинсталляции Зуи Белофф, 2001

Машина влияния Наталии А. Фрагмент видеоинсталляции Зуи Белофф, 2001

Машина влияния Наталии А. Фрагмент видеоинсталляции Зуи Белофф, 2001

Машина влияния Наталии А. Фрагмент видеоинсталляции Зуи Белофф, 2001

Часть IV
Машина влияния Наталии А. – В. Тауска

22. Ценность сингулярного Случая позволяет Тауску уклониться от психиатрической стены к психоаналитическому окну, в котором он видит механизмы машины влияния, представляющие механику душевной жизни

6 января и 30 января 1918 года на заседаниях Венского психоаналитического общества с докладом, посвященным *машине влияния*, выступает Виктор Тауск. В 1919 году он публикует статью, которая называется «О возникновении „аппарата влияния“ при шизофрении». Именно эта статья станет его самым значительным вкладом в психоанализ. Электрическая машина влияния навеки связана с именем Виктора Тауска.

В своей статье Тауск анализирует уникальный случай воображаемой машины, под влиянием которой находилась пациентка по имени Наталия А., девица тридцати одного года, бывшая студентка философского факультета. Случай Наталии А. был, конечно, уникальным, однако сама идея машины влияния, как мы знаем, – отнюдь. Понимает это и Тауск, который в самом начале своего текста сообщает, что машина, о которой пойдет речь, – «один вариант, очень редкий вариант типичного аппарата воздействия *(Beeinflussungsapparat)*[133].

У редкого варианта типичного аппарата встречаются два Тауска, психиатр и психоаналитик. Психиатр Тауск знает, что наука требует «больше казуистического материала»[134], больше казусов, случаев. Психиатр Тауск знает: психиатрия «не ценит значения отдельных симптомов для представления о механике душевной жизни»[135]. Ему хорошо известно и то, что наука психиатрия «не рассматривает происхождение и цель симптома, т. к. она, не намереваясь пользоваться психоаналитическими методами исследования, даже не находит повода поставить эту проблему»[136]. Тауск если и движется к универсальному, то через собрание казуистического, через сингулярность черт. Он уверен: «принципиально допустимо на основе отличающихся типов, вариантов сделать выводы о конструкции общего типа»[137], но предпочитает со средоточиться на одной машине влияния. Психоаналитик Виктор Тауск отстаивает возможность и даже необходимость рассмотрения отдельно взятого случая, что, как ему хорошо известно, в психиатрии делать не

принято, поскольку на основании одного примера невозможно прийти ни к каким обобщающим выводам. Психоаналитик настаивает на ценности сингулярного отклонения:

> Соразмерность типичных случаев может производить эффект «стены», которая останавливает любой взор, в то время как отклонение от типа становится подобно окну в стене, через которое можно ознакомиться с закрытым механизмом[138].

Типичное стеной скрывает единичное, скрадывает систему различий и, что главное в данном случае, устройство машины Наталии А. Если в стене нет окон, то приходится пробивать стены: «Нам нужны поврежденные здания, через потрескавшиеся стены которых можно бы смотреть, чтобы, по крайней мере, уловить начало мышления»[139]. У истоков мышления обнаруживается машина влияния, даже если ее дискурсивная конструкция и носит паранаучный характер.

23. Электричество преследует даже тогда, когда нет ни линий электропередач, ни электроаппарата

Наталия А. обратилась к Виктору Тауску с жалобами на то, что ее мыслями и чувствами манипулирует банда врачей. Как она сообщила, для своих манипуляций врачи-бандиты применяют специальный *электрический аппарат*—машину влияния. Внутренние органы машины – электрические батареи, имеющие форму внутренних органов человека и несущие либидо-заряды. Так мы сталкиваемся с той мыслью, что «электрические информационные системы суть живые окружающие среды в органическом смысле»[140]. Эта мысль дополняется еще одной, согласно которой

> нервная система отнюдь не выбирает «информацию» из окружающей среды вопреки часто встречающемуся утверждению. Наоборот, нервная система создает мир, указывая, какие паттерны окружающей среды могут считаться возмущениями и какие изменения возбуждают их в организме. Широко известная метафора, называющая мозг «устройством, занимающимся обработкой информации», не только сомнительна, но и заведомо неверна[141].

Тауск, главным образом, говорит об *аппарате* влияния, но иногда и о *машине*. Основанием для этого служит следующая мысль: «данный аппарат всегда представляет собой машину, сложную машину» *(Der Apparat ist… immer eine Maschine)*[142]. Аппарат – всегда сложная машина. Машина пребывает в движении[143].

Несмотря на то, что эта машина, по словам Наталии А., противозаконна, врачи продолжают ей пользоваться, причем, что принципиально важно, с большого расстояния. Машина влияния относится к телетехнологиям, она – дистанционное оружие. Связь между машиной и человеком, на которой оказывается воздействие, устанавливается через подведенные к кровати *невидимые провода*. Банда врачей управляет ее мыслями и чувствами откуда-то из Берлина. Кстати, немаловажно то, что, по словам Наталии А., электрический аппарат выпускается в Берлине, иначе говоря, он производится серийно, находится в промышленном

производстве, несмотря на запрет полиции.

Наталия А., кстати, утверждает, что она – не единственная, на кого направлено действие этой, как она выражается, *дьявольской машины.*

Мы помним, что подобную мысль подчеркивал и Джеймс Тилли Мэтьюз. Только в его случае машины влияния были плотно вписаны в исторический контекст, в то время как Наталия А. сообщает, что под воздействие машины подпали подруги, мать, врачи – в общем, узкий круг родных и близких, к тому же всех тех, кто к ней добр. Понятно, что под влиянием машины оказывается и Тауск. Машина переноса умножает машины влияния. Однако влияние влиянию – рознь. Когда Тауск приходит к Наталии А. в третий раз, она замыкается, отказывается с ним общаться, поскольку психоаналитик подпал под влияние дьявольской машины и превратился из доброжелательного друга в хитрого врага. Электрическая машина меняет знак переноса с «+» на «—».

Между тем Тауску довелось наблюдать в другом случае шизофрении действие электрического тока без машины влияния и без проводов. Бывает и так: электричество есть, а электроаппарата нет. Тауск упоминает случай некоего Йозефа Х., который сам по себе был генератором тока. Этот пациент был горд тем, что электрический ток – его сила *(seine Kraft).* Йозеф Х., по сути дела, был электростанцией *(Kraftwerk).* Он был творцом тока и сам служил линиями электропередач. Новая эпоха – новый дьявол, новая сила воздействия. На смену газам и парам машины Джеймса Тилли Мэтьюза пришло электричество – к лучшему и к худшему. Электричество преследует. Электроприборы, электроаппараты не без призраков. Они готовы воздействовать. Нервная система расширяется:

> С появлением электрической технологии человек расширил, или вынес за пределы себя, живую модель центральной нервной системы. В той степени, в какой это действительно произошло, данное событие предполагает отчаянную и самоубийственную самоампутацию, словно центральная нервная система не могла больше полагаться на физические органы как защитительный буфер, оберегающий ее от камней и стрел разбушевавшегося механизма. Вполне возможно, что последовательная механизация различных физических органов, происходившая со времен развития печати, сделала социальный опыт слишком агрессивным и чрезмерно раздражающим для того, чтобы центральная нервная система могла его вынести[144].

Кстати, «именно в области нервной проводимости впервые был испытан электрический ток, когда еще никто не подозревал о его значении»[145]. В статье «О галлюцинации» 1957 года Уилфред Рупрехт Бион делает еще одно важное для нас замечание в ответ на слова пациента о том, что соседское радио мешает ему спать: «Я знал, что сильное чувство преследования у него ассоциировалось со всеми электрическими приборами. Я сказал, что его, как ему кажется, атакует электричество, похожее на жизнь и секс, что он извлек из тех двух объектов»[146]. Электричество может нападать и убивать. Оно может наделять жизнью, любить. Невидимые линии передач связывают жизнь, любовь, перенос.

24. Виктор Тауск попадает в машину переноса, из которой находит один выход с двойной страховкой

Виктор Тауск родился в 1879 году в Словакии. Получил юридическое образование в Венском университете, какое-то время без особых успехов работал юристом в Сараево, вернулся в Вену, затем уехал в Берлин, где стал журналистом. Из Берлина опять отправился в Вену.

Тауск увлекался литературой и в 1907 году опубликовал диалог со Спинозой. В том же году познакомился с работами Фрейда, написал ему письмо, в котором выказал желание изучать психоанализ. Фрейд пригласил его приехать в Вену. В 1908 году Тауск оказался в кругу венских психоаналитиков. Благодаря их помощи, в том числе и финансовой, он приступил не только к изучению психоанализа, но и медицины. В 1913 году после окончания медицинского факультета Венского университета стал доктором медицины. Во время Первой мировой войны работал психиатром в Любляне.

Самым близким Тауску человеком из окружения Фрейда была Лу Андреас-Саломе. Тауск был ей как брат, точнее «братец-зверь»[147], ведущий отчаянную борьбу с самим собой, настоящую человеческую борьбу. «Дневник» Саломе, кстати, – один из главных источников, из которого историки черпают свои знания о Викторе Тауске. Помимо прочего, у Тауска и Саломе был общий теоретический интерес – нарциссизм. Происхождение машины влияния для Тауска связано с движением к нарциссизму: машина – проекция воображаемого тела, гениталий, нарциссического тела. Машина атакует из зеркала. Зеркало – всегда уже аппарат преследования.

И Саломе, и Тауск – ученики Фрейда, но отношения с учителем у них совсем разные. Саломе считала, что проблема Тауска заключается в том, что он слишком сильно привязан к Фрейду, буквально по пятам за ним следует, если не сказать преследует, копируя его во всем, будто двойник. Без зеркальной машины влияния здесь дело не обошлось. О Фрейде Тауск всегда говорил с необычайной страстью. Саломе называла Тауска «самым безоговорочно преданным Фрейду и самым выдающимся»[148] из его последователей. Тауск буквально отождествляется со своим идеалом, и это неудивительно. Желание стать психоаналитиком подталкивает его к бесконечным идентификациям с телом и духом учителя. Здесь не было бы

проблемы, если бы это не означало также, что он изо всех сил пытался занять место сына Фрейда. Причем он делал это настолько одержимо, что пробуждалась та самая лютая ненависть к собственному отцу-тирану за попытки сделать из него своего сына[149]. И там, и там между отцом и сыном амбивалентные отношения.

После окончания Первой мировой войны Тауск вернулся с сербского фронта в Вену. Экономический кризис, но в первую очередь кризис любовный – его многочисленные сердечные отношения, как правило, заканчивались бурными скандалами – утвердили его в желании пройти анализ у Фрейда. Фрейд отказался наотрез. Тауск производил на него по-настоящему жуткое впечатление. Фрейд остро чувствовал опасность, исходящую от двойника. В январе 1919 года он предложил Тауску пройти анализ у Хелен Дойч, которая в то время сама находилась у него в анализе. Дойч очаровалась Тауском до такой степени, что Фрейд тотчас ощутил, как влияние Тауска продолжается теперь уже через Дойч. Влияние опосредованное, на расстоянии, дурное влияние. На психоаналитических сеансах Тауск то и дело обрушивал через Дойч всю свою ярость на Фрейда. Линии передач работали исправно.

Перенос действовал подобно психотелеграфии, переадресовывающей послание. В марте 1919 года обстановка для Фрейда накалилась до предела, и он поставил Дойч перед выбором: либо она остается в анализе с ним и прекращает анализ Тауска, либо продолжает работать с Тауском, но уходит от него. Дойч предпочла анализанту аналитика, и через три месяца ее работа с Тауском была прекращена. Так историю излагает Пол Роазен, для которого она приобретает оттенок явного паранойяльного заговора в структуре переноса. Другие историки не поддерживают паранойю. Курт Эйсслер считает, что Виктор Тауск в первую очередь пал жертвой Виктора Тауска. По версии Элизабет Рудинеско, Фрейд посоветовал Дойч прекратить анализ по той причине, что Тауск собрался в тот момент жениться на одной из своих пациенток, юной пианистке, которая от него забеременела[150].

По тем или иным причинам, а их явно было немало, да и относились они к разным эпизодам его жизни, три месяца спустя, после прерванного анализа, 3 июля 1919 года Тауск покончил с собой. Сделал он это уверенно и с гарантией, с двойной страховкой: вбил в стену гвоздь, привязал к нему веревку, изготовил петлю, всунул в нее голову, затем выстрелил из браунинга в правый висок, упал, петля затянулась.

Однако перенос продолжал работать. Тауск на связи с Фрейдом и

после смерти. Символическая смерть еще не наступила. Он адресует мэтру посмертную записку: «У меня нет меланхолии. Мое самоубийство – самое здоровое, самое достойное деяние моей неудавшейся жизни». Комментарий к образцово совершенному действию, *passage à l'acte*, вполне в духе Лакана.

Фрейд отвечает официальным некрологом и отправляет письмо Лу Саломе, в котором откровенно говорит, что не испытывает особой тоски, поскольку уверен: от Тауска исходила угроза. Фрейд не стал лицемерить, он почувствовал освобождение[151]. Двойник исчез. Двойник небезопасный, тот, что вел извечную борьбу с призраком отца, своего идеал-демона. Так Тауск физически избавился от себя и от Фрейда, а Фрейд – от Тауска.

25. Темная машина

Прежде чем перейти к описанию аппарата Наталии А., Тауск сообщает, что шизофреническая машина влияния вообще с трудом поддается описанию. Пациенты пользуются имеющимися у них техническими данными, но их, как правило, не хватает: «всех изобретений, придуманных человеком, недостаточно, чтобы объяснить странные достижения этой машины, заставляющей больных чувствовать себя преследуемыми»[152]. При описании всегда остается нечто непонятное, необъяснимый остаток, темное мистическое свойство.

Тауск и в дальнейшем повторяет, что устройство этой машины трудно себе представить, что она имеет «абсолютно темную конструкцию»[153], что в целом эта конструкция непредставима *(nicht vorstellbar)*, то есть, как сказал бы Лакан, об аппарате не составить никакого представления, и потому он то и дело возвращается из *реального*[154]. Устройство аппарата влияния зависит от аппарата наслаждения и от дискурсивной конструкции, в данном случае – от научно-технических и мистических представлений эпохи. Притом что «прикосновение к реальности обеспечивается аппаратами наслаждения»[155], именно это обеспечение не позволяет аппарату влияния выписываться в дискурсивной конструкции, встраиваться в реальность представлений *(Vorstellungen)*. Аппараты наслаждения *(les appareils de la joussance)* обеспечиваются дискурсивными аппаратами. Наслаждение «проходит у говорящего существа через речевой аппарат», поскольку «другого аппарата, кроме языка, у нас нет»[156].

Притом что представить устройство аппарата весьма сложно, зависит оно от той самой дискурсивной конструкции, в которой оно не выписывается. Если устройство машины не поддается описанию, то эффекты, производимые ей, Тауск со слов Наталии А. перечисляет достаточно подробно. Он приводит пять линий влияния, оказываемого электроаппаратом.

26. Эффекты, производимые машиной влияния, оставляют следы в душе и на теле

Во-первых, машина влияния заставляет смотреть картины. Она «является laterna magica или кинематографом»[157]. Именно с этого начинается описание воздействий аппарата. Laterna magica, буквально «волшебный фонарь», напомним, являет собой распространенную в XVII–XIX веках в Европе проекционную машину, использовавшуюся главным образом для демонстрации фантасмагорий. Волшебные фонари и в техническом, и в идеологическом отношении как искусство публичного показа призраков предшествуют кинематографу. В случае Наталии А. речь идет скорее именно о кинематографе, чем о *laterna magica*. Проекция волшебного фонаря осуществлялась на дым, нагнетаемый в пространство, где находилась публика. В случае аппарата влияния проекция «показывается в плоскости, на стенах и оконных стеклах», изображения при этом «не трехмеры, как типичные визуальные галлюцинации»[158], не трехмерны как проекции волшебного фонаря; галлюцинации аппарата влияния следуют распространению электронных медиа, в частности кинематографа. Аппарат влияния излучает призраки новой техники. Призрачная психическая реальность субъекта легко уподобляется призрачной реальности кинематографа, а *аппарат кино*[159]—*аппарату психическому*. Условием возможности этого уподобления является технологический характер психического аппарата, который всегда уже оказывается *психотехноаппаратом*. «Субъект – это аппарат»[160], и аппарат буквально подразумевает *снаряжение, оборудование.*

Во-вторых, машина влияния «создает и отнимает мысли и чувства». Понятно, по крайней мере, – чтобы отнять, нужно дать, чтобы мысли и чувства были, их нужно создать. Акт творения и уничтожения осуществляется «посредством волн, лучей или тайных сил»[161]. По этой причине эту машину нередко называют «аппаратом внушения» *(Suggestionsapparat).* Аппарат этот применяется преследователями и для внушения, и для «переноса *(Übertragung)* или отнятия мыслей и чувств»[162]. Аппарат влияния – научномистический; внушение и перенос осуществляются волнами, лучами и тайными силами – элементами господского дискурса.

В-третьих, влияние машины не ограничивается мыслями и чувствами.

Оно затрагивает телесную моторику, в частности, машина провоцирует эрекции и поллюции. Тауск ограничивается в этом пункте двумя примерами сексуальных феноменов. Такого рода эффекты возникают в результате либо *внушения,* либо посредством *воздушных потоков, электричества, магнетизма, рентгеновских лучей.* И вновь мы сталкиваемся с дискурсивными несущими аппарата влияния, научными и мистическими! Как и в машине влияния Джеймса Тилли Мэтьюза, мы имеем дело с пневматикой, электричеством, магнетизмом и, в отличие от нее, – с лучами рентгеновского аппарата.

В-четвертых, ощущения, производимые машиной, с трудом поддаются описанию по той причине, что ощущения эти чужды для самого пациента. Отчасти они описываются как внешние электрические, магнитные, воздушные потоки.

В-пятых, машина влияния может порождать кожные заболевания типа сыпи или фурункулов. Машина портит тело, повреждает телесную поверхность, разрушает оболочку. Как будто процесс экстериоризации тела не проходит для поверхности безболезненно.

Конструкция аппарата влияния обусловлена мыслью о преследовании. Так считает Тауск. Вначале мысль – затем обслуживающий ее мыслительный аппарат. Мыслительный аппарат нужен для того, как говорит У Р. Бион, чтобы совладать с мыслью. Такова причинность аппаратостроения.

27. Имманентная причинность ведет к преследованию

Зачем нужна эта машина влияния? Понятно, чтобы влиять, контролировать, преследовать. Преследуют, конечно же, враги. Например, таким врагом может стать лечащий врач. Врач – враг, и это хорошо известно по машине переноса Даниэля Пауля Шребера – Пауля Флексига. Интересно, что преследователи во всех известных Тауску случаях – мужского пола. Тауск – один из преследователей, так как он «тоже подвержен воздействию этого аппарата»[163]. Машина влияния Наталии А. – ее экстериоризация, но обслуживают ее мужчины. Так, гендерное распределение как эффект эдипализации сохраняется, несмотря на то, что машина – шизоаналитическая, несмотря на то, что ее проекция – паранойяльно-нарциссическая.

Врачи могут преследовать больную, пользуясь прикрепленными к кровати невидимыми проводами. Как только она оказывается на кровати, тут-то и начинается влияние. Хоть не ложись! И хотя *преследование возможно и без машины*, о чем свидетельствует ряд пациентов, всё же именно машина позволяет лучше почувствовать воздействие *чужой силы, чужой воли*. Действие машины вводит причинность. Машина не заводится без причины.

Создание машины влияния коренится «в имманентной человеку потребности в каузальности» *(immanenten Kausalitätsbedürfnis)*[164]. Как отмечал Фрейд, человеку лучше какая угодно причина, чем никакой, лучше хоть какое-нибудь объяснение мира, события, состояния, чем никакого. Именно жесткая причинность и позволяет говорить о паранойе. Возможно, паранойю можно понять, помимо прочего, и как явление Причины, восполняющей причинностью нехватку в Другом.

В одном случае преследование осуществляется с помощью машины, в другом – без, но помимо влияния остается еще одна общая черта. Практически все пациенты сообщают Тауску о том, что переживают внутренние *перемены*, как психические, так и физические. Эти перемены в первую очередь затрагивают чувства и ощущения.

28. От изменения к отчуждению, от отчуждения – к аппарату

Все начинается с чувства перемен *(Veränderungsgefühl)*. Изменения могут доходить до того предела, за которым переживающий их субъект перестает себя узнавать. Пациенты тогда говорят о чувстве отчуждения *(das Gefühl der Entfremdung)* от самих себя[165]. Они становятся себе чужими. *Я* переменно, переменчиво, как говорил Фрейд. Вот оно и ощущает, чувствует иначе, воспринимает по-другому самое себя. И в этом случае также возникает чувство преследования.

Без отчуждения аппарат влияния не возникает. Отчуждение – непреложный шаг на пути конституирования аппарата, оно же предписывает фигуру преследователя. За образец возникновения преследующего врага Тауск берет теорию проекции гомосексуального либидо при паранойе Фрейда. Это либидо, совершив нарциссическую петлю, возвращается в виде агрессии:

> Чужие становятся врагами *(aus Fremden werden Feinde)*. *Враждебность* – новая, более мощная попытка самозащиты против отклоненного бессознательного либидо[166].

Прежде чем явится аппарат влияния, прежде чем появится преследователь, возникает чувство отчуждения от себя. Человек перестает узнавать себя – свое лицо, свои конечности, выражение своего лица, свои чувства. Все свое перестает быть своим, будто когда-то присвоенное должно быть возвращено, рассвоено. Возвращено аппарату. Рассвоено аппаратом. При шизофрении отчужденный орган – а в случае Наталии А. все тело – оказывается отчужденным другим, вынесенным во вне врагом, принявшим облик аппарата влияния и причиняющим страдания. Орган врага, тело аппарата нагружены, по выражению Тауска, нарциссическим органическим либидо. Рассвоение – расстройство органов нарциссизма. Проблема не столько в самом нарциссизме, сколько в его расстройстве, в его неупорядоченности символическим регистром.

Отчуждение со стороны воображаемого регистра отмечено работой идентификации, которая предполагает снятие дистанции между собой и другим: я = другой, я = объект. Выбор себя произведен по образу и подобию другого. Отчуждение заключается в том, что моё *я* вне себя, оно

вновь найдено как объект. Говоря о том, что идентификация предшествует выбору объекта, Тауск подчеркивает:

> недостаточная объектная позиция больных, их неспособность похлопотать об овладении объектами удовлетворения или о достижении цели удовлетворения во многих случаях основывается на том, что больные идентифицируют себя со своими объектами. Они просто сами являются тем, что им нравится во внешнем мире, и поэтому они не нашли путь во внешний мир, позицию объекта…[167].

Итак, нарциссизм – отнюдь не замкнутость на себе. Уж скорее это присвоение мира. Так, мы понимаем, что вполне можно встретить на улице идущего навстречу себе себя, и, более того, можно преобразовать образ себя в техническую конструкцию машины влияния.

Отчуждение и преследование – не только симптомы и причины возникновения аппарата влияния, но для Тауска – и последовательность его формирования. Аппарат влияния – последнее звено цепи событий. Последовательность такова: сперва появляются изменения самоощущений, а затем – отчуждение от себя. После этого начинается преследование и возникает фигура преследователя. И наконец, конструкция завершается явлением аппарата влияния.

Впрочем, как подчеркивает Тауск, далеко не всегда удается проследить последовательно все этапы строительства машины. Возможно, какие-то фазы у того или иного пациента отсутствуют. Возможно, больничное время не позволяет усмотреть весь процесс вызревания и становления аппарата. Радикально говоря, нет никакого аппарата, есть его становление в сингулярной форме. Есть *не-все (pas-tout)* аппарата влияния.

29. Язык органов, или вывихнутые глаза Эммы А., подставленной и переставленной

Чтобы прояснить перемены в самоощущении и преследование другим, Тауск обращается к другому примеру, особому случаю *paranoia somatica*, – случаю фрейлейн Эммы А. Чувства внутренних перемен у нее сопровождаются осознанием влияния на нее ее возлюбленного, с которым она идентифицируется. Вполне можно сказать, что она подпала под влияние самого влияния в идентификации с преследователем. В выборе объекта, как напоминает Тауск, механизм идентификации предшествует проекции. Случай Эммы А. оказывается поразительным именно в этой путанице, которой нет при проекции, когда имеется некий другой. Здесь мы сталкиваемся с явным смешением в идентификации себя и возлюбленного. Идентификация в данном случае —

> это попытка спроецировать чувства изменений во внешний мир, она представляет мост между чувствами изменения личности, не имеющими постороннего виновника, но воспринимаемыми как чуждые, и приписыванием этих изменений власти находящейся во внешнем мире персоны и является соединительным элементом между самоотчуждением и бредом влияния…[168].

Тауск указывает, что к случаю Эммы А. под другим углом зрения обращается Фрейд, который пишет об этой пациентке в VII главе своей фундаментальной статьи «Бессознательное». Тауск предоставил в распоряжение Фрейда свои наблюдения начинающейся шизофрении, «которые отличаются тем преимуществом, что больная пока еще сама желала дать объяснение своим речам»[169]. Эмма А. попала в клинику после ссоры со своим возлюбленным. Фрейд обращает внимание на два ее сообщения.

Первое сообщение. *«Глаза неправильные, они закатаны.* Она сама это объясняет, в связной речи выдвигая ряд упреков в адрес возлюбленного. Она совсем не может понять его, он каждый раз выглядит по-другому, он лицемер, закатывает глаза, он закатил ей глаза, теперь у нее закатившиеся глаза, это уже не ее глаза, она теперь смотрит на мир другими глазами»[170].

Прежде чем мы разберем это влияние с точки зрения языка, процитируем предельно важное соображение Фрейда:

> Соглашаясь с Тауском, я подчеркиваю в этом примере то, что отношение к органу (глазу) выступило как замена всего содержания [ее мыслей]. Шизофреническая речь имеет здесь ипохондрическую черту, она стала языком *органа (Organsprache)* [171].

Именно в связи со случаем Эммы А., случаем Тауска Фрейд вводит принципиальное понятие *языка органов,* органического основания языка, того самого языка, который Шребер называл основным, *Grundsprache.* С другой стороны, язык отсылает, даже если и основной, лишь к самому себе – в терминах Лакана означающее всегда уже отсылает к другому означающему – к своей идиоматике, к своему собственному рассеиванию *(dissémination).* Только исходя из ассоциативных и идиоматических особенностей языка, в данном случае немецкого, и можно что-то понять в случае Эммы А.

Глаза говорят, что тот, кто их закатывает, – лицемер, обманщик. Лицемер – тот, кто меняет лицо. Он закатывает глаза себе, закатывает их Эмме А.; впрочем, они сами у нее от него закатываются. То, что Эмма А. закатывает *(verdreht)* глаза, можно перевести куда менее благозвучно, но, возможно, более точно, как то, что она их вывихивает, переиначивает. Тот, кто закатывает глаза *(Verdreher),* в переносном смысле – обманщик, фальсификатор, путаник.

Эмма А. сама соотносит слова о том, что *ее* глаза стоят неправильно *(die Augen sind nicht richtig sie sind verdreht)* с тем, что он – очковтиратель, который отводит глаза *(ein Augen verdreher)* в сторону. В результате игры глаз Эмма А. вынуждена смотреть на свет глазами другого.

Второе сообщение. «Она стоит в церкви, вдруг ее толкают, она *должна встать по-другому, как будто ее кто-то поставил, будто ее поставили.* Она как будто спрягает глагол *stellen* («ставить, устанавливать, представлять»), говоря *sie muss sich anderes stellen, als stellte sie jemand, als würde sie gestellt:* stellen – stellte – gestellt. Грамматика предоставляет Эмме А. место в церкви, ставит *ее* на место и переставляет. Ее место предписано грамматикой отношений с другим. Есть ли у нее место? С эти вопросом соотносится еще один: а есть ли она? Или иначе, она ли та, что есть, не подменили ли ее? Это зависит от другого, от ее возлюбленного,

> который вульгарен, который сделал ее, такую утонченную с малолетства, тоже вульгарной. Он сделал ее похожей на себя, заставив ее поверить, что превосходит ее; теперь она стала такой же, как он, потому что думала, что станет лучше, если будет похожа на него. Он *притворялся (sich* verstellt), теперь она такая же, как и он (идентификация!), он ее *подменил (er hat sie* verstellt) [172].

Так выстраивается следующий глагольный ряд: поставить *(stellen),* притворяться *(sich verstellen),* подменить *(verstellen).* Другой, возлюбленный, притворяется *(sich verstellt)* – ее как подменили (sie *verstellt).* Ее поставили – ее подставили. Идентификация с другим, что логично, изменила самоощущение Эммы А. Она перестала себя узнавать. Еще раз: ее будто подменили.

Фрейд задается вопросом, что было бы, если бы Эмма была истеричкой, а не шизофреничкой, и отвечает:

> Движение «встать по-другому», – это изображение слова «подменить» *(verstellen)* и идентификации с возлюбленным. Я снова подчеркиваю превалирование того элемента из всего хода мыслей, который имеет своим содержанием телесную иннервацию (точнее, ее ощущение). Впрочем, в первом случае истеричка судорожно закатила бы глаза, во втором – действительно произвела бы толчок, вместо того чтобы почувствовать импульс к этому или ощущение этого, и в обоих случаях у нее не было бы сознательной мысли об этом и впоследствии она была бы не в состоянии эту мысль выразить[173].

Шизофреничка оказывается, в отличие от истерички, целиком и полностью погруженной в символическую матрицу, без ее соотнесения с внешним миром, миром вещей. Граница между внешним и внутренним снимается. Символическое совпадает с реальным, совершает совместное с ним падение, в результате которого слово оказывается вещью. Фрейд, выслушав Тауска, подводит итог:

> В общем и целом эти два наблюдения свидетельствуют в пользу того, что мы назвали ипохондрическим языком или языком органов. Но они напоминают также – и это кажется нам

> более важным – о другом положении вещей, которое можно подтвердить бесконечным числом примеров <…> и свести к определенной формуле. При шизофрении слова подвергаются тому же процессу, который из скрытых мыслей сновидения делает образы сновидения и который был назван нами первичным психическим процессом[174].

Возлюбленный Эммы А. был злым обманщиком, который вывихнул ее глаза в орбитах черепной коробки так, что теперь она не может толком смотреть. Однажды в церкви она почувствовала толчок, будто ее переместили. Это было связано с тем, что ее возлюбленный скрылся, оказался в другом месте, переместился *(sich verstellt*– буквально переместился, точнее переставился). Вот какой случай влияния через идентификацию с преследователем! Идентификация – это явная попытка спроецировать чувства изменения во внешний мир. Здесь имеет место мостик между чувствами внутренних перемен без внешней причины и приписывание этих перемен силе внешнего лица, своего рода опосредующая позиция между чувством самоотчуждения и бредом влияния.

30. От демонов Штауденмайера к схеме Тауска

После Эммы А. Тауск упоминает некоего Штауденмайера, который ощущал малейшие движения, происходящие в своем кишечно-желудочном тракте, и приписывал их действиям обитающих там демонов. После этих примеров появляется то, что Тауск называет *схемой* из семи пунктов:

1. Все начинается с ощущения разных происходящих в себе и вокруг *изменений*, за которыми следует чувство *отчуждения*. Во многих случаях перемены возникают до периода полового созревания, но на поверхность выходят именно в этот период.
2. К чувству внутренних перемен, необычным ощущениям добавляется представление о *зачинщике перемен*. Иногда это сам пациент, как в случае Йозефа Х.
3. В других случаях зачинщик – не сам пациент, но обитает в пациенте (случай Штауденмайера).
4. Чувство изменения сопровождается галлюцинаторной проекцией внутренних процессов во внешний мир без представлений о зачинщике. Поначалу чувства отчуждения нет, но затем оно появляется.
5. Чувство изменения сопровождается указанием на внешнего зачинщика путем идентификации (случай Эммы А.).
6. Чувство изменения сопровождается проекцией внутренних процессов во внешний мир и указанием на зачинщика, согласно паранойяльной механике *(nach der paranoischen Mechanik):* пациенту показывают разные картины, на него воздействуют внушением, гипнозом, электричеством, в результате чего в голове возникают те или иные мысли, производятся те или иные движения, а также угасает потенция, вызывается эрекция и семяизвержение.

Чувства изменений приписываются воздействию аппарата влияния, которым управляют враги. Поначалу пациенту неизвестно, кто именно его враги, но затем они, во-первых, начинают распознаваться, а во-вторых, расширяется их круг. Расширение круга связано с развитием паранойяльного представления о заговоре *(paranoische Komplott).* По мере распознавания врагов пациент лучше узнает устройство машины.

Позже, в конце V главы своего исследования, Тауск еще раз подводит итог и говорит на сей раз о необходимом различении трех основных стадий

построения аппарата воздействия:

1. *Чувство изменения*, вызванное застоем либидо в органе (ипохондрия).

2. *Чувство отчуждения*, вызываемое отклонением, по воле *я* выпавшим на долю нездорового органа, при этом болезненно измененный орган или его функция бракуется я, как бы отрицается как не принадлежащий к признанной *я* связности оставшихся абсолютно или относительно здоровыми органов и функций;

3. *Чувство преследования (paranoia somatica)*, возникающее путем проекции болезненного изменения во внешний мир, а именно (а) посредством приписывания вины в этом изменении чуждой враждебной силе, или (б) путем конструирования аппарата влияния как сведения воедино проецированных наружу всех болезненно измененных органов (всего тела) или лишь некоторых из них. Среди этих органов предпочтительное место могут занимать гениталии как повод для привлечения проективной техники[175].

О гениталиях и проективной технике разговор впереди, а теперь вернемся к началу рассмотрения случая Наталии А. Прежде чем продолжать разговор о машине влияния, стоит сказать о машине письма.

31. Машина письма Наталии А

Случай Наталии А. Тауск начинает разбирать в середине второго раздела своей статьи. Описав действие аппаратов влияния в общем, он переходит к частному случаю. Первое, что он сообщает об этой пациентке, – её глухота и немота. Точнее, о немоте он не говорит ничего, упоминая лишь то, что в течение долгих лет Наталия А. совершенно глуха и тут же добавляет, что общается она исключительно посредством письма, буквально «объясняется только письменно» *(verständigt sich nur schriftlich)* [176]. Итак, Тауск имел дело не с речью, а с письмом пациентки.

Кстати, с аппаратом влияния она познакомилась благодаря *слуховым* галлюцинациям. Глухота к внешнему миру, закрытость к нему всегда открытых ушей отнюдь не означает отсутствия внутренних голосов. Голоса не заставить замолчать. Они слышны всегда. Им до лампочки, кто здесь глухой, а кто нет.

Письмо в любом случае предполагает дистанцию, даже если оно адресовано себе. Письмо – в экстериоризации, оно – всегда уже средство, действующее вовне на расстоянии, словом, телемедиа. Записанное слово пересекает пространство и время. Между Виктором Т. и Наталией А. особенная дистанция.

Между ними не привычный анализ в смысле организации речевого интерсубъективного пространства, а отношения, которые буквально выписываются и не перестают не выписываться.

32. Психомашина Фрейда работает автоматически

Здесь самое время вспомнить о том, что психический аппарат есть не что иное, как *аппарат письма*. Именно так его описывает Фрейд от «Наброска психологии» до «Заметки о волшебном блокноте». В «Толковании сновидений» метафорой психики служит иероглифическая письменность. В «Заметке о волшебном блокноте» – детская игрушка «волшебный блокнот памяти». Психическая машина письма оказывается у истоков психоаналитического прозрения Фрейда. Именно в виде машины открывается ему психический аппарат. 20 октября 1895 года он описывает это явление в письме своему другу Вильгельму Флиссу:

> В одну из ночей усердных бдений <…> внезапно преодолеваются все преграды, покровы падают, и можно увидеть все насквозь от деталей невроза до условий сознания. Все оказывается сцепленным друг с другом, шестеренки машины приходят во взаимодействие, возникает такое впечатление, как будто бы эта вещь и в самом деле является машиной *(das Ding sei jetzt wirklich eine Machine)* и вот-вот заработает сама по себе[177].

Эта психическая Вещь, похоже, и есть машина. В какой-то момент она начинает работать сама по себе, автоматически. Машина оказывается не чем-то чуждым и внешним человеку, а неотъемлемым, внутренним, присущим. Машина – «собственно» человеческое. Исключенное внутреннее. Вещь. В то же время машина – не Вещь. Для Лакана машина представляет символическую, «собственно» человеческую психическую активность в режиме повторения, нацеленном на овладение Вещью. Эту психомашину Лакан вслед за Аристотелем называет *автоматоном.*

Машина письма имеет отношение не только к душе, но и к телу, если вообще продолжать придерживаться этой оппозиции души и тела, если вообще можно говорить о «душе» и «теле». Машина письма пишет тело. Душа вписывает в себя тело, выписывает его и переписывает. Возможно, нет лучшего описания этой машины письма, чем в рассказе Кафки «В исправительной колонии». Речь, конечно, идет о законе и вине, о том, что вина не имеет никакого отношения к приговору, ибо «виновность всегда несомненна»[178]. В рассказе некоему ученому-путешественнику офицер показывает аппарат экзекуции, состоящий из трех частей: нижняя – лежак,

верхняя – разметчик, а средняя – борона. Экзекуция заключается в том, что борона записывает на теле осужденного ту заповедь, которую он нарушил. Приговор не выносится в словах, он не оглашается в суде, его выписывает на теле осужденного аппарат экзекуции. Нет смысла объяснять приговор осужденному, как говорит офицер, исполняющий в исправительной колонии роль судьи, поскольку тот «узнает его собственным телом»[179]. Вот принципиальный для анализа машины Виктора Т. – Наталии А. момент: «Как видите, борона соответствует форме человеческого тела; вот борона для туловища, а вот бороны для ног. Для головы предназначен только этот небольшой резец»[180]. Буквы, выписываемые кафкианским аппаратом письма, смертоносны, они «не могут быть простыми; ведь они должны убивать не сразу, а в среднем через двенадцать часов»[181]. Письмо все глубже проникает в тело, пока борона, в конце концов, не проткнет его и не выбросит в яму. Кафка в деталях описывает устройство машины, а мы лишь отметим, что письмо бороны определяется системой шестеренок в разметчике, системой, которая предусматривается приговором суда.

Вращаются шестеренки машины Кафки. Вращаются шестеренки машины Фрейда. Он видит во сне «Зал с адскими машинами». В этом сновидении, как сообщает Фрейд, он предстает виновным, поскольку то ли совершил нечестный поступок, то ли не совершил. То ли с виной виноватый, то ли – без. Еще бы, ведь он не вещь себе чужую присвоил, а пропажу!

> Место действия – нечто среднее между частной лечебницей и многими другими помещениями. Появляется слуга, чтобы позвать меня на «обследование». Во сне я знаю, что обнаружена какая-то пропажа и что обследование вызвано подозрением, что я присвоил себе эту пропажу. Анализ показывает, что обследование надо понимать двояким образом и что оно включает в себя врачебное обследование. Сознавая свою невиновность и свою функцию консультанта в этом доме, я спокойно иду со слугой. У дверей нас встречает другой слуга, который, указывая на меня, говорит: «Зачем вы его с собой привели, ведь это порядочный человек». Затем без слуги я вхожу в большой зал, где стоит много машин, который напоминает мне преисподнюю с ее адскими орудиями для пыток. За одним из аппаратов я вижу своего коллегу, у которого были все основания обо мне позаботиться; но он не обращает на меня внимания. Это означает, что теперь я

> могу идти. Но я не нахожу своей шляпы и поэтому не могу уйти[182].

Обследование – это скорее расследование. Как только второй слуга называет Фрейда «порядочным человеком», он входит в большой зал, который представляет собой машинный ад. Причем за одним из аппаратов влияния оказывается коллега. Почему это – аппарат влияния? Потому что он не позволяет Фрейду уйти. Шляпа – лишь предлог. Аппарат влияния действует на расстоянии, это – телепатический аппарат.

Письмо *между* Тауском и Наталией А. Ее аппарат, повторим еще раз, действует на расстоянии, как и машина Джеймса Тилли Мэтьюза. Аппарат влияния как любая проекционная техника предполагает расстояние. Более того, аппарат в данном случае, в случае отчуждения – это *всегда уже* расстояние. Эта машина «производит отделение *(separation)* и затем движется в сторону коллапса этого различия через своеобразную передачу *(transmission),* имитирующую электричество и телеграф. Передача и дистанцирование – два основных вопроса теоретического и симптоматического интереса Тауска»[183]. Машина влияния не только отделяет и отчуждает, но и осуществляет трансмиссию, налаживает коммуникацию.

33. Телепатический аппарат и телепатология

Пациентка Тауска не знает в точности, как влияет на нее аппарат, но догадывается, что телепатически. С далекого расстояния невидимые злодеи с помощью аппарата «создают ей слизь в носу, отвратительные запахи, сновидения, мысли, чувства»[184]. С расстояния сбивают они ее с мыслей, не дают спокойно писать. Расстройство Наталии А. вполне можно назвать «телепатологией, патологией телекоммуникации»[185]. Из-за аппаратных неполадок мысли не выписываются.

Действие на расстоянии, телепатия, передача мыслей для Фрейда включает, если не сказать, ставит в центр рассмотрения вопрос о *желании:* «путем индукции от одного человека к другому передается не просто фрагмент безразлично какого знания, а необыкновенно сильное желание какого-либо человека»[186], причем желание бессознательное.

Наталия А. указывает на то, что в ее случае действует гомеопатическая магия. Иначе говоря, аппарат влияния – средство, инструмент, действующей по принципу *подобия.* Сам аппарат и есть двойник, переходная копия. Когда им манипулируют, то «все то, что происходит на аппарате, фактически происходит и на ней. Если уколоть аппарат, то она почувствует этот укол на соответствующем участке своего тела»[187]. Злодеи, преследователи, бандиты, врачи, манипулирующие с машиной, занимают в данном случае место зловредных шаманов. Поначалу они «путем манипуляций на гениталиях аппарата, ей также создавали сексуальные ощущения. Но с некоторых пор у аппарата больше нет гениталий»[188]. О гениталиях чуть позже, а сейчас о том, что один из тех, кто начинал манипуляции с машиной, Наталии А. хорошо знаком: «Мужчина, пользовавшийся этим аппаратом, чтобы преследовать больную, действовал из ревности. Это отвергнутый ею жених, профессор университета»[189].

Вот он, казалось бы, машинист! Наконец-то! Но не тут-то было. Профессор растворяется, знакомый мужчина – любитель манипулировать машиной – исчезает. Его место занимает банда неизвестных. Злодеи-машинисты первым делом создают мысли. Без них аппарат не построить.

Тауск говорит о симптоме «больному *создают* мысли». Чтобы понять сфабрикованный характер мыслей, всегда уже отчуждающую диспозицию символического, телепатическое действие несуществующего Другого,

нужно не забывать о родах субъекта. Роды в символическую купель сообщают о производстве мыслей.

Тауск рассказывает о ребенке, которого подчиняет себе язык, точнее, об инфантильной фазе, «на которой господствует мнение о том, что другие знают мысли ребенка»[190]. Как им их не знать, если от них мысли исходят. Ребенок в этом уверен, он в это свято верит. На каком основании возникает эта вера? На том, что слова, из которых собираются мысли, *всегда уже* приходят извне, принадлежат Другому. Эта вера в знание другими мыслей основана на том, что ребенок рождается в предуготовленную ему символическую купель. На том основании, что ребенок органически беспомощен, что он целиком и полностью зависит от всемогущего Другого. Тауск эту мысль подтверждает: «ребенок один сам по себе ничего не может, а принимает все от других людей, использование конечностей, язык, мысли»[191]. Тауск еще раз, в примечании, ссылается на комментарий Фрейда к его статье:

> При обсуждении данной работы в Венском психоаналитическом обществе Фрейд особенно подчеркнул учение детьми говорению как источник этого отстаиваемого мною убеждения ребенка, что другие якобы знают его мысли. Ведь с языком ребенок одновременно получает мысли других, и его убеждение, что другие знают его мысли, таким образом, кажется *действительно обоснованным*, точно так же, как и его чувство, что язык и с ним мысли для него «создали» другие[192].

Симптомы «потери границ *я*» и «созданных другими мыслей» обнаруживают свое основание в самой архитектонике символической матрицы. Тауск и пишет о том, что пока нет объекта, пока нет различения внешнего и внутреннего, нет ни я, ни *меня*, ни *другого*. Идентификация с объектами не позволяет пока раздвинуть пространство, создать дистанцию для близкого и далекого, внутреннего и внешнего. Граница не проведена, пока

> больные идентифицируют себя со своими объектами. Они просто сами являются тем, что им нравится во внешнем мире, и поэтому они не нашли путь во внешний мир, позицию объекта, и в затронутых связях своей душевной жизни – это исключительно либидинозные связи, – не сформировали я[193].

Тауск напоминает: *я* – продукт либидоэкономики отношений с Другим. Либидо создает *я*, привязывается к нему, отходит от него. Здесь формируется и реформируется граница внешнего и внутреннего. Что же позволяет прочертить границы? Что может убедить ребенка в том, что его мысли – *его* мысли, которые неведомы ни другим, ни Другому? Как ему сойти с конвейера механического мыслевоспроизводства?

34. Истина лжи и запирательства

Во-первых, ложь. Тауск пишет: «Родители знают все, даже самое сокровенное, и знают это до тех пор, пока ребенок с успехом не осуществляет свою первую ложь»[194]. Нераскрытая ложь, таким образом, своеобразный гарант автономии мыслей и способ обретения независимости от родителей: «Борьба за право иметь секреты от родителей относится к сильнейшим факторам образования *я*, отграничения и осуществления собственной воли»[195]. Особенно лгут дети, которые сопротивляются регулярному удалению телесных отходов. Борьба за пространство автономии осуществляется на всех фронтах.

Более того, ложь несет с собой измерение истины. В статье о детской лжи Фрейд описывает две истории, в которых ложь возникает в результате необычайно сильного любовного мотива. Дети лгут, чтобы скрыть – не в последнюю очередь от самих себя – сверхсильную привязанность к одному из родителей. Сознаться во лжи – значит признаться в тайной инцестуозной любви, в истине ее желания. Ложь оказывается в самом сердце проблемы языка; именно ложь ведет к вопросу об истине и вымысле, к истине как вымыслу. В статье Фрейда о двух случаях детской лжи ложь как раз и указывает на истину, истину желания. Причем, эта истина остается бессознательной. Таков парадокс: ложь не лжет.

В первом случае речь идет о девочке, которая не отдала отцу пятьдесят пфеннигов сдачи, чтобы купить на них краски для расписывания пасхальных яиц. Однако дело совсем не в желании расписать яйца, а в связи, установившейся в бессознательном ребенка между деньгами и любовью. Взять у отца деньги для нее было равнозначно признанию в любви к нему. Ложь адресована не столько отцу, сколько себе, ведь деньги – переходный объект фантазии о том, что отец – ее любовник. Во втором случае девочка лжет окружающим ради спасения своего идеала, образа идеального отца. И на сей раз ложь указывает на желание, на истину желания, на объект любовного томления. Обе истории конституируются *вокруг* запретного выбора инцестуозного объекта любви.

Можно лгать, а можно все отрицать. Негация оказывается еще одним способом обретения автономии. Тауск пишет о негативизме шизофреника, который идет на «отказ от внешнего мира, выраженный на „языке органов“»[196]. Границу внешнего/внутреннего, расстояние прочерчивает отрицание. Шизофреник – тот, кто говорит, отрицая каждым словом то, что

принято называть внешним миром. Точнее, расстояние между мирами сжимается, граница неуследимо трассирует.

Граница реорганизует *пространство.* Пространство перехода от тождества, возникающего в идентификации, к различию, которое задает проекция. Либидо нагружает внешний объект, возбуждение проецируется вовне, и так за счет дистанцирования и объективации создается внешний мир. Важно то, что дистанцирование и объективация происходят задолго до того, как они происходят. Об этом рассказывает формирование аппарата влияния.

35. Антропоморфно-генитальное устройство проекционного аппарата

Аппарат влияния антропоморфен, у него форма человеческого тела. Здесь можно воскликнуть: конечно, а как же иначе! По крайней мере, на это указывает воображаемое отчуждение как фактор формирования аппарата. Форма, образ, *Gestalt* отчуждаемого – нарциссический, человеческий. Аппарат – двойник, причем двойник себя, своего тела и реальности. Образ своего тела неразрывно связан с образом реальности, и, соответственно, утрата реальности при психозе означает не только на необходимость восполнения этой реальности, на которое в первую очередь указывают Фрейд и Лакан, но утрата реальности выражается и в утрате образа тела[197]. Психотический бред – восполнение как формы реальности, так и тела. Аппарат влияния – не что иное, как восполнение невосполнимой утраты тела реальности и реальности тела.

Здесь важно и то, что симметрии между собой и проецируемым аппаратом никогда нет и быть не может. Ни тело, ни аппарат не являются целостными. И не только в силу распада нарциссических идентификаций, но и по той причине, что нарциссическая конструкция не может быть конгруэнтной, ведь зеркальность аппарата нарушена *объектом а*.

Интересно и принципиально важно то, что антропоморфизм аппарата конкретизируется в определенном полоролевом различии, то есть он *не* бесполо нарциссичен. Наталия А. уверена в том «что на мужчин воздействует мужской аппарат, то есть мужской образ, а на женщин – женский»[198]. В очередной раз стоит повторить, что машина влияния не без пола, что она эдипальна, несмотря на всю нарциссичность, паранойяльность и шизофреничность. К тому же у машины воображаемая связь с фигурой смерти: корпус аппарата не мужской и не женский, а «имеет форму обычной крышки гроба, обтянутой бархатом и плюшем»[199]. Таков эффекта Нарцисса, *всегда уже* пропущенного сквозь символическую прострочку.

36. От тела с органами к телу без органов: человек – крышка гроба

С аппаратом Наталии А. происходят изменения. Он не сохраняет свою форму, не держит ее. Он упрощается. Он теряет свой антропоморфизм. Поначалу у аппарата есть тело, корпус в виде крышки гроба, а также гениталии и конечности. Вполне себе человек, разве что без головы. Через несколько недель Наталия сообщает Тауску об изменении: конечности теперь не располагаются так, как это обычно бывает у людей, а просто нарисованы на крышке гроба. Тауск становится «свидетелем знаменательного процесса развития бредообразования»[200]. Замена конечностей на их изображение на плоскости – начало регресса, «прогрессирующего процесса искажения» человеческой формы. Тело лишается конечностей. Оно не распадается на части, не превращается, как у Лакана, в расчлененное тело, *corps morcele,* а приближается к состоянию *тела без органов.*

«Первой жертвой» искажения падают гениталии. То ли в силу своей особой заметности, то ли в силу метонимичности телу как таковому, они отпадают первыми. За ними исчезают конечности. Головы, как мы помним, не было. Так тело с органами буквально превращается в тело без органов. Такое тело отмечено нулевой степенью интенсивности. Тело – крышка гроба.

Преобразования, происходящие с конечностями, образцово показательны. Они «теряют свой трехмерный телесный образ и сокращаются до двухмерной плоскости, проецируются в плоскость»[201]. Как здесь не вспомнить фундаментальную мысль Фрейда: *«Я,* прежде всего, телесно, оно не только поверхностное существо, но даже является проекцией некоторой поверхности»[202]. Как здесь не вспомнить фразу из ежедневника Фрейда 1938 году: «Психика протяженна, но ничего об этом не знает»[203].

Итак, прогрессирующий процесс искажения, о котором говорит Тауск, во-первых, результируется в движении от трехмерности к двухмерности, более того – от четырехмерности (с учетом измерения времени) к двухмерности; во-вторых, от тела с органами к телу без органов; в-третьих, от человеческой формы к форме нечеловеческой. И все это происходит в согласии с той мыслью Фрейда, что жуткое – не то, что являет собой нечто

радикально незнакомое, неведомое, нераспознаваемое, а ровным счетом противоположное – предельно знакомое, родное, *слишком* хорошо известное.

Антропоморфизм пугает. Двойник исчезает. Встреча с собой отменяется. Наталия А. отклоняет

> агностицирование своей собственной персоны в аппарате влияния и поэтому постепенно отнимает у него все признаки человеческого образа, поскольку она тем надежнее застрахована от пугающего агностицирования, чем меньше бредообразование похоже на человеческий образ, не говоря уже о собственном образе[204].

Нет никакой проекции. Нет никакого узнавания. Просто – крышка гроба.

37. Проекционный аппарат

Аппарат проекции – проекционный аппарат. В III и IV разделах своего исследования аппарата влияния Тауск подробно говорит *о паранойе, гомосексуальности и проекции,* то есть обращается к констелляции понятий, принципиально важных для Фрейда в анализе случая Шребера. Не останавливаясь на этом вопросе детально, скажем, что именно в связи с идеей проекции гомосексуального либидо в паранойе Тауск задается принципиальным вопросом, не аналогична ли такая проекция проекции собственного тела в случае Наталии А.

Более того, в этом случае интересно то, что ее преследуют исключительно мужчины. На первый взгляд кажется, что это противоречит теории паранойи Фрейда. Тауск обнаруживает выход из тупика, сохраняя теорию учителя:

> аппарат влияния соответствует регрессивной психической стадии, на которой во внимание берется *противоположность не полов, а только нарциссического и объектного либидо* и каждый объект, претендующий на перенос либидо без различия пола, воспринимается как враждебный[205].

Хотя Тауск и пытается вывести случай Наталии А. за пределы полоролевых различий, они от этого не исчезают. Регресс, о котором в этом случае постоянно идет речь, следует понимать исключительно ретроспективно. Иначе говоря, уходя «в прошлое», человек берет с собой немало «из будущего». Только в такой ретроспекции и можно говорить о связи, но при этом не тождестве понятий *гомосексуального* и *нарциссического.* Только в связи с выбором себя как другого, только в связи с мифом о Нарциссе, влюбившемся в прекрасного юношу. В остальном – ни другой, по образу и подобию которого делается выбор, не имеет никакого эмпирического подобия, ни сама первичная идентификация не имеет связи с полом. Тауск не ставит знак равенства между нарциссическим и гомосексуальным либидо. В пространном примечании к IV главе он заявляет:

> мы не будем говорить о том, что фиксированное на *я* либидо является обязательно гомосексуальным, поскольку оно стремится

> к тому же полу, к которому принадлежит сам человек. Мы лишь коротко обозначим механизм, явствующий из его местоположения в противоположность объектному либидо и возможность записи которого дает симптоматика фрейлейн Наталии А.[206].

Тауск различает две проекции: одна привязана к *телу*, другая к *психическому я*. Причем между ними возможен конфликт: телесное либидо может устыдиться психического я-либидо. Тауск отводит отдельное примечание механике частичных проекций амбивалентности. В этом примечании он ссылается не только на Фрейда, но и на Хелен Дойч, которая, по словам Тауска, внесла особый вклад в изучение такого рода проекционной техники. Фрейд вывел, по мысли Тауска, две формулы. Одна: *«амбивалентность влечет за собой проекционную механику»;* вторая: *«амбивалентность влечет за собой вытеснение»*[207]. Логика амбивалентности между тем диктует: незнакомые мужчины, манипулирующие посредством аппарата влияния, превратились в таковых из объектов любви. Женихи, любовники, врачи – будущие враги.

> Все эти персоны обслуживают чувственность, тело и требуют переноса любви. Обычно это требование выполняется, но нарциссическое либидо, если оно зафиксировано слишком прочно, должно воспринимать притязание на перенос враждебно, а объект, побуждающий к переносу, – как врага[208].

В свою очередь, тот, кто не обслуживает аппарат, оказывается под его влиянием. Аппарат воздействует на мать, лечащих врачей, близких друзей. Так что машина влияния образует центральную ось, по отношению к которой амбивалентность распределяет людей: либо они преследователи, либо – преследуемые. Интересно, что Тауск как раз подчеркивает: это – не паранойя, в отличие от которой «не преследователи, а преследуемые, скажем так, систематизируются в пассивный сговор».[209] Распределение преследователей и преследуемых производится, исходя из расщепления и дистанции: преследуемые – ближайшее окружение, преследователи же действуют на расстоянии. Впрочем, Тауск оказывается как в одной категории, так и в другой. Он – по обе стороны оси. Он и ближайший преследуемый, и – тот, кто находится под воздействием машины влияния, и потому он – один из преследователей. Сам Тауск подчеркивает, что машина влияния обслуживается опасными людьми, мужчинами – женихами,

любовниками, врачами.

Расщепление при этом не может быть конечным и расстояние не устанавливается раз и навсегда. Близкие и далекие люди то и дело готовы меняться местами. Преследователи и преследуемые – взаимозаменяемые лица. Тауск тому свидетель.

Тауск ставит расстояние в зависимость от того, какие устанавливаются с объектом отношения. С ближайшими людьми в действие приводится нарциссическая идентификация: «Притязание членов семьи на перенос на них либидо обычно не воспринимается как требующее преодоления большой дистанции или сильного отдаления от самой себя, значительного отречения от нарциссизма».[210] А вот любовники, женихи, врачи нарциссическому либидо угрожают, пытаясь оттянуть его на себя.

> Пространственная удаленность этих персон при этом действует возбудителем чувства дистанции для либидо. Перенос на дистанцию воспринимается как особенно сильное притязание на признание объектной позиции, на отказ от себя[211].

Любовь на расстоянии оказывается для Наталии А. тяжелым испытанием, не выдерживая которого она включает параноидную механику *(paranoische Mechanik)*. Эта механика призвана не только совладать с расстоянием, но и сохранить себя. Нарциссические идентификации и проективная техника действуют совместно.

Размышления Тауска на тему амбивалентности не оторваны от случая Наталии А. Он обращается к тому эпизоду, когда она отказалась выйти замуж за своего жениха, но при этом испытывала колебания между согласием и отказом. Амбивалентность разрешилась так: «Отказ она воплотила в поступке, склонность же к принятию предложения она проецирует в объект своего конфликтного желания и позволяет ей проявляться как ощущение попытки влияния со стороны объекта»[212]. Конфликт между *проекцией я* и *проекцией тела*, по мысли Тауска, относится к тому эпизоду становления субъекта, когда объект обнаруживается как часть собственного тела, но при этом оно еще не стало собственным, а воспринимается как часть внешнего мира, который и внешним, впрочем, тоже не является. Здесь стоит вспомнить фразу Фрейда, в которой он говорит о возникновении *собственного я* в результате проекции тела вовне и идентификации с ним. Еще раз: «Я прежде всего телесно, оно не только поверхностное существо, но даже является проекцией некоторой поверхности *(sondern selbst die Projektion einer*

Oberfläche)»[213]. Сама эта зеркальная проекция не устанавливает оппозиции внешнее/внутреннее, свое/чужое. Тауск, размышляя на эту тему, задается вопросом, не соответствует ли при каталепсии той фазе, когда «человек не воспринимает свои органы как собственные и должен отдать их, как к нему не относящиеся, во власть чужой воли?»[214] Во власть машины влияния?

Тауск дифференцирует две стороны *фазы зеркала*[215], психическую и соматическую. Более того, он разводит в стороны два процесса – *идентификацию с* нарциссической позицией либидо и *проекцию.* Тауск говорит о двух фазах, следующих одна за другой – о фазе проекции, в которой происходит обнаружение объекта в «собственных» органах, и предшествующей ей фазе идентификации. Размышляя о проекции и нарциссизме, он приходит к выводу, в котором легко усмотреть лакановскую стадию зеркала: «проекцию собственного тела следовало бы объяснять той стадией развития, на которой собственное тело являлось предметом нахождения объекта»[216].

38. Два нарциссизма

Тауск говорит о врожденном нарциссизме *(angeborenen Narzissmus)* и нарциссизме приобретенном *(erworbenen Narzissmus).* Врожденный нарциссизм – не столько врожденный, сколько предшествующий делению мира на внутренний и внешний. Тауск буквально связывает его с рождением: «самое первое отречение человека, отречение от защищенности в утробе матери, возлагается на либидо, и ответом на несовершенное его выполнение является испуганный крик после рождения»[217]. Крик либидо оглашает явление врожденного нарциссизма. Нарциссизм этот, конечно, едва ли является таковым с точки зрения Фрейда и Лакана, которые скорее в таком случае говорили бы об аутоэротизме. Либидо врожденного нарциссизма

> сначала окольным путем проекции занимает собственное тело, затем путем самообнаружения снова возвращается к *я*, которое тем временем благодаря этим первым психическим побуждениям, которые можно назвать опытом, значительно изменилось и теперь снова заряжается либидо[218].

Врожденный нарциссизм можно понимать и с точки зрения некоего дробного *телесного я,* центрируемого задним числом *психическим я* приобретенного нарциссизма. Лакан, кстати, говорит об *ортопедическом образе,* который исправляет как будто бы предшествующий образ в иллюзии единства и целостности. В другом примечании Тауск, говоря о меланхолии, различает не врожденный и приобретенный нарциссизм, а психический и физической нарциссизм. Напомним, что и Фрейда меланхолия интересует не только как таковая, но и как угасание инстанции *я*, которое призвано прояснить его возникновение. Механика меланхолии, пишет Тауск, «состоит в *распаде психического нарциссизма*, в отречении от любви к психическому я». Меланхолия «является парадигмой зависимости органического нарциссизма от психического». Распад психического нарциссизма уже заключает в себе движение в сторону телесного самоуничтожения. Меланхолия, приходит к выводу Тауск в примечании, – это «психоз преследования без проекции, его конструкция обязана своим существованием собственной идентификационной механике»[219]. Проекция тела и проекция гениталий совмещаются, если не сказать –

отождествляются:

> своеобразная конструкция аппарата совершенно особым образом подтверждает приведенные мною предположения о значении символа машины как проекции собственных гениталий. Правда, аппарат изображает не гениталии больной, а видимо, ее целую персону. С чисто физической точки зрения он представляет собой проекцию спроецированного во внешний мир *тела пациентки*[220].

Единственное, чего этой проекции недостает, так это головы. Об отсутствии головы Тауск пишет в отдельном примечании, посвященном сновидению Наталии А., в котором она не видит головы оперируемой женщины, то есть себя[221]. Тауск добавляет, что, по Фрейду, «женщина без головы» означает мать. Мать – ацефал. Фантазм о возвращении в утробу тому свидетельство. И головы не видно.

Вновь возвращаясь к тому, что аппарат влияния не поддается детальному описанию, в III главе своего исследования Тауск говорит, что нейроаппарат – единственное средство приближения к аппарату влияния: «Так как для обоснования этой гипотезы мы не располагаем никаким другим материалом, кроме сновидения о машине, попытаемся предположить, что аппарат влияния – это проекция, изображение гениталий больного»[222]. Лакан вслед за Тауском— Фрейдом видит нарциссическую сцену отнюдь не как симметричное воспроизведение себя: «Видеть себя – не значит видеть себя в зеркале, это значит *Selbst eine Sexualglied beschauern – он созерцает себя,* сказал бы я, *в своем половом члене»*[223].

Виктор Тауск обращается к еще одному, необходимому для его размышлений симптому шизофрении, о котором речь подспудно то и дело заходит: «потеря границ я». Синтезированная инстанция, *собственное я*, при шизофрении распадается. Подтверждение Тауск обнаруживает не в воображаемом регистре, как можно было предположить, а в регистре символическом, призванном воображаемый регистр структурировать и тем самым проявить: «больные жалуются на то, что якобы все люди знают их мысли, которые не заключены в их головах, а распространяются по всему миру, так что они одновременно находятся в головах других людей»[224].

Мысли не приписаны никакому психическому аппарату, они без адреса «распространяются по всему миру», одновременно обнаруживаясь в

разных аппаратах. Здесь вновь на горизонте появляется Бион с его идеей психического, мыслительного аппарата как аппарата овладевания уже предсуществующими мыслями. Мысли – априори телемысли, телепатические желания в непрерывном метонимическом перемещении. У мыслей нет прописки, поскольку десубъективируемый субъект «потерял сознание того, что он является отдельным психическим существом, *я* с собственными границами»[225].

Прежде чем приступить к анализу случая Наталии А., Тауск предполагает, что «аппарат влияния – это спроецированное во внешний мир изображение гениталий больного, возникающее аналогично машине в сновидении»[226]. Свидетельство тому – сновидец «просыпается с рукой на гениталиях, если ему снится, что он манипулирует машиной»[227]. Манипуляции с машиной метонимичны манипуляциям с гениталиями. Обслуживание аппарата – не что иное как мастурбация.

39. Фаллос Лакана в машиностроении Тауска

К вопросу о машине, гениталиях и мастурбации Тауск возвращается в заключительной, vii главе своего исследования. Возвращается после рассуждений о либидо и механике его перераспределения. Либидо при шизофрении децентрируется, частично снимается с гениталий, в результате чего *«все тело является половым органом»*[228]. В качестве аргумента Тауск приводит мужские фантазии о возвращении в материнскую утробу в желании «мужчины полностью забраться в половой орган, из которого он появился на свет», для чего, например, нужно идентифицироваться с отцом, или, конкретнее, с его пенисом. Это «или» не столько указывает на некий выбор, сколько ещё раз отмечает метонимическую механику внутренней идентификации: отец = (его) фаллос. В этой идентификации, в этом инфицирующем отождествлении кроется усложнение всей картины за счет одновременной диффузии либидо. Децентрированное рассеивание либидо предписывает возможное исчезновение у аппарата влияния гениталий. Исчезновение органа восполняется его метонимией: человек – гениталии[229]. Такая трансформация буквально представляет становление тела-без-органов.

Одновременно формируется внешний аппарат, причем здесь как раз важно, что он – машина: «Образование аппарата влияния в форме машины подтверждает, таким образом, существование проекции собственного тела, представляемого половым органом»[230]. Тауск не останавливается на этом, заходя к генитальному телу-без-гениталий с другой стороны, можно сказать, со стороны беременности и крышки гроба:

> Фантазия о материнской утробе и идентификация с матерью, возможно, находят выражение в выпуклой форме крышки, которую имеет корпус, изображающей, возможно, беременную материнскую утробу. Расположенные внутри батареи – возможно, изображают ребенка, которым является сама пациентка. То, что ребенок воображается в форме батарей, то есть машины, опять подтверждает теорию, что весь человек чувствует себя половым органом, и тем более потому, что одновременное отсутствие гениталий представляет собой прегенитальную, в известном смысле безгенитальную стадию[231].

Линия смещения мысли Тауска в фантазии Наталии А. о гробе материнской утробы: батарея – ребенок – машина – половой орган. Внутри источник энергии, обеспечивающий работу машины. Эта работа обеспечивает наслаждение органом, органом ребенка, ребенком.

Тауск прекрасно понимает, что регрессия, которая оказывается принципиальной для его рассуждений о преобразованиях машины влияния, отнюдь не предполагает работы линейной машины времени, и все представления предшествующие регрессии сохраняются. В частности, «в запасе представлений сохраняется образ полового органа как репрезентанта сексуальности. Половой орган отмечает пол. Он используется для отображения как средство выражения, как язык, с помощью которого сообщается о явлениях, существовавших *до* появления средства выражения»[232]. Разговор об органах, о пенисе вдруг поворачивается не только в привычную сторону *языка органов* при шизофрении, но в сторону полового органа как фаллоса в лакановском смысле слова: половой орган является только символом сексуальности, которая старше символики и любого пригодного для коммуникации с людьми средства выражения и поэтому не может иметь современного ей выражения для сообщения о себе[233].

Тело – фаллос *задним числом.* Тело – запаздывание и сдвиг по фазе фаллоса. В таком смещении по фазе заводится человек-машина. Остается напомнить, что фаллос – психический объект с различающей функцией. Фаллос – метка различий, разметка отличий.

Завершает свою статью Тауск мыслью о *человеке-машине:* деформация «человеческого аппаратного образования *(menschlichen Apparatgebildes)* до образа машины соответствует как проекция прогрессу процесса болезни, *делающему из* я *диффузное сексуальное существо*»[234]. Этот образ машины от аппарата отличает автономия. Машина пребывает в постоянном изменении, она то и дело преобразуется в потоках шизолибидо. Гениталии, подобно либидо-машине, не зависят от намерений инстанции я, оттого и неизбежно возникает либо представление об их автономии, либо об их подчиненности воле другого. Последние слова статьи Тауска посвящены механике эрекции, которая «воспринимается как нечто независимое от *я* и не полностью им преодолеваемое, как часть внешнего мира»[235]. Здесь, в переходности и метонимичности из будущего прибывает фаллос Лакана, доступ к которому открывается лишь в месте Другого. Фаллос, независимый от себя, часть внешнего мира, принадлежащая машине

влияния. Но внешнему миру он принадлежит настолько же, насколько и внутреннему, обеспечивающему машину Другого либидо-энергией той самой батареи, которую видела в своем фантазме Наталия А. Фаллос аппарата наслаждения действует автоматически, заводится сам по себе. Он всегда уже не совсем от мира сего, он отчасти – того мира пропись.

Часть V.Третья машина уже здесь

40. Расстройства нарциссизма

Третья машина влияния, как и две предыдущие, конечно же, связана с *контролем*, однако техника контроля претерпела радикальные изменения. Контроль теперь осуществляется в условиях интегрального оцифровывания символической вселенной, в условиях гипериндустриализации, тотального распространения идеологии потребительского капитализма и интенсификации расстройств нарциссизма. В психоанализе, психиатрии и различных гуманитарных науках стало общим местом говорить об эпохе нарциссизма, о том, что мир в середине XX века стал скатываться от невротического состояния к состоянию психотическому. Для прояснения этой мысли обратимся еще раз к нарциссизму вместе с Фрейдом, Лаканом и Стиглером. Почему вместе с ними? Потому что Фрейд сформулировал в 1910-е годы понятие нарциссизма, Лакан, обращаясь к самым разным дисциплинам, в 1930-1950-е годы развернул концепцию нарциссизма и воображаемого регистра, а Стиглер в начале нового века заговорил о распаде нарциссизма в гипериндустриальном обществе.

Вопрос нарциссизма – это вопрос конституирования себя, себя и другого, но также и пространства, дистанции между собой и другим. Разумеется, между собой и другим должно быть расстояние, или даже расстояние, которое ставит субъекта на его место. Как говорил Даниэль Пауль Шребер, Бог не понимает, что человеку, чтобы существовать, необходимо иметь место. Лакан в свою очередь в связи со стадией зеркала обращается к вопросу конституирования пространства. Между ребенком и его зеркальным образом (другого / Другого) – дистанция. В то же время обнаружение себя в другом предполагает воображаемую идентификацию, скрадывающую эту дистанцию. В этом отношении можно говорить о действии условий последующей символизации пространства: протяженность есть, и ее нет. Перефразируя Фрейда, скажем, протяженность есть, но субъект об этом не знает. Иначе говоря, пространство затушевывается в бессознательном. Это «есть / нет» пространства задает будущее присутствие – отсутствие, отдаление – приближение, *Fort-Da*, – те пары, которые, в свою очередь, сигнализируют об учреждении символического измерения бытия субъекта.

Конституирование расстояния позволяет говорить о захвате субъекта становлением пространством, в частности о присвоении нарциссического

телесного образа, придающего форму телу. При этом человек «видит свою форму осуществленной, целостной, миражом себя самого лишь вне себя»[236]. Присвоение формы, предзаданной вне себя, предполагает становление пространства и скрадывание его в поле не-знания.

В стадию зеркала вовлечены объекты, усложняющие картину нарциссических отношений, даже если и невозможных, и они предустанавливают дистанцию, пространство, прописанное символической прострочкой отсутствия / присутствия. Объекты эти, разумеется, объекты *а:* в первую очередь, в случае нарциссизма, взгляд и голос. Взгляд и голос Другого предзадают и ориентируют пространство. Но прежде они должны быть присвоены. Впрочем, присвоение не происходит раз и навсегда. Объекты *а* не могут не отчуждаться и способны возвращаться из *реального.* Они могут включаться в игру подобий, что по-разному проявляется и в случае Джеймса Тилли Мэтьюза, и в случае Наталии А.

Подобия, двойники являются в результате распада идентификаций, в процессе дезидентификации. Между собой и другим, между другими нет ни устойчивой дистанции, ни относительно устойчивого различения. Нераспознавание *(méconnaissance)* себя и другого, дезартикуляция *я* и *мы* сопровождается дезорганизацией пространства.

Дезартикуляцию *я* и *мы* анализирует Бернар Стиглер, для которого она – симптом расстройства изначального нарциссизма *(le narcissisme primordial).* Напомним, что для Фрейда и Лакана нарциссизм – всегда уже социальная конструкция, *мы.* Стиглер не противопоставляет этот – первичный, первоначальный, исконный, основной – нарциссизм «вторичному», «патологическому» и прочему нарциссизму, а скорее подчеркивает вслед за Фрейдом неизбежный и необходимый характер нарциссизма как такового, при том что изначальность возможна лишь задним числом как фантазматическое восполнение пропущенного начала *(défaut d'origine).* В патологическом положении может оказаться не вторичный, а изначальный нарциссизм, распадающаяся конструкция *я – другой – мы.* Последствия такого распада – фатальная утрата любви и желания, уничтожение закона и социального порядка.

К расстройству нарциссизма неотвратимо ведет потребительский капитализм как место работы сегодняшней машины влияния. Здесь важно еще раз сказать, что нарциссизм требует постоянного переустановления; образ собственного *я* вынужден постоянно переприсваиваться. Здесь и возникает вопрос о возможностях переприсвоения себя в условиях потребительского капитализма. Нарциссизм учреждает аффективную привязанность к объекту, который, с учетом символической прописи

нарциссического образа, его связи с инстанцией *я-идеала* и процессом сублимации, как объект привязанности наделен аурой сингулярного. Потребительский капитализм требует противоположного, а именно отсутствия привязанности к объекту потребления, но при этом – зависимости от самого процесса потребления как такового. Невозможность аффективной связи с сингулярным объектом ведет к невозможности такого рода связи с собой, поскольку, как известно со времен Джона Локка, *я* становится сингулярным через сингулярность объектов, с которыми оно вступает в отношения.

Расстройство нарциссизма – это также результат невозможности построения идеальных идентификаций, то есть идентификаций *я-идеала*. Эта невозможность объясняется еще одним феноменом потребительского капитализма – стиранием границ между поколениями. Если раньше ребенок ориентировался в своих мечтаниях и желаниях на родительские фигуры как буквально на Большие Другие фигуры, то теперь различия между взрослыми и детьми оказываются под большим вопросом – по меньшей мере если под взрослостью понимать кантовское совершеннолетие как способность мыслить самостоятельно. В эпоху гипериндустриализации души сделать это оказывается предельно сложно. В потреблении все равны. Можно говорить о сегодняшнем производстве взрослоподобных, о которых можно прочитать в фантастическом антикапиталистическом романе Лазаря Лагина «Патент АВ» (1949). В курортном *Усовершенствованном приюте для круглых сирот* с помощью изобретенного препарата детей за несколько месяцев превращают во взрослоподобных особей, способных к взрослой работе на конвейере. При этом их разум остается детским, поэтому их можно использовать не только на производстве, но и в качестве смертников во время военных операций. Расстройство нарциссизма не предполагает понимания ни другого, ни себя, ни смерти. Оно ведет к непризнанию другого как Другого, к непониманию ни его, ни своей конечности, откуда не просто выплески агрессии, но радикальный *passage à l’acte*, который занимает место слов, аргументов, переговоров. Машина влияния настраивает на резкий переход к делу – к выходу со сцены *символического* в галлюцинаторное *реальное* неосознаваемого убийства себя и другого.

41. Маркетинг содействует плавной работе машины влияния

Если с середины XVIII по середину XX века господствовал производственный капитализм, то затем ему на смену, как известно, пришел капитализм потребительский. Кроме того, от индустриализации человечество перешло к гипериндустриализации, то есть к культуриндустрии, к промышленному производству представлений, аффектов, к серийному созданию индивидов, обслуживающих либидо-энергией циркуляцию капитала. Основой потребительского капитализма стал маркетинг.

Маркетинг имеет прямое отношение к машине влияния, к тому, что мы называем условиями её конкретизации. Товаром на рынке в результате маркетинга оказывается сам потребитель, его психика, которая подвергается индустриализации, его сознание, его внимание подчиняются активному, если не сказать агрессивному влиянию культуриндустрии. Сегодняшний потребитель – тот, кто продает себя, свое внимание, сознание, время; тот, кто предоставляет рыночным механизмам свое психическое пространство. Впрочем, все это – не акт доброй воли, а работа машины влияния когнитивного капитализма.

Здесь как раз и стоит поговорить об индустриализации души. Душа – объект серийного производства представлений. Психика – продукт особой индустрии, детально описанной Адорно и Хоркхаймером в качестве *культуриндустрии*. Об индустриализации души, в частности, говорит Ганс Магнус Энценсбергер в своем одноименном эссе 1969 года. Он не просто описывает эту отрасль, но называет ее ключевой в индустрии XX века, растущей даже куда быстрее, чем военно-промышленный комплекс. На продажу выставлен, как пишет Энценсбергер, и существующий порядок, «основная задача которого – расширять и тренировать наше сознание, чтобы его эксплуатировать»[237]. Причем процесс индустриализации души начался вместе с индустриализацией как таковой, и Джеймс Тилли Мэтьюз тому свидетель: «Решающая причина для сближения шизофрении и технологии очевидна: машина – это весьма уместная метафора для субъективности вывернутой наизнанку, ставшей синтетическим объектом или даже деталью машинерии. Механизация души предшествует развитию технического бреда: в машине влияния отражается не что иное, как

отчуждение и объективация субъективности»[238]. Со времен Мэтьюза и первой промышленной революции немало воды утекло, и сейчас речь в индустрии сознания идет о том, чтобы контролировать не столько самое это сознание, сколько мозг, от него освобожденный. Впрочем, нейронная машинерия уже была известна и Мэтьюзу, которому машина вытягивала мозг, и Шреберу, чьи нервы трепали божественные лучи.

Индустриализация души – это в том числе и объяснение работы психики сегодня, во времена сервоцентризма, в терминах нейропсихологии. Картирование мозга и локализация в нем психических процессов дает так называемую объективную картину. Субъект в этом отношении в лучшем случае – мираж мозга, отброшенное содержание. Нейромашинерия порождает иллюзии автономного мышления, подконтрольного действия, она утверждает: это вам только кажется, что вы самостоятельно мыслите, на деле ваши мысли генерирует ваш мозг. Мысли контролирует орган. Мозг оказывается машиной влияния, которую мы никак не способны контролировать, да и кто такие в этом случае «мы»? Отбросы *реального* мозга?

На наших глазах произошла трансформация идиоматики, заменившая бессознательное на подсознание, душу на сознание, сознание на мозг. Даниэль Пауль Шребер эти преобразования буквально предвидел, и еще раньше это продемонстрировала машина влияния Джеймса Тилли Мэтьюза, которая то вытягивала мозг, то требовала вживления в него магнита, то запускала в мозг различные идеи, которые там свободно плавали часами, то напрямую прибегала к мозговорам, *brain-sayings*. Мозговоры – не только *неопосредованные символическим* переговоры машины с мозгом, но и воровство мозга. Обслуживающие машину влияния убийцы – воры мозга, мозговоры. Если двести лет назад только Джеймс Тилли Мэтьюз знал тайны мозга, то теперь это стало общим местом. Машина влияния напрямую обрабатывает мозг, промывает его флюидами, причем, если тогда она делала это в политических целях, то теперь нет ни политических, ни целей, есть лишь экономический режим приручения, если не сказать порабощения мозга, наиболее выгодного его размещения на рынке товаров. Сегодня на глазах исчезает психиатрическое представление о душевных заболеваниях, о которых писал Джон Хаслам; сегодня речь тем более не идет о психоаналитическом понимании нелокализованного психического расстройства и его психогенной этиологии в духе Виктора Тауска. Сегодня причина всему – мозг, и вот уже люди, ощущая расстройства мозга, завещают его ученым. Но мозг не только расстраивается и болит, он же чувствует счастье и наслаждается.

В лакановском ключе можно сказать, что капитализм перешел от политики извлечения прибавочной стоимости к политике, ее дополняющей, – прибавочного наслаждения. Наслаждение для Лакана всегда уже прибавочное; сегодня оно стало таковым и для рынка, на котором можно найти *Genuss plus* повсеместно в маркетинге – от месседжа на упаковке фиников до названия радиостанции, от *как бы* особой разновидности товаров до туристических программ. Переход к маркетингу прибавочного наслаждения оказывается ключевым для смещения от эксплуатации желаний к эксплуатации влечений, равно как и для смены Закона, основанного на Именах-Отца, к Закону контроля за долгом наслаждения. Третья машина влияния прибывает в наваждении гипериндустриального наслаждения.

Еще одна немаловажная черта гипериндустриального общества – превращение науки, создающей представления о мире и человеке, о мозге и нейронах, в технонауку, которая предполагает сращивание науки с производством, потреблением, капиталом. Или, иначе говоря, наука становится индустрией знаний, отраслью капиталистической экономики. Именно с этой формой всемогущего знания, полного, законченного, абсолютно господского знания, мы сталкиваемся в технонауке сегодняшнего когнитивного капитализма. Можно сказать, технонаука устремлена к буквальному воплощению фрейдовского «человека как бога на протезах» или даже просто к созданию тотальных божественных протезов без человека, без мыслящего-желающего субъекта, без нехватки. То, чего не мог представить себе Фрейд, – так это возврата именно через науку всемогущества мыслей эпохи анимизма. И это совершенно очевидно именно в случае технонауки, которая призвана заниматься не только изменением так называемой окружающей среды, но и более важными божественными делами – творением и починкой «естественного», в частности *human engineering*’ом, термином, который, по Лакану, «как нельзя лучше указывает на привилегированность позиции исключения по отношению к человеческому объекту»[239]. Технонаучная идеология создает бесконечные объекты наслаждения, а виртуальные технологии устраняют различие между внутренним миром и миром внешним, или, как предсказывает в своем эссе Энценсбергер, индустриализация души (сло́ва, которым, как он пишет уже в 1969 году, никто, кроме священников, поэтов и музыкантов, не пользуется) приведет к полному «уничтожению различий между частным и общественным сознанием»[240]. Стиранию подвергается процесс дифференциации как таковой, будь то между внешним и

внутренним, или личным и публичным.

Здесь-то и приходит на ум мысль Лакана, движущаяся вслед за мыслью Фрейда о том, что дискурс науки приводит в действие вечный двигатель отбрасывания, в результате чего возвращаются призраки анимизма. В седьмом семинаре Лакан напоминает о том, что в искусстве имеет место вытеснение Вещи, в религии – ее смещение, в науке – отбрасывание. Весь дискурс науки, говорит Лакан, этим *Verwerfung* и предначертан. Отбрасывание, с одной стороны, касается субъекта, превращенного в объект рынка, исследования, программирования. С другой стороны, оно отбрасывает саму возможность неполноты, того самого не-всего *(pas-tout),* которое принципиально для психоаналитического дискурса. Технонаучный дискурс в планомерном самоуничтожении нацелен на трансформацию *реального.* Вещь должна предстать как таковая во всей своей воображаемой полноте. Сегодняшняя научная концепция человеческого индивида как невербальной когнитивно-бихевиоральной машины – тому свидетельство. Разум, на который уповало Просвещение, превратился в счетную (и просчитываемую) машину, причем априори проигрывающую в своих способностях своему же порождению в виде компьютера.

Технонаучная объективация моделирует человека по образу и подобию компьютера. Теперь не только Шребер, но и техноученые знают основной язык – язык нейронных сетей, в которых локализованы мысли, вечно возвращающиеся на свое место в *реальном,* так что ни о языке, ни о мыслях говорить не приходится. Технонаука как дискурс полноты, завершенности субъекта нацелена на воображаемый идеал, на позитивное устранение той самой нехватки субъекта, которая служит непреложным в своей негативности условием субъективации. Постепенно место мертвого Бога занимает Инженер, позитивный творец воображаемого идеала, господин счастья в наслаждении, автор *human engineering.* Имена-Отца отброшены! Да здравствует божественный Инженер, пришедший на смену умершему Богу!

Инженер от технонауки как бы завершает процесс, начатый давным-давно, процесс не от своего лица, а от такового Природы и Бога: «самый ужасный и самый будоражащий техник, как описал его двадцать пять веков назад Софокл, это тот, кто лишает природных свойств природу и переделывает её, тот, кто заново творит творение»[241]. Немало примеров мы можем найти в жизни и в кино, граница между которыми совершенно прозрачна с тех пор, как и то и другое производится на конвейерах культуриндустрии. Проводником ее и центральной ее частью являются

массмедиа.

Здесь, говоря об инженерах, массмедиа, индустриализации души, сложно вновь не вспомнить кинофильм Питера Уира «Шоу Трумана», тем более некоторые психиатры убеждены в появлении в клиниках одноименного синдрома: пациенты утверждают, что это фильм о них, о том, что это за ними следят миллионы телеглаз. Главный герой этой картины, Труман, находится под надзором с момента своего рождения. Причем, что важно, он – единственный, кому не известна его тотальная поднадзорность. Публичность его личности только от него одного и ускользает. Попросту говоря, он – главный герой телевизионного шоу, находящийся под постоянным контролем, надзором, но об этом даже не догадывается. В публичном лице Трумана мы сталкиваемся с формулой идеологии, по меньшей мере, в трактовке Альтюссера – Маркса: *sie wissen es nicht, aber sie tun es,* что можно перевести и как «люди не ведают, что творят».

Родители Трумана, его друзья, его жена – все телевизионные актеры. Общество спектакля носит тотальный характер. Фильм «Шоу Трумана» удвоен телевизионным «Шоу Трумана». Пять тысяч камер фиксируют жизнь человека в окруженном водой городке Сихэвен, который представляет собой телеподмостки. Лозунг «вся жизнь – ТВ-шоу» в действии. Чтобы Труману и в голову не пришло выйти за пределы контролируемого камерами городка, за пределы массмедиа машины влияния, ему с детства внушается травма о гибели отца в море. Разумеется, внушенная травма и есть травма настоящая. Труман живет, не подозревая о своем создателе, а создатель его – телевидение, персонифицированное в фигуре телеинженера Кристофа, который придумал эту программу. Кристоф – со всеми на то основаниями – считает Трумана своим творением, а себя, соответственно, богом, по крайней мере телебогом. Трумэн обнажает мир телевуайеризма, с одной стороны, и медианадзора – с другой. Он показывает отсутствие какого бы то ни было частного пространства в медиальной сети. Трумэн предписывает зрителю основной закон общества потребления: ты *обязан* потреблять, ты *должен* смотреть. Зрелище относится к принципиальной системе потребления. Телевизионный экран – экран потребления. Глаз – эрогенная зона орального поглощения.

Трумэн остается невидимым для себя, но он зрим всеми другими, каждый из которых непрозрачен для самого себя. Эта невидимость, это заблуждение на свой собственный счет, это взаимно-иллюзорное непрозрачное для самого себя существование, при котором только другой и

обеспечивает самое это существование, указывает на тотальность работы нарциссического экрана. Зеркальный теледругой наделяет существованием. Машина влияния включается необходимостью и неизбежностью зеркальности. Телемашина влияния наделяет существованием, она же его поглощает. Присваивает вместе с сознанием и вниманием.

42. Захват внимания

Еще одним очагом рыночной борьбы в обществе контроля становится внимание. На рынке непрерывно работают «аппараты захвата, формирования и деформации внимания»[242]. И дело не в том, что психотехнологии нацелены на захват некоего «готового» внимания, а в том, что оно само психотехниками и формируется. В результате этого процесса место производства субъекта дисциплинарного общества занимает десубъективация общества контроля. Расстройство внимания – расстройство способности сознания. Фрейд описывает дистанцию между восприятием и сознанием, инстанциями, которые он пишет через дефис, *W-Bw*, – топологический зазор, в котором происходит становление субъекта. Именно этот зазор и подвергается атаке со стороны машины влияния.

Аппарат захвата внимания все больше вторгается в психику – вплоть до ее пределов, вплоть до влечений, вплоть до мозга. Неудивительно, что постепенно разговор о влиянии на сознание, на психику сменился разговорами о влиянии на мозг. Речь идет не просто о том, что субъект «лишается критического сознания, но сознания как такового: он становится ничем иным, как просто мозгом»[243]. Машина влияния, наведенная на мозг, – это вопрос идеологии когнитивного капитализма. Однако есть и другая, смежная сторона маркетинговых технологий. Проблема в том, что «мозг преждевременно и буквально лишается сознания, поскольку построение синаптических цепей, отвечающих за формирование внимания, а вместе с ним и сознания, заблокировано канализацией внимания в сторону объектов индустрии программирования»[244]. Синаптогенез формирования нейронных цепей – та нейронная основа, которая может обеспечить становление внимания, сознания, способности к научению, запоминанию, грамматизации. Стиглер подчеркивает, что сознание он понимает в смысле Фрейда, то есть в диалектике отношений с бессознательным, и в смысле Канта, то есть как сознание критическое.

Вопрос, в конце концов, не в действенности аппаратов контроля и влияния, а в той готовности, с какой субъект десубъективируется. Дело в работе влечения смерти. Дело в желании инвестироваться в самоуничтожение. Дело в том самом желании, о котором Вильгельм Райх говорил в связи с суицидальной фашистской машиной.

43. От желания без стыда к влечению

Вернемся на время к истории, которую излагает в «Протагоре» Платон. В самом начале книги мы говорили об ошибке Эпиметея и похищении огня Прометеем. Став людьми через обретение техники, орудий, оружия, люди оказались существами опасными, в том числе и друг для друга. Тогда Зевс, испугавшись, как бы не погиб весь род человеческий, послал Гермеса распространять среди людей стыд и истину (правду), чтобы они служили украшением городов и дружественной связью. Гермес спросил Зевса, каким же образом дать людям истину и стыд:

> «Так ли их распределить, как распределены искусства? А распределены они вот как: одного, владеющего искусством врачевания, хватает на многих не сведущих в нем; то же и со всеми прочими мастерами. Значит, правду и стыд мне таким же образом установить среди людей или же уделить их всем?»
>
> «Всем, – сказал Зевс, – пусть все будут к ним причастны; не бывать государствам, если только немногие будут этим владеть, как владеют обычно искусствами. И закон положи от меня, чтобы всякого, кто не может быть причастным стыду и правде, убивать как язву общества».
>
> «Так-то, Сократ, и вышло по этой причине, что афиняне, как и все остальные люди, когда речь заходит о плотничьем уменье или о каком-нибудь другом мастерстве, думают, что лишь немногим пристало участвовать в совете, и, если кто не принадлежит к этим немногим и подаст совет, его не слушают, как ты сам говоришь – и правильно делают, замечу я; когда же они приступают к совещанию по части гражданской добродетели, где все дело в справедливости и рассудительности, тут они слушают, как и следует, совета всякого человека, так как всякому подобает быть причастным к этой добродетели, а иначе не бывать государствам. Вот в чем, Сократ, здесь причина»[245].

Стыд и истина – в основаниях этики, того, что делает сосуществование одного-и-другого *(мы)* возможным. Стыд и истина – украшение городов и основа дружбы. С другой стороны, стыд связан с влечением, в первую очередь с влечением смотреть, *Schautrieb*, и не просто связан, но служит, по

мысли Фрейда, одной из тех необходимых преград, которые поддерживают напряжение влечения. Напомним, если желание соотносится с виной, то влечение – со стыдом. Машина влияния потребительского капитализма нацелена на эксплуатацию не желания, а влечения, и циркуляция капитала в ней носит тот же циркулярный характер, что и влечения. В этой связи и приводится в действие программа по избавлению от стыда за наслаждение, которое выделяется по мере бесстыдной эксплуатации влечения. Сегодняшний Зевс рынка уже готов произнести: «Всякого, кто не может быть причастным наслаждению, убивать как язву общества». Господствующий сегодня дискурс не стыдится наслаждения. Напротив, идеология санкционирует наслаждение, а точнее – требует его, но при этом отказывает желанию. В результате этого сдвига «от желания к влечению мы переходим от утраченного объекта к утрате как таковой в качестве объекта»[246]. Если желание в силу невозможности быть удовлетворенным открывает горизонт, то влечение замыкается на себя, огибая черную дыру объекта *a*.

К объекту потребления, призванному совладать с утратой, стать затычкой дыры, не должно быть привязанности. В объекте уже изначально заложена необходимость его замены. Влечение огибает объект потребления, и важен в этом процессе не объект, а потребление. Потому и можно говорить настолько же о потребительском капитализме, насколько и о капитализме влеченческом. С его приходом не только стыд оказался под вопросом, но и истина. По меньшей мере, ее понимание смещается:

> Знак истины находится теперь в другом месте. Ему предстоит стать продуктом того, что пришло на смену античному рабу, то есть теми, кто сами являются продуктом, таким же продуктом потребления, как и другие. Недаром называют наше общество *обществом потребления*[247].

Для Бернара Стиглера переход от эксплуатации желания к эксплуатации влечения как раз и отмечает переход от биовласти к психовласти. Сдвиг от желания к влечению становится первым шагом в сторону новой нормализации, необходимой для работы когнитивной машины влияния. Идеология наук о мозге, генной инженерии, этологии человека – все это также задействовано при эксплуатации влечения, при его приручении к рыночной экономике. Наслаждение, выделяемое по ходу приручения, как отмечал Лакан, – то, что в капиталистической машинерии должно быть учтено. Если прибавочную стоимость можно рассчитать, то

почему не рассчитать прибавочное наслаждение?! Все отныне принадлежит исчисляемому порядку, и принципиальное значение имеет та система письма, которая основана на компьютере.

44. Aufschreibesystem 2000

Во введении мы уже говорили о понятии «системы записи» *(Aufschreibesystem).* Фридрих Киттлер выделяет в истории человечества две фазы записывающих систем[248]. Джеймс Тилли Мэтьюз переживает начала индустриализации, является субъектом первой *Aufschreibesystem 1800,* таковой Гуттенберга. Наталия А. принадлежит *Aufschreibesystem 1900* с ее новыми системами архивации: кинематографом, граммофоном, фотографией. Напомним, что она общается с Виктором Тауском посредством традиционного письма, хотя могла бы воспользоваться пишущей машинкой. Вторая фаза, как мы понимаем, не отрицает первой. Третья фаза, *Aufschreibesystem 2000,* ставит в центр письма компьютер, и, напомним, в 1993 году начался переход к построению тотальный цифровой вселенной, сопровождающейся воображаемым наплывом, господством режима зрелищности, причем, как ни странно, далеко не в последнюю очередь в технонауке. Такая тотализация образного не снилась и Ги Дебору. С другой стороны, речь идет о новой письменности.

Новая фаза систем записи, начавшаяся совсем недавно, продолжает установление режима синхронизации внимания, режима, предписывающего дезисторизацию и стандартизацию-индустриализацию представлений, что уже было присуще аналоговым медиа – фотографии, кинематографии, радио, телевидению. В то же время речь идет о цифровой революции, то есть о радикальном разрыве с аналоговыми медиа. Напомним, что Делез, говоря о наступлении общества тотального контроля, его главным инструментом называет компьютер. Он-то и централизует, собирает воедино в новой системе записи фотографию, кинематографию, радио, телевидение, письмо.

Цифровая грамматизация – основа автоматизации. Впрочем, грамматизация – всегда уже автоматизация, и Джеймс Тилли Мэтьюз задолго до появления компьютеров ощущал себя автоматом, управляемым агентами машины влияния. Другое дело, что сегодняшний десубъективированный автомат имеет не так много шансов отключиться от программирующей культуриндустрии в силу ее тотального характера. *Aufschreibesystem 2000* соединяет все медиа в единую *database,* базу данных, и потоки данных в ходе дигитализации подвергаются аккумуляции, трансформации, синхронизации, модуляции и т. д. Компьютер оказывается головной машиной влияния. При этом не стоит

забывать, что вспомогательные органы, в том числе и компьютер, не приращиваются без боли. И каждая новая техника трансформирует психику. Разве здесь не приводится всякий раз в действие машина влияния? Разве проходит это влияние безболезненно? Трансформация психики техникой каждый раз открывает рану отчуждения и вызывает к жизни призраков: «С появлением новых технологий боль образует некую особую форму пространства, так как технологии тоже вызывают боль <…> Все новые технологии приносят культурную хандру, будто прежние разбудили фантомную боль после того как исчезли»[249]. Эти слова вполне могут относиться и к Джеймсу Тилли Мэтьюзу, и к Наталье А., и к сегодняшним реалиям. Культурная хандра – то ли меланхолия, невозможная скорбь по утрате, то ли ипохондрия, возвращение языка органов шизофренической машины влияния. Ответ, конечно же: *и* то, *и* другое, и меланхолия, и ипохондрия. Они ведь между собой тесно связаны. И новый виток гипериндустриализации, включающей реорганизацию субъекта в условиях цифровой системы записи, *Aufschreibesystem* 2000, не проходит без меланхолии и ипохондрии.

Новая фаза систем записи предполагает и новый виток пролетаризации, который заключается в том, что во времена гипериндустриализации знание оказывается на стороне машин. Машины творят чудеса, но вопрос в том, как они это делают. В большинстве своем мы понятия не имеем, как работают все эти смартфоны, компьютерные программы, Wi-Fi, интернет, но это как бы и не нужно, поскольку знают машины. Мы не знаем пути, но навигатор знает. Мы не знаем, как пишутся слова, но компьютер знает. Мы не знаем номера телефонов, но телефон их сам знает. Знает тот, кто хранит запись[250]. Так мысль Феликса Гваттари о машинном бессознательном обретает совершенно иное звучание. Гваттари делает акцент на производственном характере бессознательного, и сегодня этот характер оказывается в том Другом, которого и следует назвать машиной влияния. Бессознательное на стороне машины, которая знает. Машина знает. Машина считает и просчитывает субъект или того, кто им когда-то был, прежде чем превратился в набор рассчитанных машинами данных, в *data base* – ячейку *data economy.*

---

notes

Примечания

1

Guattari F., Rolnik S. Molecular revolution in Brazil. LA: Semiotext(e), 2008. P. 44. Как-то мне довелось услышать по радио опрос на тему, почему вы так агрессивно ведете себя на дорогах. Самый распространенный ответ предполагал расщепление и проекцию: агрессивен не я, а моя машина.

2

Под бредом мы вслед за Фрейдом понимаем защитное образование, возникающее в ответ на некую неразрешимую проблему. Причем образование предельно логичное. Неудивительно, что в бред легче поверить, чем в какую-то недостаточно четко, на первый взгляд, сформулированную теорию.

З

Фрейд З. Один случай невроза в форме одержимости дьяволом в семнадцатом веке // Фрейд З. Одержимость дьяволом. Паранойя. СПб.: ВЕИП, 2006. С. 25–69.

4

Подробнее в: Мазин В. А. Паранойя: Шребер – Фрейд – Лакан. СПб.: Скифия-Принт, 2009.

5

Jay M. James Tilly Matthews and the air loom // Air Loom. Herausgegeben von Thomas Roske, Bettina Brand-Claussen. Heidelberg: Sammlung Prinzhorn, 2006. P. 61, 63.

6

О линейной перспективе Брунеллески как новом взгляда на мир см. Киттлер Ф. Оптические медиа / пер. с нем. О. Никифорова, Б. Скуратова. М.: Логос/Гнозис, 2009. С. 54–60.

7

Фуко М. Надзирать и наказывать / пер. В. Наумова. М.: ad Marginem, 1999. С. 198–199.

8

Фуко М. Психиатрическая власть / пер. А. В. Шестакова. СПб.: Наука, 2007. С. 43.

9

Лакан Ж. Токийская речь // Лакан в Японии / под ред. В. Мазина и А. Юран. СПб.: Алетейя, 2012. С. 24.

10

Фуко М. Психиатрическая власть. С. 16.

11

Там же. С. 65.

12

Там же. С. 70.

13

Фуко М. Психиатрическая власть. С. 98. Важно отметить, что в 2014 году, согласно психиатрам, появился бред Шоу Трумана. См. Gold IGold J. Suspicious Minds. N.Y.: Free Press. Авторы утверждают, что на смену Наполеонам в психиатрической больнице пришли люди, заявляющие: «Шоу Трумана» – фильм про них. Они чувствуют, как за ними следят тысячи глаз. Более того, невидимая техника теперь сканирует мозг, ДНК и контролирует всю жизнь. Разве не отмечен здесь один из принципиальных аспектов третьей машины влияния?

14

Там же. С. 45. Что касается Хаслама, то, пожалуй, Фуко напрасно его включил в этот список. Действительно, его случай – как раз тот самый, о котором идет речь в этой книге, – знаменит в истории психиатрии и, возможно, вообще уникален для своего времени, поскольку только ему одному и посвящена целая книга Хаслама, но вот ни о каком исцелении в ней даже близко, как мы увидим в дальнейшем, не говорится.

15

Фуко М. Психиатрическая власть. С. 66.

16

Jay M. The Air Loom Gang. L., N.Y.: Bantam Books, 2003. P. 239.

17

Делез Ж. Переговоры. СПб.: Наука, 2004. С. 223. «По отношению к будущим формам контроля в открытой среде самые жесткие формы изоляции, возможно, покажутся нам принадлежащими восхитительному и доброжелательному прошлому» (там же).

18

Там же. С. 227.

19

Одье Д. Интервью с Уильямом Берроузом. М.: Астрель, 2010. С. 139. И дальше: «Ключевой момент машины диктата на Западе – стремление сделать язык максимально безобразным, отделить слова от объектов и наблюдаемых процессов» (там же). Отметим и то, что начинается весь пассаж с мысли о том, что Америка – не кошмарный сон, а страна, лишенная сна, того, что, будучи спонтанным событием, «не поддается диктату» (там же).

20

См.: Салецл Р. Тирания выбора. М.: Дело, 2014.

21

Делез Ж. Переговоры. С. 228. «Нас учат, что у корпораций есть душа, и это является самой страшной мировой новостью» (там же, с. 231).

22

Там же. С. 231.

23

Stiegler B. Prendre soin, de la jeunesse et des générations. Paris: Flammarion, 2008. P. 235.

24

Stiegler B. Pharmacology of Desire: Drive-Based Capitalism and Libidinal Dis-economy // Loaded Subjects. Psychoanalysis, money and the global financial crisis / edited by David Bennett. L.: Lawrence & Wishart, 2012. P. 232.

25

Делез Ж. Переговоры. С. 223.

26

Там же. С. 230.

27

Тауск В. О возникновении «аппарата влияния» при шизофрении. Ижевск: ERGO, 2011. С. 9.

28

Stiegler B. États de choc: Bêtise et savoir au xxie siècle. P.: Fayard // Mille et une nuits, 2012. P. 320–321. С помощью паровой машины «англичане сначала добывают уголь, а затем используют в качестве двигателя для новых ткацких станков, изобретенных Эдмундом Картрайтом в 1785 году. Объемы хлопкопрядильного производства увеличиваются в 10 раз за 10 лет. Настоящий триумф машин! Доходит до того, что в 1812 году в Англии за уничтожение станка человека приговаривают к смертной казни» (Аттали Ж. Краткая история будущего. СПб.: Питер, 2014. С. 77–78).

29

Jay M. James Tilly Matthews and the air loom. P. 43.

30

Фрейд 3. Неудобства культуры. М.: Республика, 1995. С. 311.

31

Там же.

32

Там же. Огню Фрейд посвящает отдельную статью «О добывании огня» (1932). На сей раз мы на ней не задержимся.

33

Отдельного разговора, но не в данном случае заслуживает и закон, учреждающий отношения между братьями в мифе об убийстве праотца. Важно, что миф этот уже связан с орудийностью, в частности с орудием убийства. Этот закон, читая Фрейда вместе с Леви-Стросом, будет в деталях разрабатывать Лакан.

34

Уместно будет напомнить одну из принципиальных мыслей Леруа-Гурана: антропогенез – всегда уже техногенез.

35

Фрейд З. Неудобства культуры. С. 311.

36

Напомним, что трактат не исчез, по меньшей мере, по двум причинам. Во-первых, из-за нежелания Флисса что-либо возвращать Фрейду. Во-вторых, уже значительно позже, благодаря стараниям Мари Бонапарт сохранить наследие Фрейда.

37

Симондон Ж. Два урока о животном и человеке. М.: Грюндриссе, 2016. С. 83.

38

Фрейд 3. Неудобства культуры. С. 312.

39

Там же.

40

Возможно, здесь и стоило бы вести параллельный рассказ о страданиях Фрейда в течение последних шестнадцати лет его жизни, вызванных раковыми опухолями в ротовой полости и мучениями – мягко говоря, неудобствами, – которые причиняли ему протезы, но мы позволим себе этого не делать.

41

Интересно, что, когда речь идет о восполнении того, что называется дефектом начала, органической беспомощностью или, как мы предпочитаем говорить, нехваткой органического, и Фрейд, и Лакан прибегают к медицинской метафорике, что понятно, ведь речь идет о том, что предшествует явлению субъекта, о том, что его предзадает. И протезы, и ортопедия – понятия, в первую очередь, медицинские.

42

Пожалуй, стоит подчеркнуть используемое здесь нами понятие восполнения. Мы пользуемся им в том неразрешимом (undecidable) смысле, каким его наделил Деррида. Восполнение в деконструктивной логике не столько заполняет какую-либо нехватку – например, искусственное заполняет нехватку естественного – сколько одновременно производит замещение и приращение.

43

Мы имеем в виду совершенно банальную историческую деталь: книга Эрнста Каппа «Основы философии техники» (1877) впервые была переиздана на немецком языке в 2015 году (в 1970-е годы выходило небольшим тиражом факсимильное издание). На русском языке она так за 150 лет и не появилась, а издание его сочинений, в том числе «Основ философии техники», на английском языке готовится только сейчас, в 2016 году. Здесь же стоит сказать, что книга Каппа была в библиотеке Фрейда (спасибо за это указание переводчику «Основ философии техники» на английский язык Джеффри Кирквуду), но неизвестно, читал он ее или нет.

44

Kapp E. Grundlinien einer Philosophie der Technik. Hamburg: Felix Meiner Verlag, 2015. S. 3.

45

Традиция рассмотрения человеческой руки в качестве особенного человеческого органа идет, по меньшей мере, от Аристотеля, утверждающего в сочинении «О душе», что «душа есть как бы рука», что «рука есть орудие орудий», к Канту и Гегелю. Эрнст Капп продолжает эту традицию. См.: Maye H., Scholz L. Einleitung der Herausgeber // Kapp E. Grundlinien einer Philosophie der Technik. S. XXI–XXII.

46

Maye H., Scholz L. Einleitung der Herausgeber // Kapp E. Grundlinien einer Philosophie der Technik. S. xxiii.

47

Стиглер Б. Оружие (мертвого) Отца, или Наследие и наследование у Фрейда // Кабинет: Картины Мира II. СПб., 2001. С. 30.

48

Эту историю Фрейд излагает уже в другой своей книге – «Человек Моисей и монотеистическая религия» (1939).

49

Стиглер Б. Оружие (мертвого) Отца, или Наследие и наследование у Фрейда. С. 27.

50

Именно так со ссылкой на Лакана Стиглер предлагает понимать, то есть переводить defaut d'origine.

51

Платон. Протагор // Платон. Собр. соч. в 4 томах. Т. 1. М.: Мысль, 1990. С. 431.

52

Там же.

53

Там же.

54

Эсхил. Прикованный Прометей // Эсхил. Трагедии. М.: Наука, 1989. С. 248.

55

Стиглер Б. Оружие (мертвого) Отца или наследие и наследование у Фрейда. С. 27.

56

Стиглер Б. Оружие (мертвого) Отца или наследие и наследование у Фрейда. С. 27.

57

Шкловский В. Zoo, или Письма не о любви. М.: Азбука-классика, 2009. С. 17.

58

Там же. С. 14.

59

Шкловский В. Zoo, или Письма не о любви. С. 15.

60

Там же. С. 15–16.

61

Маклюэн Г. М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека. М: КАНОН-пресс-ц, Кучково поле, 2003. С. 5.

62

Маклюэн Г. М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека. С. 195.

63

Маклюэн Г. М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека. С. 50.

64

Там же.

65

Маклюэн Г. М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека. С. 57.

66

Jay M. James Tilly Matthews and the air loom. P. 63.

67

Haslam J. Observations on Madness and Melancholy. L., 1809. P. 275.

68

Фуко М. Психиатрическая власть. С. 324.

69

Там же.

70

Фуко М. Психиатрическая власть. С. 17.

71

Haslam J. Observations on Madness and Melancholy. P. 278.

72

Мы сознательно придаем оттенок сегодняшней экономики и переводим буквально moral management на русский вместо более правильного «морального управления» по соображениям, которые проясняются в заключительной части книги.

73

Porter R. Introduction // Haslam J. Illustrations of Madness. L., N.Y.: Routledge, 1988. P. xxvii.

74

Ibid. P. XL.

75

Фуко М. Психиатрическая власть. С. 24.

76

Письмо цитируется в приложении к изданию книги: Haslam J. Illustrations of Madness. L., N.Y.: Routledge, 1988. P. LV. Мэтьюз не провел остаток жизни в Бедламе, в 1814 году его перевели в частную психиатрическую больницу «Лондонский дом Фокса». Хозяин больницы, доктор Фокс, считал Мэтьюза в принципе здоровым. Мэтьюз помогал Фоксу заниматься библиотекой и садом до своей смерти 10 января 1815 года.

77

Во избежание недоразумений сразу скажем, что под орга-ницизмом мы понимаем здесь не социологические теории Герберта Спенсера, а психиатрическое объяснение психических состояний, расстройств, заболеваний исключительно нарушениями – анатомическими и функциональными – работы мозга.

78

Haslam J. Observations on Madness and Melancholy. P. 208.

79

Haslam J. Observations on Madness and Melancholy. P. 231.

80

Ibid. P. 236–237.

81

Ibid. P. 241.

82

Ibid. P. 242.

83

Jay M. James Tilly Matthews and the air loom. P. 61.

84

Porter R. Introduction // Haslam J. Illustrations of Madness. P. xl.

85

Фридрих Киттлер пишет об особом процветавшем с эпохи Ренессанса книгопечатном жанре – «театре машин» *(Theatra Machinarium)*, в котором содержались «как правило точные перспективистские эстампы или ксилографии существовавших или просто вымышленных механизмов – т. е. чертежи, которые должны были помочь наблюдателю успешно построить трехмерную машину по ее двухмерному изображению» (*Киттлер Ф.* Оптические медиа. С. 71).

86

Siegert B. Gehörgänge ins Jenseits – Der telephonische Entzug des Ohres // Grenzgänge zwischen Wahn und Wissen. Zur Koevolution von Experiment und Paranoia 18501910 / Torsten Hahn, Jutta Pethes (Hg.). Frankfurt; N.Y.: Campus Verlag, 2002. S. 179.

87

Фуко М. Психиатрическая власть. С. 125

88

Jay M. James Tilly Matthews and the air loom. P. 249.

89

Ibid. P. 252.

90

Фуко М. Психиатрическая власть. С. 124. Вот некоторые из этих элементов: во-первых, «постоянная видимость… знание того, что ты всегда под надзором, а точнее, что ты всегда можешь быть под надзором, всегда пребываешь под виртуальной властью постоянного взгляда, это знание само по себе обладает терапевтическим значением» (там же, с. 125). Во-вторых, это принцип «центрального наблюдения». В-третьих, это «принцип изоляции»: камера Эскироля «почти без изменений воспроизводит камеру бентамовского Паноптикума с ее двумя окнами и контрастным светом» (там же, с. 126). Психиатры считают, что «очень полезно видеть безумие других при условии, что каждый больной может смотреть на других больных так же, как смотрит на них врач» (там же, с. 126127). В связи с Бедламом речь идет не просто о соображениях Фуко, а о том, что в xviii веке Бедлам прославился своей открытостью, точнее превращением безумия в публичное развлечение, своего рода театрализованное шоу. Открытый доступ позволял приходить не только родственникам, а, так сказать, зевакам. О шоу можно говорить с полной уверенностью, поскольку Бедлам был открыт для публики по коммерческим причинам. За посещение обители безумия нужно было заплатить десять шиллингов.

91

Фуко М. Психиатрическая власть. С. 124.

92

Deposition of John Haslam before King's Bench November 1809. Appendix 2 // Haslam J. Illustrations of Madness. P. L–VI.

93

Writing by James Tilly Matthews, probably intended to be used by Haslam as evidence in the King’s Bench case. Appendix 2 // Haslam J. Illustrations of Madness. P. LVII–LXIV.

94

Jay M. James Tilly Matthews and the air loom. P. 208.

95

Jay M. James Tilly Matthews and the air loom. P. 41.

96

Ibid. P. 42.

97

Haslam J. Illustrations of Madness. P. 15.

98

Ibid. P. 16. Мэтьюзу мало этого утверждения, он еще и примечание делает: «Самый слабый разум, который мне когда-либо доводилось видеть, увы, принадлежал одному доктору права из Университета Глазго» (ibid.).

99

Фуко М. Психиатрическая власть. С. 159.

100

Там же. С. 193.

101

Мэтьюз приехал во Францию вместе с экстремистски настроенным Дэвидом Уильямсом, который был хорошо знаком с жирондистами, в частности с Жаком-Пьером Бриссо и Ле Брюном. Более того, Бриссо был еще и радикальным месмеристом. В июне 1793 года жирондистов сменили у власти якобинцы, и Мэтьюз попал под подозрение как двойной агент.

102

Siegert B. Gehörgänge ins Jenseits – Der telephonische Entzug des Ohres. P. 181.

103

Roske TBrand-Claussen B. Illustrations of Madness. Delusions, Machines and Art // Air Loom. Herausgegeben von Thomas Roske and Bettina Brand-Claussen. Heidelberg: Sammlung Prinzhorn, 2006. P. 16.

104

Цит. по: Porter R. Introduction // Haslam J. Illustrations of Madness. P. XX.

105

Там же. Р. XXIII.

106

Jay M. James Tilly Matthews and the AIR LOOM. P. 104.

107

Фуко М. Психиатрическая власть. С. 73.

108

Цит. по: Porter R. Introduction // Haslam J. Illustrations of Madness. P. LII.

109

Jay M. James Tilly Matthews and the air loom. P. 52–53.

110

Jay M. James Tilly Matthews and the air loom. P. 55.

111

Roudinesco EPlon M. Dictionnaire de la psychanalyse. Fayard, 2006. P. 682.

112

Там же. Р. 681.

113

Шерток Л., де Соссюр Р. Рождение психоаналитика. От Месмера до Фрейда. М.: Прогресс, 1991. С. 40.

114

Там же. С. 41.

115

Haslam J. Illustrations of Madness. P. 45.

116

Ibid. P. 42.

117

Haslam J. Illustrations of Madness. P. 45. P. 19–20.

118

Ibid. P. 52.

119

Мы благодарны за данное замечание Бернхарду Зигерту.

120

Haslam J. Illustrations of Madness. P. 21.

121

Haslam J. Illustrations of Madness. P. 26. Впрочем, в другом месте Мэтьюз утверждает, что «мозговор» Шарлотта осуществляет исключительно по-французски.

122

Haslam J. Illustrations of Madness. P. 21.

123

Haslam J. Illustrations of Madness. P. 29.

124

Хаслам отмечает, что такого слова, assailment, в английском языке нет. Этот неологизм Мэтьюза – субстантивация глагола to assail («нападать, атаковать, оскорблять»).

125

Haslam J. Illustrations of Madness. P. 38.

126

Ibid. P. 56

127

Ibid. P. 56.

128

Haslam J. Illustrations of Madness. P. 38.

129

Ibid. P. 40.

130

Haslam J. Illustrations of Madness. P. 40.

131

Ibid. P. 59. Помнят в данном случае – commemorate – «празднуют, отмечают, чтят память».

132

Здесь и в других случаях мы сознательно переводим одно и то же словосочетание с разными оттенками.

133

Тауск В. О возникновении «аппарата влияния» при шизофрении. С. 7.

134

Там же.

135

Там же. С. 8.

136

Там же.

137

Там же.

138

Там же.

139

Там же. С. 16–17.

140

Маклюэн МФиоре К. Война и мир в глобальной деревне / пер. И. Летберга. М.: Астрель, 2011. С. 43.

141

Матурана У., Варела Ф. (1984). Древо познания. М.: Прогресс-Традиция, 2001. С. 149.

142

Там же. С. 17. В другом контексте, а именно кинематографическом, который, как мы увидим далее, также значим в случае Наталии А., важным как раз оказывается слово аппарат. Принципиальное место оно занимает в кинокритике, в сформулированной в 1970-е годы теории аппарата. О различии между аппаратом и диспозитивом в контексте машины влияния Наталии А. см.: Copjec J. The Anxiety of the Influecning Machine // October. No. 23. MIT Press, 1982. P. 43–59.

143

Этимологически машина восходит к механике – к механе, μηχανή, движению. Тауск прибегает в своей статье к словам машина и механика.

144

Маклюэн М. Понимание медиа: Внешние расширения человека / пер. В. Николаева. М.: Кучково поле, 2011. С. 52–53

145

Лакан Ж. (1953/1954) Семинары. Книга 1. Работы Фрейда по технике психоанализа / пер. А. Черноглазова. М.: Гнозис/Логос, 1998. С. 37.

146

Бион У. Р. О галлюцинации // Идеи У. Р. Биона в современной психоаналитической практике. Сборник научных трудов. М., 2008. С. 127.

147

Brudertier Du// Andreas-Salome L. In der Schule bei Freud. Tagebuch eines Jahres 1912/1913. Frankfurt a. M., Berlin, Wien: Ullstein Materialien, 1983. S. 189.

148

Brudertier Du// Andreas-Salome L. In der Schule bei Freud. Tagebuch eines Jahres 1912/1913. S. 45.

149

Ibid. S. 188.

150

Eissler K. Victor Tausk’s Suicide. Intl Universities, 1983 // Roudinesco E., Plon M. Tausk Viktor // Dictionnaire de la psychanalyse. P. 1066–1068. См. также: L’approt freudien. Sous la direction de Pierre Kaufmann. P.: Bordas, 2003. P. 930.

151

Пол Роазен приводит по этому случаю фрагмент статьи Фрейда, написанной через несколько месяцев после смерти Тауска. Фрейд пишет, что самоубийца, во-первых, «убивает объект, с которым идентифицируется, а, во-вторых, обращает на себя желание смерти, направленное на другого» (*Roazen P.* Introduction // *Tausk V.* Sexuality, War, and Schizophrenia. Transaction Publ. P. 12).

152

Тауск В. О возникновении «аппарата влияния» при шизофрении. С. 9.

153

Там же. С. 17.

154

То, что машина не поддается описанию, может объясняться эффектом нераспознавания (méconnaissance), неузнаванием себя, своего собственного двойника. Это – и тот, и не тот случай.

155

Лакан Ж. (1972/73) Ещё. Семинар. Книга xx. М.: Гнозис / Логос, 2011. С. 67.

156

Там же.

157

Тауск В. О возникновении «аппарата влияния» при шизофрении. С. 9. Далее Тауск вновь заговорит о laterna magica и откажется учитывать эту машину на том основании, что ее «конструкция слишком хорошо подходит к приписываемому ей воздействию <…> Эта рациональная надстройка совершенно непрозрачна (Dieser rationelle Überbau ist ganz undurchsichtig)» (с. 16). Тауск считает, как мы помним, что нужны менее прочные и даже сломанные постройки, отверстия в стенах которых позволяют заглянуть внутрь.

158

Там же. С. 9. Тауск позже в виде вопроса возвращается к этой мысли: «Не может ли „видение образов в плоскости“ быть стадией развития зрительного чувства, которая также лежит еще до галлюцинаторной стадии?» (с. 41). Галлюцинаторная стадия предшествует стадии представлений-воспоминаний, но при этом она являет собой «уже вид объективации» (с. 40). Тауск прорывается еще дальше, по ту сторону галлюцинации.

159

Аппарат, фильмический аппарат (dispositif, dispositif filmique) – понятие, широко распространившееся в кинокритике в 1970-е годы в первую очередь благодаря Ж.-Л. Бодри и К. Метцу, которые формулировали его, сознательно указывая на его сродство с фрейдовским психическим аппаратом. Фильмический аппарат зачастую сопоставляется с психическим аппаратом спящего («забывание отдельных стадий развития аппарата при его последовательной конструкции, несомненно, играет такую же роль, как и забывание возникновения картин сновидений», с. 23) и, можно сказать, с нарциссическим аппаратом.

160

Лакан Ж. (1964). Четыре основные понятия психоанализа. Семинар. Книга XI. М.: Гнозис/Логос, 2004. С. 196.

161

Тауск В. О возникновении «аппарата влияния» при шизофрении. С. 9.

162

Там же. Здесь как будто встречаются два разных аппарата— аппарат Ипполита Бернгейма и аппарат Зигмунда Фрейда!

163

Тауск В. О возникновении «аппарата влияния» при шизофрении. С. 20.

164

Там же. С. 11. Эта имманентность исторична. Вполне возможно, что Тауск проходится с потребностью в каузальности по западному логосу. Непреложность причинно-следственных связей характеризует как раз даже не столько западный логос, сколько научную парадигму.

165

В V главе, рассуждая о двух аспектах нарциссизма, психическом нарциссизме и нарциссизме органическом, Та-уск предполагает, что отчуждение – результат перегрузки либидо, за которым «следует отказ *я* от органа или его функции, нездорово перегруженных либидо»; и чуть дальше: «чуждость *(Fremdheit)* – защита от либидинозной нагруженности объекта» (там же, с. 156). Между тем Лакан в первом семинаре также говорит о двух нарциссизмах: «сперва существует один нарциссизм, относящийся к телесному образу» (первичный нарциссизм; Лоренцо Кьеза предпочитает называть его животным нарциссизмом), затем следует «второй нарциссизм», образцом которого «становится отношение к другому» и «идентификация вторичного нарциссизма является идентификацией с другим, в норме позволяющей человеку точно определить свое воображаемое и либидинальное отношение к миру вообще» *(Лакан Ж.* Семинары. Книга 1. Работы Фрейда по технике психоанализа. С. 168–169).

166

Тауск В. О возникновении «аппарата влияния» при шизофрении. С. 46.

167

Там же. С. 28

168

Тауск В. О возникновении «аппарата влияния» при шизофрении. С. 14.

169

Фрейд З. (1915). Бессознательное // Психология бессознательного. М.: Фирма стд, 2006. С. 168.

170

Там же.

171

Фрейд З. (1915). Бессознательное. С. 169.

172

Там же.

173

Фрейд З. (1915). Бессознательное. С. 169.

174

Там же. С. 170.

175

Тауск В. О возникновении «аппарата влияния» при шизофрении. С. 46.

176

Там же. С. 18.

177

Freud S. Briefe an Wilhelm Fliess 1887–1904. Frankfurt a. M.: S. Fischer Verlag, 1986. S. 149.

178

Кафка Ф. В исправительной колонии // Сочинения в трех томах. Т. 1. М.: Художественная литература. С. 160

179

Там же. С. 159

180

Там же. С. 161

181

Там же. С. 164

182

Фрейд З. Толкование сновидений / пер. А. М. Боковикова. М.: Фирма стд, 2005. С. 344.

183

Liu C. Copying Machines: taking notes for the automaton. The University of Minnesota, 2000. P. 131.

184

Тауск В. О возникновении «аппарата влияния» при шизофрении. С. 19.

185

Liu C. Copying Machines: taking notes for the automaton. P.132.

186

Фрейд З. Психоанализ и телепатия // Российский психоаналитический вестник. 1992. № 2. С. 136.

187

Тауск В. О возникновении «аппарата влияния» при шизофрении. С. 19.

188

Там же.

189

Там же. С. 20.

190

Там же. С. 2 6.

191

Там же. С. 27.

192

Тауск В. О возникновении «аппарата влияния» при шизофрении. С. 27.

193

Там же. С. 28–29. Тауск, противопоставляя либидо и я, прописывает их диалектику. Он говорит о двух сторонах я, «главным оружием которого является интеллект», и либидо, неподконтрольное я.

194

Тауск В. О возникновении «аппарата влияния» при шизофрении. С. 26. Мысль Виктора Тауска продолжает Джон Форрестер: «Эта ложь – первый акт независимости. Можно сказать, что ложь обнаруживает для маленькой девочки ум, отличный от такового ее матери. Глубина ее собственного сознания обнаруживается в нехватке материнского знания. Эта творческая функция лжи связана с возможностью инаковости, самой возможностью возможности…» (Forrester J. Truth games. Lies, Money, and Psychoanalysis. Harvard University Press, 1997. P. 25).

195

Тауск В. О возникновении «аппарата влияния» при шизофрении. С. 26. Тауск делает особое примечание по поводу лжи, в котором говорит, в частности, что научиться лгать ребенок тоже может благодаря другому – воспитателю, родителю, который в свою очередь, будучи уличенным во лжи, призывает на помощь воспитанию всеведущего Бога. Отныне все мысли известны не другим, а Другому. Эта вера, как известно, также может пройти.

196

Там же. С. 39.

197

Джоан Копжек, размышляя на эту тему, указывает, что «психотик, чье телесное переживание сведено к двум измерениям, не имеет тела, так сказать, лишь своего рода рамку или телесную поверхность» (Copjec J. Imagine there is no Woman: Ethics and Sublimation. MIT Press, 2002. P. 192).

198

Тауск В. О возникновении «аппарата влияния» при шизофрении. С. 19.

199

Там же.

200

Тауск В. О возникновении «аппарата влияния» при шизофрении. С. 23.

201

Там же.

202

Фрейд З. Я и оно. М.: Меттэм, 1990. С. 24.

203

Freud S. (1938). Findings, Ideas, Problems // The Standard Edition of the complete psychological works of Sigmund Freud. Volume XXIII (1937–1939). L.: The Hogarth Press and the institute of psychoanalysis, 1964. P. 300.

204

Тауск В. О возникновении «аппарата влияния» при шизофрении. С. 23–24.

205

Там же. С. 50.

206

Тауск В. О возникновении «аппарата влияния» при шизофрении. С. 32.

207

Там же. С. 33.

208

Там же. С. 48.

209

Там же.

210

Тауск В. О возникновении «аппарата влияния» при шизофрении. С. 49.

211

Там же.

212

Там же. С. 33.

213

Фрейд 3. Я и оно. С. 24.

214

Тауск В. О возникновении «аппарата влияния» при шизофрении. С. 19.

215

Тауск разводит в стороны выбор объекта и нахождение объекта. Выбор осуществляется либидо, нахождение – психикой, точнее, словами Тауска, интеллектом. Фаза зеркала предполагает обнаружение себя: «проекцию собственного тела следовало бы объяснять той стадией развития, на которой собственное тело являлось предметом нахождения объекта. Это должен быть тот период, когда младенец по частям открывает для себя свое собственное тело как внешний мир, когда он хватает свои руки и ноги, словно посторонние предметы. В этот период все, что „происходит“ с ним, идет из его собственного тела, его психика – объект раздражений, оказываемых на нее его собственным телом, словно посторонними предметами. Эти disjecta membra складываются затем в я, в единое целое, находящееся под контролем психического единства, к которому от всех элементов целого стекаются ощущения удовольствия и неудовольствия. Это происходим путем *идентификации с собственным телом.* Найденное таким образом *я* получает заряд имеющегося либидо; в связи с *психизмом я* формируется *нарциссизм*, а в связи с наличием отдельных органов как источником удовольствия – *аутоэротизм*» (там же, с. 34–35).

216

Там же. С. 34.

217

Тауск В. О возникновении «аппарата влияния» при шизофрении. С. 36.

218

Там же.

219

Там же. С. 43.

220

Там же. С. 21. Гваттари и Делез говорят не о психиатрической параноидной шизофрении, а о столкновении двух полюсов, параноидного и шизофренического. В частности, о столкновении паранойяльного аппарата преследования с желающими машинами тела без органов: «паранойяльная машина, действие, направленное на взлом желающих машин на теле без органов, и отторгающая реакция тела без органов, которое испытывает их в целом в качестве аппарата преследования» (Анти-Эдип / пер. Д. Кралечкина. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. КС. 25). В следующем предложении Гваттари и Делез упрекают Виктора Тауска в сведении аппарата преследования к простой проекции тела и половых органов. Упреки эти, на наш взгляд, неуместны как раз в силу того, что Тауск отнюдь не производит такой редукции. Речь, как мы видим, у него скорее в духе самих Гваттари и Делеза предполагает постоянную трансформацию машины влияния, ее непрерывное становление в шизопотоках, откуда и невозможность консолидации паранойяльной картины, откуда еще одно объяснение непредставимости аппарата.

221

К этому сновидению Тауск отдельно обращается в небольшой статье 1914 года об использовании одежды и цветов для построения картин сновидения.

222

Тауск В. О возникновении «аппарата влияния» при шизофрении. С. 25. Этот момент размышлений Тауска неизбежно напоминает о соотнесении двух аппаратов Фрейдом, а именно о начале седьмой главы «Толкования сновидений», где читателю сообщается об уравнении с двумя неизвестными – об аппарате психическом и о нейроаппарате.

223

Лакан Ж. (1964). Четыре основные понятия психоанализа. С. 207.

224

Тауск В. О возникновении «аппарата влияния» при шизофрении. С. 26. Тауск вспоминает в связи с этим следующий случай: «Шестнадцатилетняя пациентка клиники Вагнера всегда начинала весело смеяться, когда я спрашивал о ее мыслях. Катамнестически она указала на то, что думала, что я подшучиваю над ней, якобы я и так уже знаю ее мысли, так как они одновременно находятся и в моей голове» (там же).

225

Там же. С. 26.

226

Там же. С. 18.

227

Там же.

228

Там же. С. 51.

229

В матерном русском языке тому немало подтверждений. Так, вместо фразы «к нам пришел какой-то мужчина» вполне можно использовать синекдоху «к нам пришел какой-то х…». Фраза «и п… еще какая-то приперлась» означает, разумеется, что пришла женщина, а не ее половой орган. Чаще всего «какая-то», «какой-то» подчеркивают: х… или п… – неизвестный человек.

230

Тауск В. О возникновении «аппарата влияния» при шизофрении. С. 53.

231

Там же. С. 52–53.

232

Там же. С. 53.

233

Тауск В. О возникновении «аппарата влияния» при шизофрении. С. 53.

234

Там же. С. 54.

235

Там же.

236

Лакан Ж. (1953/1954) Работы Фрейда по технике психоанализа. Семинары. Книга 1. М.: Гнозис / Логос, 1998. С. 184.

237

Enzensberger H. M. The Industrialization of the Mind // Critical Essays. N.Y.: Continuum, 1982. P. 10. См. также близкую по содержанию статью Энценсбергера «Индустрия сознания» в одноименной книге (М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. С. 6–22).

238

Fuchs T. On the Phenomenology of the Influencing-Ma-chine // Air Loom. Herausgegeben von Thomas Roske, Bettina Brand-Claussen. Heidelberg: Sammlung Prinzhorn, 2006.P. 39.

239

Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе / пер. А. Черноглазова. М.: Гнозис, 1995. С. 16.

240

Enzensberger H. M. The Industrialization of the Mind. P. 10. Впрочем, с психоаналитической точки зрения эти два оппозиционных понятия более чем сомнительны. По меньшей мере, для Фрейда, Лакана и Гваттари эта оппозиция – ложная. Фрейд в 1921 году пишет: «В психической жизни одного человека другой всегда учитывается <…>, а потому индивидуальная психология с самого начала является одновременно и психологией социальной» (Фрейд З. Психология масс и анализ я // Фрейд З. Вопросы общества и происхождение религии / пер. А. М. Боковикова. М.: Фирма СТД, 2008. С. 65.

241

Nancy J. L’Intrus. P.: Galilée, 2000. P. 44.

242

Stiegler B. Prendre soin de la jeunesse et des générations. P. 46.

243

Ibid. P. 84.

244

Stiegler B. Prendre soin de la jeunesse et des générations. P. 136.

245

Платон. Протагор. С. 432.

246

Zizek S. Objet a in Social Link // Jacques Lacan and the Other Side of Psychoanalysis / Justin Clemens and Russell Grigg, editors. Durham and L.: Duke University Press, 2006. P. 117.

247

Лакан Ж. (1969–1970) Изнанка психоанализа. Семинары. Книга 17 / пер. А. Черноглазова. М.: Гнозис / Логос, 2008. С. 35.

248

Kittler F. Aufschreibsysteme 1800–1900. München: Wilhelm Fink Verlag, 1985.

249

Маклюэн М., Фиоре К. Война и мир в глобальной деревне. С. 19.

250

«Сам по себе мобильный телефон затрагивает наш способ существования в мире, причем с философской точки зрения и, конечно, в гораздо большей степени, чем „средства массовой информации“, потому что здесь мы имеем дело со „средствами массового регистрирования“. Чем раньше мы обратим на это внимание, тем лучше» (Феррарис М. Ты где? Онтология мобильного телефона. М.: НЛО, 2010. С. 31).